

ДАРОН АДЖЕМОГЛУ
ДЖЕЙМС А. РОБИНСОН

УЗКИЙ КОРИДОР

ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВА
И СУДЬБА СВОБОДЫ

Цивилизация и цивилизации

Джеймс Робинсон

Узкий коридор

«Издательство АСТ»

2019

УДК 94
ББК 63.3

Робинсон Д. А.

Узкий коридор / Д. А. Робинсон — «Издательство АСТ»,
2019 — (Цивилизация и цивилизации)

ISBN 978-5-17-121833-1

Авторы международного бестселлера «Почему одни страны богатые, а другие бедные» в своей новой книге исследуют, как одни страны развиваются и обеспечивают свободу гражданам, а другие впадают в деспотизм или беззаконие. Свобода возникает, когда между государством и обществом, между элитами и гражданами устанавливается хрупкое и постоянное равновесие. Но как им научиться не только конкурировать, но и сотрудничать? Как пройти ведущим к свободе узким коридором, зажатым между деспотизмом и анархией? И почему этот коридор столь узок? Отвечая на такие вопросы, Д. Аджемоглу и Д.А. Робинсон помогают нам понять прошлое и настоящее, а также заглянуть в будущее. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-17-121833-1

© Робинсон Д. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	7
Все зло мира	8
Проблема Гильгамеша	9
Узкий коридор, ведущий к свободе	11
Глава 1. Как заканчивается история?	13
Грядущая анархия?	13
Государство Пятнадцатой статьи	14
Поездка в страну доминирования	15
Война всех против всех и Левиафан	19
Шок и трепет	23
Трудовое перевоспитание	25
Левиафан-Янус	28
Клетка норм	29
О чем не сказал Гоббс	34
Обуздание техасцев	35
Обузданный Левиафан	37
Разнообразие, а не конец истории	38
Краткое изложение остальных частей книги	39
Глава 2. Эффект Красной королевы	43
Подвиги Тесея	43
Солон обуздывает Левиафана	46
Эффект Красной королевы	50
Когда необходим остракизм	52
Отсутствующие права	56
Вожди? Какие вожди?	62
Скользкий склон	65
Нечитаемые Staying Illegible	67
Узкий коридор	71
Доказательство пудинга	75
Обуздание Левиафана: доверяй, но проверяй	80
Глава 3. Воля к власти	81
Возвышение пророка	81
В чем твое преимущество?	86
Рога буйвола	88
Злодей, не ведающий закона	90
Оружие с красной пастью	94
Нарушение табу	97
Трудное время	99
Почему нельзя обуздать волю к власти	101
Глава 4. Экономика вне коридора	103
Дух в амбаре	103
Нет места для трудолюбия	105
Экономика клетки	108
Ибн Хальдун и цикл деспотизма	110
Ибн Хальдун открывает кривую Лаффера	114
Деспотический рост Янусоликого	118

Закон треснувшего весла	120
Акула, идущая вглубь земли	122
Птица, пожирающая других	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Джеймс А. Робинсон, Дарон Аджемоглу

Узкий коридор

Daron Acemoglu and James A. Robinson

THE NARROW CORRIDOR

© Daron Acemoglu and James Robinson, 2019

© Перевод. О. Перфильев, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

*Посвящается Арде и Арасу, даже если это и меньше того, что я
вам должен. — Д. А.*

Адриану и Тулио. Мне прошлое, вам будущее. — Дж. Р.

Предисловие

Эта книга – о свободе¹ и о том, почему некоторым обществам удастся ее достичь, а некоторым – нет. А также о следствиях свободы, особенно об экономическом процветании. В своем определении свободы мы следуем за философом Джоном Локком, который утверждал, что люди обладают свободой, если

совершенно вольны выполнять действия и распоряжаться своим имуществом и своей личностью, как считают нужным... не спрашивая дозволения и не завися от воли другого человека.

В этом смысле свобода – наивысшее устремление всех людей. Локк особо подчеркивает, что

никто не должен вредить жизни, здоровью, свободе или имуществу другого.

Очевидно, что такая свобода редко наблюдалась в истории, редко она встречается и в наши дни. Каждый год миллионы людей с Ближнего Востока, из Африки, Азии и Центральной Америки покидают свои дома, рискуя жизнями и здоровьем, – не потому что стремятся к более высоким доходам или к большему комфорту, но потому что пытаются защитить себя и свои семьи от насилия и страха.

Философы предложили множество определений свободы. Но на самом фундаментальном уровне, как признавал Локк, свобода начинается с отсутствия насилия, угроз и других факторов, унижающих достоинство личности. Люди должны иметь право свободно распоряжаться своей жизнью без страха перед неоправданно жестоким наказанием или драконовскими социальными нормами.

¹ Авторы используют термин *liberty*, имеющий социально-политические или философские коннотации, – в противовес слову *freedom*, имеющему более общий смысл (в том числе и просто физической свободы). Поэтому я иногда дополняю слово «свобода» прилагательным «политическая», чтобы указать именно на эту существенную особенность термина. – *Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.*

Все зло мира

В январе 2011 года на рынке Харика в Старом городе Дамаска, столицы Сирии, вспыхнули спонтанные протесты против деспотического режима Башара аль-Асада. Вскоре после этого в городе Даръа на юге Сирии были схвачены и подвергнуты пыткам подростки, писавшие на стенах антиправительственные лозунги, например: «Народ требует свержения правительства». У здания полицейского участка собралась толпа, требовавшая освободить мальчишек, и полицейские застрелили двоих манифестантов, а это привело к массовым беспорядкам, охватившим вскоре всю страну. Как выяснилось, о свержении правительства мечтали многие.

Началась гражданская война. Можно сказать, что на обширной территории Сирии перестало действовать государство с его вооруженными силами и службами безопасности. Но вместо свободы сирийцы погрузились в пучину гражданской войны и неконтролируемого насилия.

Адам, координатор СМИ в Латакии, размышляет о том, что случилось далее:

Мы думали, что получили подарок, а на самом деле получили все зло мира.

Хусейн, драматург из Алеппо, так подвел итоги:

Мы не ожидали, что в Сирию проникнут эти темные группы – те, которые сейчас взяли ситуацию в свои руки.

Самая известная из этих «темных групп» – так называемое «Исламское государство» (ИГИЛ), целью которого было создание нового Исламского халифата. В 2014 году ИГИЛ взяло под контроль крупный сирийский город Ракку. По другую сторону границы, в Ираке, исламисты захватили Фаллуджу, Рамади и исторический город Мосул с населением в полтора миллиона. ИГИЛ и другие организации боевиков заполнили вакуум, оставленный слабыми правительствами Сирии и Ирака, развязав террор невообразимой жестокости. Избиения, обезглавливания, пытки и увечья стали повседневностью. Абу-Фирас, боец Свободной сирийской армии, так описывает «новую норму» в Сирии:

Давно я уже не слышал, чтобы кто-то умер по естественным причинам. Сначала убивали одного-двух человек в неделю. Затем двадцать. Затем пятьдесят. Затем это стало нормой. Потеряв пятьдесят человек, мы думали: «Слава богу, *всего* пятьдесят!» Я не мог заснуть, если не слышал грохота бомб или свиста пуль. Казалось, будто чего-то не хватает.

Амин, физиотерапевт из Алеппо, вспоминает:

Один из парней говорил по телефону со своей подружкой и сказал: «Дорогая, я на пару минут отойду. Позвоню позже, с телефона Амина». Чуть погодя подружка спросила про него, а я ответил, что его убили. Она заплакала, а друзья спросили меня: «Зачем ты ей рассказал?» Я ответил: «Потому что это случилось. Это нормально. Он умер...» Я открыл телефон, посмотрел на свои контакты и понял, что в живых остались только один-два человека. Нам говорят: «Если кто-то погибает, не удаляйте его номер. Просто замените имя на “Мученик”». Я открыл список контактов, а там были сплошные «Мученик», «Мученик», «Мученик»...

Крах сирийской государственности породил гуманитарную катастрофу невероятных масштабов. Предполагается, что из довоенного населения в 18 миллионов свои жизни потеряли 500 000 сирийцев. Более шести миллионов вынуждены были покинуть свои дома внутри страны, а еще пять миллионов покинули страну и в настоящее время живут как беженцы.

Проблема Гильгамеша

То, что крах сирийского государства вызвал катастрофу, не удивляет. Философы и социологи издавна утверждали, что государство необходимо для разрешения конфликтов, соблюдения законов и сдерживания насилия. Как выразился Локк,

там, где нет закона, нет свободы.

И все же сирийцы начали протестовать против государства – автократического режима Асада – именно ради свободы. Адам с грустью вспоминает:

Как ни странно, мы выходили на демонстрации, чтобы искоренить коррупцию и криминал – зло, от которого страдали люди. Но в результате пострадало еще больше людей.

Адам и другие сирийцы столкнулись с проблемой, настолько типичной для человеческого общества, что она стала темой одного из самых древних сохранившихся письменных текстов – «Эпоса о Гильгамеше», записанного на шумерских глиняных табличках, которым более 4200 лет. Гильгамеш был царем Урука – возможно, одного из древнейших городов мира, стоявшего некогда на берегу ныне пересохшего русла реки Евфрат на юге современного Ирака. Таблички рассказывают, что Гильгамеш правил замечательным городом с процветающей торговлей, предоставлявшим общественные услуги для всех его обитателей:

Смотри, как блещут его укрепления – словно медь на солнце. Поднимись по каменной лестнице... пройди по стене Урука, обойди по ней город, восхитись его мощными основаниями, осмотри кирпичную кладку, как искусно она выполнена, посмотри, как обширен город, узри великолепные дворцы и храмы, лавки торговцев и рынки, жилые дома, общественные площади.

Но есть здесь и кое-какая проблема:

Кто подобен Гильгамешу?... Он владеет городом, он горделиво вышагивает по нему, подняв высоко голову, он топчет горожан, словно дикий бык. Он царь, он делает все, что захочет, забирает сына у отца и сокрушает его, забирает дочь у матери и пользуется ею... Никто не смеет перечить ему.

На Гильгамеша нет никакой управы – он немного похож на сирийского Асада. Горожане в отчаянии «возопили к небесам» – к Ану, богу неба, главному божеству шумерского пантеона. Они взмолились:

О, небесный отец! Гильгамеш... перешел все пределы. Люди страдают от его тирании... Разве ты хочешь, чтобы царь правил именно таким образом? Разве должен пастух разорять свое стадо?

Ану внял мольбам жителей Урука и попросил Аруру, мать творения,

создать двойника Гильгамеша, его второе «я», человека, который будет равен царю по силе и смелости, равен ему своим бурным сердцем. Пусть Гильгамеш и новый герой уравновесят друг друга, а Урук обретет покой.

Так была решена «проблема Гильгамеша»: необходимо было уравновесить мощь и влияние государства таким образом, чтобы от него была польза, а не вред. «Двойника», которого предложил Ану, сегодня называют «системой сдержек и противовесов». Сдерживать Гильгамеша должен был его двойник Энкиду. Джеймсу Мэдисону, одному из отцов-основателей государственной системы США, это понравилось бы. Через четыре тысячи лет после Гильгамеша

он утверждал, что конституции следует составлять таким образом, чтобы «амбициям противодействовали амбиции».

Впервые Гильгамеш встретился со своим двойником в тот момент, когда собирался силой овладеть очередной городской невестой. Энкиду преградил ему вход в дом, и они вступили в схватку. И хотя Гильгамеш в конечном итоге одержал верх, его единоличному и деспотическому правлению настал конец. Вероятно, в результате в Уруке были посеяны семена свободы?

К сожалению, нет. Система сдержек и противовесов, навязанная сверху, обычно не работает. Не сработала она и в Уруке. Гильгамеш с Энкиду вступили в сговор. Эпос рассказывает:

Они обнялись и поцеловались. Взялись за руки, словно братья. Пошли бок о бок. Стали настоящими друзьями.

Впоследствии герои совместно одолели чудовище Хумбабу, хранителя великих кедровых лесов в Ливане. Когда боги в качестве наказания наслали на них Небесного быка, друзья сообща убили и его. Надежда на воцарение свободы в городе угасла, как и система сдержек и противовесов.

Но если система сдержек и противовесов, основанная на сговоре и дружбе двойников, не порождает свободу, то что же может ее породить? Уж точно не режим Асада. Но и не анархия, последовавшая за крахом этого режима.

Наш ответ прост: для свободы необходимы государство и законы. Но она не даруется государством или контролирующими его элитами. Свободу завоевывают рядовые граждане, общество в целом. Обществу необходимо контролировать государство, чтобы оно защищало и поощряло свободу, а не подавляло ее, как это делал Асад в Сирии до 2011 года. Для свободы нужно мобилизованное общество, которое может участвовать в политике, когда нужно – протестовать, а в случае необходимости лишать правительство власти путем голосования на выборах. Свобода рождается из хрупкого равновесия сил между государством и обществом.

Узкий коридор, ведущий к свободе

Тезис нашей книги состоит в том, что для возникновения и расцвета свободы сильными должны быть и государство, и общество. Сильное государство необходимо, чтобы сдерживать насилие, следить за исполнением законов и предоставлять общественные услуги, которые позволяют рядовым гражданам делать свободный жизненный выбор и добиваться своих целей. Сильное и активное общество необходимо для сдерживания сильного государства и контроля над ним. Двойники и система сдержек и противовесов сами по себе не решают «проблему Гильгамеша», потому что без бдительного общества, конституции и гарантии стоят не больше пергамента или бумаги, на которой они написаны.

Узкий коридор, ведущий к свободе, зажат с одной стороны страхом перед деспотическим государством с его репрессиями и жестокостью, а с другой – ужасом перед возникающим в отсутствие государства беззаконием. Именно этот узкий коридор – то место, где государство и общество уравнивают друг друга. И это противопоставление не описывает лишь какой-то революционный момент – это постоянная, повседневная борьба между двумя силами. Эта борьба полезна для обеих сил: в узком коридоре свободы государство и общество не только конкурируют, но и сотрудничают. Это сотрудничество дает государству больше возможностей для того, чтобы предоставить обществу то, в чем последнее нуждается, а у общества появляется больше возможностей для контроля над государством.

Почему это именно коридор, а не просто дверь, ведущая к свободе? Потому что обретение свободы – это процесс; необходимо пройти долгий путь по узкому коридору, прежде чем удастся взять под контроль насилие, написать законы и обеспечить их исполнение, проследить за тем, чтобы государство предоставляло социальные услуги своим гражданам.

Почему этот коридор так узок? Потому что задача эта не из легких. Как сдержать государство, вооруженное огромной бюрократией, мощной армией и возможностью устанавливать законы по своему усмотрению? Как мы можем знать, что оно, когда мы обратим к нему призыв проявлять больше ответственности в сложном мире, не превысит свои полномочия и останется под контролем общества? А как заставить общество работать согласованно, не дать ему восстать против себя самого, не быть разодранным разногласиями? И как сделать так, чтобы у этой борьбы был ненулевой результат? Всё это нелегко, и поэтому наш коридор так узок, а вход и выход из него имеют далеко идущие последствия для общества.

Искусственно создать все это не получится. К тому же найдется не так уж много лидеров, которые, будучи предоставлены сами себе, действительно стремились бы всеми силами утвердить политическую свободу. Когда государство и его элиты слишком могущественны, а общество слишком покорно, то с чего бы элитам и государству даровать народу права и свободы? А если они даже и даруют их, то стоит ли ожидать, что они всегда останутся верны своему слову?

Истоки свободы можно проследить на примере эмансипации женщин – от эпохи Гильгамеша до наших дней. Каким образом общества переходили от положения, при котором, как говорится в шумерском эпосе, «каждая девственная плева... принадлежала царю», к ситуации, когда у женщины есть гражданские права? Может быть, женщины должны были ожидать, что эти права им предоставят мужчины?

Например, в 2015-м шейх Мохаммед ибн Рашид аль-Мактум, вице-президент Объединенных Арабских Эмиратов, премьер-министр страны и правитель эмирата Дубай, учредил Совет по гендерному балансу (*Gender Balance Council*). Каждый год этот совет присуждает награды в таких номинациях, как «государственное учреждение, наилучшим образом поддерживающее гендерный баланс», «лучшее федеральное агентство, поддерживающее гендерный баланс» и «лучшая инициатива в области гендерного баланса». У всех наград во всех номинациях, которые в 2018 году лично вручил шейх аль-Мактум, было нечто общее: все они доста-

лись мужчинам! Проблема предложенного в ОАЭ решения заключается в том, что оно было разработано шейхом Мактумом и навязано обществу сверху без участия самого общества.

Сравните эту ситуацию, например, с более успешной историей женской эмансипации в Великобритании, где женщины не получили гражданские права в подарок от мужчин, а сражались за них. В свое время женщины Британии создали общественное движение так называемых суфражисток. Это движение зародилось в рамках Британского женского общественно-политического союза (*British Women's Social and Political Union*), основанного в 1903 году. Участницы союза не дожидались, пока мужчины начнут им вручать призы за «лучшую инициативу в области гендерного баланса». Они мобилизовались и начали участвовать в акциях прямого действия и гражданского неповиновения. Они взорвали бомбу в летней резиденции Дэвида Ллойда Джорджа, на тот момент министра финансов, а позже премьер-министра. Они приковывали себя к перилам у здания парламента. Они отказывались платить налоги, а когда их отправляли в тюрьму, то объявляли голодовку, и их приходилось кормить принудительно.

Яркой представительницей движения суфражисток была Эмили Дэвидсон. 4 июня 1913 года во время знаменитых скачек в Эпсоме Дэвидсон выбежала на скаковую дорожку прямо перед жеребцом Энмером, принадлежавшим королю Георгу V. Согласно некоторым источникам, Эмили размахивала фиолетово-бело-зеленым флагом суфражисток. Налетев на женщину, конь упал, придавив собой Эмили, как показано на фотографии во вкладке. Через четыре дня Эмили Дэвидсон скончалась от полученных ран. Еще через пять лет женщины получили право принять участие в парламентских выборах.

Женщины Великобритании добились этого права не благодаря щедрому жесту каких-то лидеров-мужчин. Они добились этого в результате самоорганизации и собственных активных действий.

История женской эмансипации не уникальна и не является исключением. Свобода почти всегда зависит от мобилизации общества и от его способности добиться баланса власти между обществом и государством с его элитами.

Глава 1. Как заканчивается история?

Грядущая анархия?

В 1989 году Фрэнсис Фукуяма предсказал «конец истории», когда все страны постепенно перейдут к той модели политико-экономических институтов, что принята в США, – то есть к тому, что он назвал «неизбежной победой экономического и политического либерализма». Всего пять лет спустя Роберт Каплан в своей статье «Грядущая анархия» нарисовал радикально иную картину будущего. В качестве примера хаотического беззакония и насилия Каплан следующим образом описывает Западную Африку:

Западная Африка становится символом [анархии]... Болезни, перенаселенность, немотивированная преступность, недостаток ресурсов, миграция беженцев, продолжающееся разрушение национальных государств и международных границ, усиление частных армий, охранных фирм и международных наркокартелей – все это ярче всего можно продемонстрировать на примере этого региона. Западная Африка – это показательный пример тех проблем, обсуждать которые зачастую чрезвычайно неприятно, но с которыми вскоре столкнется вся наша цивилизация. Задумав нарисовать политическую карту мира такой, какой она будет через несколько десятилетий... я понял, что должен начать с Западной Африки.

В статье 2018 года «Почему технология предпочитает тиранию» Юваль Ной Харари делает еще одно предсказание, утверждая, что достижения в области искусственного интеллекта прокладывают путь «цифровым диктатурам», правительства которых смогут наблюдать за нами и контролировать наше взаимодействие между собой, наше общение и даже наши мысли.

Итак, история, возможно, и вправду заканчивается, но совсем не торжеством демократии, как предполагал Фукуяма. Но как? Анархией? Цифровой диктатурой? Усиливающийся контроль над интернетом, средствами массовой информации и рядовыми жителями в Китае может намекать на то, что мы движемся в сторону цифровой диктатуры, однако недавние события на Ближнем Востоке и в Африке подталкивают к мысли о том, что образ будущего, погруженного в анархию, тоже не так уж неправдоподобен.

Но для размышлений об этом нам необходим систематический подход. Как и предлагал Каплан, начнем с Африки.

Государство Пятнадцатой статьи

Если плыть на восток побережья Западной Африки, то в какой-то момент береговая линия Гвинейского залива повернет на юг и направится к экватору. Миновав Экваториальную Гвинею, Габон и порт Пуэнт-Нуар в Республике Конго, вы доберетесь до устья реки Конго – врат, ведущих в Демократическую Республику Конго, которую часто считают воплощением анархии.

Конголезцы шутят, что с тех пор, как страна добилась независимости от Бельгии в 1960 году, в ней сменилось шесть конституций, но во всех неизменно сохранялась одна и та же статья 15. В XIX веке премьер-министр Франции Шарль-Морис Талейран говорил, что конституции должны быть «краткими и неясными». Статья 15 – воплощение афоризма Талейрана, говорят конголезцы, она максимально краткая и неясная, поскольку состоит всего из двух слов: «*Débrouillez-vous*» («Справляйтесь сами»).

Обычно конституция считается документом, в котором изложены права и обязанности граждан и государства. Предполагается, что государство должно разрешать конфликты между гражданами, защищать их и предоставлять основные общественные услуги, такие как доступ к образованию, здравоохранению и инфраструктуре, – то есть то, чем граждане неспособны в необходимой степени обеспечить себя сами. Предполагается, что конституция не должна призывать своих граждан, чтобы они «справлялись сами».

Разумеется, история про статью 15 – просто шутка: на самом деле эта статья в конституции Демократической Республики Конго звучит совсем иначе. Однако в этой шутке есть большая доля правды. Конголезцы действительно «справлялись сами» – начиная по крайней мере с обретения независимости в 1960 году (а с тех пор ситуация только ухудшилась). Государство последовательно проваливало все обязательства, которые обычно возлагаются на государство, и сегодня можно утверждать, что на большей части территории ДРК государства просто-напросто не существует.

Суды, дороги, больницы и школы – если они где-то и есть, то по большей части находятся в состоянии ужасающей разрухи. Убийства, грабежи, шантаж и насилие считаются обычными явлениями. Во время Великой африканской войны, опустошавшей Конго в 1998–2002 годах, жизнь конголезцев, и без того нелегкая, превратилась в сущий ад. По некоторым оценкам, в ходе этой войны погибло до пяти миллионов человек, считая убитых и умерших от болезней и голода.

Однако и в мирное время государство неспособно добиться выполнения основных статей конституции. Статья 16 гласит:

Все люди обладают правом на жизнь, физическую неприкосновенность и на свободное развитие своей личности, при условии соблюдения закона, общественного порядка, прав других и общественной морали.

При этом большая часть провинции Киву на востоке страны до сих пор находится под контролем боевиков и местных полевых командиров, которые грабят, убивают и притесняют мирных жителей, расхищая при этом минеральные богатства страны.

А что же сказано в *настоящей* статье 15 конституции Демократической Республики Конго? Начинается она так: «Органы государственной власти несут ответственность за устранение сексуального насилия...» Однако в 2010 году ООН назвала ДРК «мировым центром изнасилований».

Конголезцам остается только как-то справляться самостоятельно. *Débrouillez-vous*.

Поездка в страну доминирования

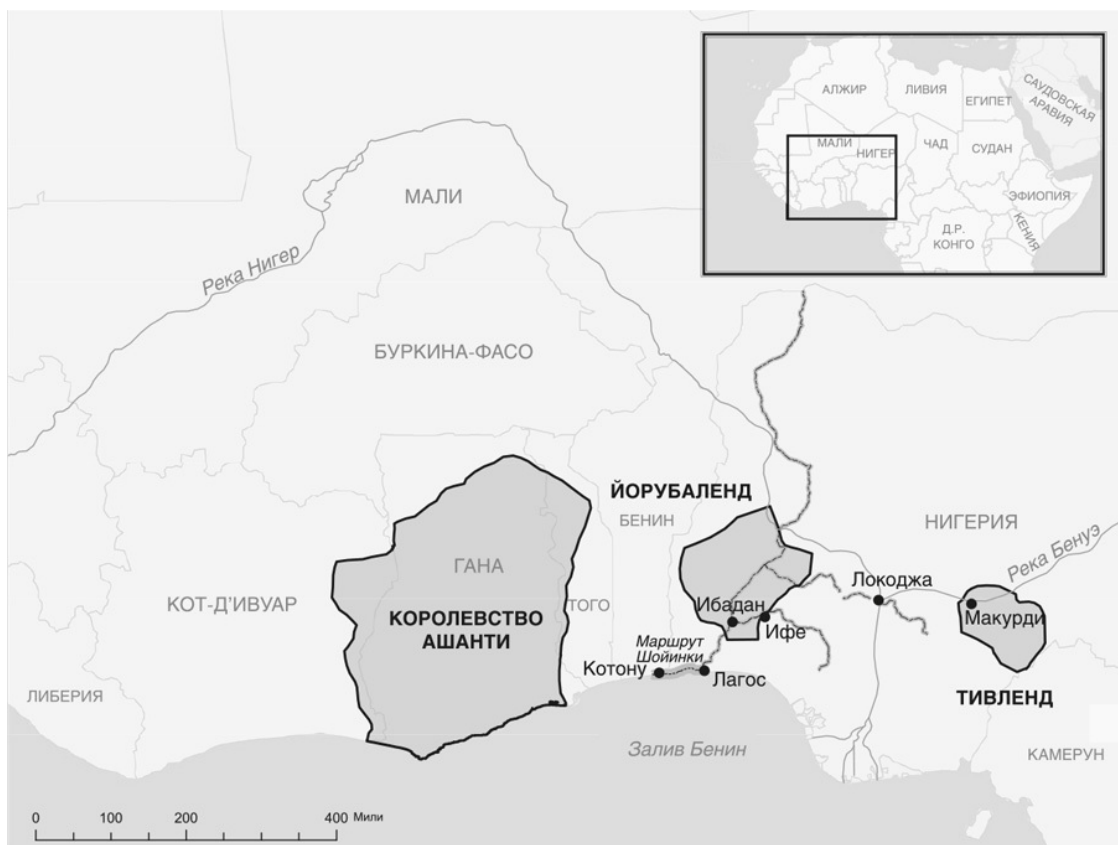
Впрочем, этот девиз могли бы начертать на своем флаге не только конголезцы. Если пуститься в обратный путь через Гвинейский залив, то через какое-то время вы окажетесь в Лагосе, крупнейшем городе Нигерии. Это место как нельзя лучше подходит в качестве иллюстрации для мрачных прогнозов Каплана о будущем человечества. Каплан описал Лагос как город, в котором царят «преступность, грязь и перенаселенность, что делает его образцом проблем, встающих перед всеми городами третьего мира».

В 1994 году, когда Каплан писал свою статью, Нигерия находилась под властью военных во главе с генералом Сани Абачей. Президент Абача не считал, что его обязанности заключаются в том, чтобы беспристрастно разрешать социальные конфликты или защищать всех нигерийцев. Вместо этого он сосредоточился на убийствах своих противников и экспроприации природных богатств Нигерии. По самым скромным подсчетам, ему в общей сложности удалось присвоить не менее 3,5 миллиарда долларов.

Годом раньше нигерийский писатель, лауреат Нобелевской премии Воле Шойинка возвращался в Нигерию из Котону, крупнейшего города соседнего Бенина (см. карту 1). Он вспоминает:

При приближении к пограничному переходу ситуация сразу стала совершенно понятной. На протяжении нескольких миль мы ехали мимо длинной вереницы припаркованных на обочине автомобилей, водители которых не хотели или не желали переходить границу с Нигерией.

Те, кто все же отваживался сделать попытку перейти границу, «через час возвращались либо на поврежденных автомобилях, либо с пустыми карманами, потому что их заставили заплатить только за то, чтобы добраться до следующего блокпоста».

Карта 1. Западная Африка: исторические империи Ашанти, Йорубаленд и Тивленд, а также маршрут Воле Шойинка из Котону в Лагос

Не смутившись этим, Шойинка все же перешел границу и попытался найти проводника, который отвез бы его в Лагос, но в ответ слышал лишь: «*Oga Wole, eko o da o*» («Господин Воле, в Лагосе плохо»). Один таксист, указывая забинтованной рукой на собственную забинтованную голову, рассказал, что попал в засаду банды кровожадных головорезов, которые пустились в погоню, когда он развернулся и на полной скорости помчался обратно к границе.

Oga... Эти боевики сломать ветровой стекло, когда я уже повернуть обратно. Но Бог спасать меня... *Eko ti daru* [В Лагосе хаос].

Наконец Шойинка нашел таксиста, который все же согласился отвезти его в Лагос, хотя постоянно причитал: «Дорога плохая. Очень плохая». По словам Шойинки, так началось самое кошмарное путешествие в его жизни:

Блокпосты сооружены из пустых бочек из-под топлива, старых шин и колесных дисков, торговых лотков, деревянных брусьев, стволов деревьев и камней... Они захвачены бандитами, которые никому не подчиняются... На некоторых постах приходится платить: заплати и тогда можешь ехать дальше – но не дальше, чем до следующего блокпоста. Иногда платой служил галлон или больше бензина из нашей машины, а затем нам разрешали проехать дальше – опять-таки лишь до следующей заставы... На некоторых автомобилях были видны вмятины от снарядов, дубинок или просто кулаков; другие словно только что приехали со съемок «Парка юрского периода» – можно было поклясться, что их кузовах остались следы огромных челюстей.

По мере приближения к Лагосу ситуация становилась все хуже:

Обычно поездка от границы до самого центра Лагоса занимала два часа. Но на этот раз прошло уже пять часов, а мы преодолели лишь немногим более пятидесяти километров. Я все больше волновался. С приближением к Лагосу напряжение в воздухе становилось все более ощутимым. Блокпосты встречались все чаще, как и сломанные автомобили и, что хуже всего, мертвые тела.

Труп на улице Лагоса – не такое уж редкое зрелище. Однажды в городе исчез офицер полиции, и его коллеги решили осмотреть реку под одним из мостов в поисках его тела. За шесть часов поисков они обнаружили двадцать три трупа, но так и не нашли пропавшего.

Пока правящая военная хунта грабила страну, жителям Лагоса приходилось кое-как выживать самостоятельно. Город захлестнула преступность, а работа международного аэропорта пришла в такой беспорядок, что другие страны запретили своим авиакомпаниям летать сюда. «Парни с района» (*area boys*), как тут называли местных бандитов, охотились на бизнесменов, отбирая у них все деньги, а иногда и жизнь. Но «парни с района» были не единственной опасностью. Улицы Лагоса были покрыты мусором, в котором кишели крысы. Один репортер Би-би-си в 1999 году рассказывал, что «город буквально исчезает под горами мусора». Никакого общественного электро- и водоснабжения не существовало. Чтобы осветить свои жилища по ночам, жителям приходилось покупать автономные генераторы. Или свечи.

Однако существование лагосцев было кошмарным не только потому, что они жили на заваленных мусором и кишящих крысами улицах, по обочинам которых валялись трупы. Дело в том, что они жили в атмосфере постоянного страха. Центр Лагоса с его «парнями с района» превратился в настоящий ад. Даже если они решили пощадить вас сегодня, это не означало, что они за вами не придут завтра, – особенно если вам хватило смелости пожаловаться на то,

что они творят с городом, или отказаться выполнять их требования. Страх, незащищенность и неуверенность в завтрашнем дне – все это лишает воли, как и само насилие; если использовать термин, который предложил политический философ Филип Петтит, возникает доминирование одной группы над другими.

В своей книге *Republicanism: A Theory of Freedom and Government* («Республиканизм: теория свободы и государственного правления») Петтит утверждает, что необходимое условие полноценной и достойной жизни – это «недоминирование», то есть свобода от доминирования, страха и крайней беззащитности. По его мнению, недопустима ситуация, когда человеку приходится

полагаться в своей жизни на милость другого и быть уязвимым перед различными видами вреда, который может нанести вам другой человек, занимающий положение, позволяющее ему действовать по своей прихоти.

Доминирование – это, например, ситуации, когда

жена оказывается в положении, когда муж может избить ее по своему усмотрению, а у нее нет ни малейшей возможности дать отпор; когда работник не смеет пожаловаться на работодателя и уязвим перед различными злоупотреблениями; когда должник зависит от милости кредитора или служащего банка, которые грозят ему нищетой и крахом.

По мнению Петтита, страх перед насилием или злоупотреблениями наносит такой же урон, как и реальные насилие и злоупотребления. Человек, испытывающий подобный страх, пытается избежать насилия, выполняя пожелания или требования другого человека. Но цена этого избегания – необходимость делать то, чего тебе не хочется, и постоянная жизнь в страхе. (Как выразились бы экономисты, насилие может находиться «вне равновесной траектории», но это не означает, что оно не влияет на ваше поведение или не приводит к последствиям, которые почти настолько же плохи, как и последствия реального насилия.) Согласно Петтиту, такие люди

живут в тени других, даже если на них и не поднимают рук. Они живут в неопределенности по поводу реакции других людей и постоянно должны следить за настроением последних. Они... неспособны взглянуть другим людям в глаза; иногда они вынуждены против своей воли унижаться перед другими или льстить им, лишь бы снискать их расположение.

Но доминирование создается не только с помощью грубой силы или угрозы насилия. Любые неравноправные отношения, будь они поддержаны как угрозами, так и иными социальными средствами (например, обычаями), создают доминирование, потому что в них человек может стать жертвой произвола, прихоти или случайного решения другого человека.

Мы определяем свободу как отсутствие доминирования, поскольку тот, над кем доминируют, неспособен делать свободный выбор. Свобода, или, выражаясь термином Петтита, не-доминирование, означает

эмансипацию от любой подобной субординации, освобождение от любой подобной зависимости. Недоминирование – это возможность стоять лицом к лицу и плечом к плечу с другими гражданами и осознание того факта, что никто из вас не имеет власти оказывать влияние на другого по своей прихоти.

Что важно, свобода требует не только абстрактного осознания того, что вы свободны в своем выборе, но также и возможности воспользоваться таким выбором. Такой возможности не существует, когда какие-то люди, группы или организации запугивают вас, угрожают вам или пользуются весом социальных отношений, чтобы подчинять вас себе. Свобода не может

существовать, когда конфликты разрешаются насилием или хотя бы угрозой его применения. Но в той же степени ее не существует, когда конфликты решаются посредством неравноправных отношений, навязанных укоренившимися обычаями. Для полного расцвета свободы необходимо покончить с доминированием, чем бы оно ни порождалось.

В Лагосе свободы не увидишь. Любой конфликт решается в пользу более сильной (и лучше вооруженной) стороны, и место свободы заняли насилие, грабежи и убийства. Инфраструктура почти полностью разрушена. Повсюду царит доминирование. Это не «грядущая», а уже наступившая анархия.

Война всех против всех и Левиафан

Большинству из нас, живущих в безопасности и комфорте, Лагос 1990-х может показаться каким-то отклонением от нормы. Но это не так. На протяжении большей части человеческой истории в общественных отношениях преобладали именно отсутствие безопасности и доминирование. Даже после перехода к сельскому хозяйству и оседлости около десяти тысяч лет назад люди долгое время продолжали жить в «безгосударственных» обществах. Некоторые из этих обществ были похожи на немногие сохранившиеся сегодня группы охотников-собирателей, обитающих в удаленных районах Амазонии и Африки (иногда их называют также «маломасштабными обществами», *small-scale societies*).

Но другие сообщества, гораздо более многочисленные, занимались земледелием и скотоводством; их можно сравнить с обществом современных пуштунов – этнической группы численностью около 50 миллионов человек, населяющих территорию большей части Южного и Восточного Афганистана и Северо-Западного Пакистана. Археологические и антропологические свидетельства говорят о том, что повседневное существование во многих подобных обществах было даже гораздо более травматичным, чем жизнь Лагоса 1990-х годов.

Самые красноречивые из этих свидетельств – следы тяжелых, иногда смертельных повреждений, которые археологи находят на скелетных останках наших далеких предков; некоторые антропологи непосредственно наблюдали крайние проявления жестокости в сохранившихся безгосударственных обществах. В 1978 году антрополог Кэрол Эмбер составила систематическое описание почти непрерывных военных действий в обществах охотников-собирателей, что стало настоящим шоком для тех из ее коллег, кто привык воспринимать этих людей как «миролюбивых дикарей».

Две трети обществ, описанных Эмбер, воевали по меньшей мере раз в два года, и лишь 10 процентов не воевали совсем. Стивен Пинкер на основе исследования Лоуренса Кили собрал данные о 27 безгосударственных обществах, изученных антропологами за последние 200 лет, и вычислил примерный уровень смертности от насильственных действий: более 500 случаев на 100 000 человек. Это в 100 раз больше среднего показателя числа убийств в США (5:100 000) и в 1000 раз больше показателя Норвегии (около 0,5:100 000). Такой же уровень насилия демонстрируют и археологические находки, относящиеся к древним обществам.

Давайте сделаем паузу и задумаемся о значении этих цифр. Показатель более 500 убитых на 100 000 человек (0,5 %) означает, что типичный представитель такого общества за период в 50 лет будет убит с вероятностью в 25 % – а это значит, что в течение вашей жизни была бы убита примерно четверть ваших знакомых. Нам трудно даже представить себе, сколь непредсказуемой и страшной была жизнь в атмосфере столь безудержного насилия.

И хотя большинство убийств приходилось на войны между соперничавшими между собой племенами или группами, постоянный уровень насилия поддерживался не только за счет военных действий и межгрупповых конфликтов. Показатель убийств в новогвинейском племени гебуси даже выше – почти 700 на 100 000 человек в доконтактный период 1940–1950-х годов, причем большинство этих убийств совершались в мирное время (если время, в которое в популяции ежегодно убивают одного человека из ста, можно назвать мирным!). По всей видимости, это связано с убеждением гебуси, что всякая смерть есть следствие колдовства, а значит, поиск (и убийство) виновных проводится даже в случае ненасильственной смерти.

Но крайне непредсказуемой и опасной делают жизнь в безгосударственных обществах не только убийства. Крайне низка в них и вероятная продолжительность жизни при рождении – от 21 года до 37 лет. Впрочем, подобный срок не был чем-то необычным и для наших собственных предков еще 200 лет назад. Таким образом, многие наши предки, как и обитатели Лагоса, жили

в состоянии, которое известный политический философ Томас Гоббс описал в своей книге «Левиафан» следующим образом:

Вечный страх и опасность насильственной смерти; и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна².

Это положение Гоббс, который и сам жил в довольно-таки кошмарные времена – в период Гражданской войны в Англии 1640-х годов, назвал «войной всех против всех или каждого против каждого» (а Каплан называет его «анархией»).

Из блестящего описания, которое Гоббс дает такой войне, становится понятно, почему нет ничего хуже, чем жизнь в эпоху «войны всех против всех». Гоббс начинает свои рассуждения с описания некоторых основополагающих черт человеческой природы и утверждает, что конфликт лежит в основе любого взаимодействия между людьми: «Если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами... и стараются погубить или покорить друг друга». Мир, не имеющий средств для разрешения такого конфликта, – безрадостное место, поскольку

выходит, что Нападающий может не опасаться лишь силы одного-единственного другого человека; если один человек сажает, сеет, строит или обладает какой-либо приличной Усадьбой, он может с верностью ожидать, что придут другие люди и объединенными силами лишат его не только плодов собственного труда, но также жизни или свободы.

Примечательно, что Гоббс предвосхитил рассуждение Петтита о «доминировании», заметив, что пагубной может быть даже одна лишь угроза насилия, даже если реального насилия удастся избежать; при такой угрозе люди остаются дома после наступления темноты, ограничивают себя в передвижении и стараются как можно меньше взаимодействовать с другими. Война же, согласно Гоббсу, «состоит не в происходящих боях, а в явной устремленности к ним в течение всего того времени, пока нет уверенности в противном». Таким образом, даже перспектива войны оказывает огромное влияние на жизнь людей. Гоббс рисует образ человека, постоянно находящегося в страхе:

Отправляясь в путь, он вооружается и старается идти в большой компании; отправляясь спать, он запирает двери; даже в своем доме он запирает сундуки.

Все это должно быть до боли знакомо Воле Шойинка, который никогда не выходил на улицы Лагоса без пистолета «глок» под мышкой.

Гоббс признает, что люди также стремятся к каким-то элементарным удобствам и желают воспользоваться экономическими возможностями. Он пишет: «Страсти, делающие людей склонными к миру, – это Страх Смерти, Желание Вещей, необходимых для удобной жизни, и Надежда приобрести их своим Трудолюбием». Но ничего этого невозможно добиться естественным образом в состоянии войны. И в самом деле, любые экономические стимулы разрушаются:

В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, нет судоходства, нет ввозимых по морю товаров, нет удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности.

² Здесь и далее цитаты из «Левиафана» Гоббса даны в переводе А. Гутермана. В некоторых случаях цитаты адаптированы.

Как следствие, люди будут стремиться найти выход из анархии, найти способ «ограничить себя» и «выбраться из жалкого состояния войны, которая по необходимости следует... из естественных людских страстей». Гоббс уже предвидел, каким образом это можно осуществить, когда вводил понятие «войны всех против всех» и заметил, что война возникает тогда, когда «люди живут без общей власти, которая держит всех их в трепете». Такую общую власть Гоббс называет «великим ЛЕВИАФАНОМ, ОБЩИМ БЛАГОМ или ГОСУДАРСТВОМ» (*great LEVIATHAN called a COMMON-WEALTH or STATE*), в дальнейшем используя эти три термина как взаимозаменяемые. Таким образом, выход из состояния войны заключается в том, чтобы создать центральную власть такого рода, какой не было ни у конголезцев, ни у нигерийцев, ни у членов анархичных безгосударственных обществ.

Чтобы подчеркнуть тот факт, что подобное государство должно быть необычайно могущественным, Гоббс воспользовался образом Левиафана, морского чудовища, описанного в библейской Книге Иова. На фронтисписе его книги, показанном на фотографии на вкладке, изображен гигантский Левиафан в сопровождении цитаты из Книги Иова:

Нет на земле подобного ему³.

Вывод очевиден. Гоббс понимает, что всемогущий Левиафан вызывает страх. Но лучше бояться одного могущественного Левиафана, чем всех и каждого. Левиафан остановит войну всех против всех, убедит, чтобы люди не «старались погубить или покорить друг друга», очистит улицы от мусора и «парней с района» и починит электричество.

Звучит великолепно, но как именно создать такого Левиафана? Гоббс предлагает два пути. Первый он описывает как

Государство [«общее благо»⁴] посредством Установления... когда множество людей договаривается и заключает Соглашение, каждый с каждым о создании такого государства и о делегировании ему власти.

Или же, продолжает Гоббс, о том, что

каждый из них будет признавать как свои собственные все действия и суждения того человека или собрания людей, которому большинство дает право представлять лицо всех.

Такого рода общественный договор («Соглашение») и породит Левиафана. Организовать нечто подобное в Лагосе было бы довольно трудно.

Второй путь Гоббс называет «Государством [«общим благом»] посредством приобретения», когда власть «приобретается силой», поскольку Гоббс признает, что в состоянии Войны обязательно появится некто, кто «подчинит своих врагов своей воле». При этом он делает немаловажное замечание: «Права и Последствия Верховной власти в обоих случаях одинаковы». Каким бы способом ни был создан Левиафан, последствия одни и те же – окончание войны.

Такой вывод может показаться неожиданным, но логика Гоббса становится понятной в ходе его рассуждений о трех альтернативных формах государства: монархии, аристократии и демократии. Хотя они могут показаться очень разными институтами с различными способами принятия решений, Гоббс утверждает, что «различие между этими тремя родами государства (*common-wealth*) состоит не собственно в различии самого рода власти, а в различной пригодности, или удобстве (*convenience*), власти.

Согласно Гоббсу, монархия – потенциально наиболее пригодный род государства, имеющий определенные практические преимущества, но в целом любой Левиафан, какую бы форму

³ Иов 41:25.

⁴ Здесь и далее Гоббс использует термин *Common-Wealth*.

он ни принимал, делает то, что и должен делать Левиафан. Он останавливает Войну, уничтожает вечный страх и опасность насильственной смерти и гарантирует, что жизнь людей отныне не будет «одинокой, бедной, беспросветной, тупой и кратковременной». Получается, что власть – во всяком случае, достаточно мощная власть – оправдывает себя и полезна, каким бы способом она ни была установлена.

Влияние шедевра Гоббса на современные общественные науки неоспоримо. Рассуждая о государствах и конституциях, мы следуем по пути, проложенному Гоббсом: всегда начинаем с проблем, которые призвано решать государства, с того, как оно может сдерживать поведение человека и перераспределить власть силы в обществе. Мы пытаемся найти правила, по которым живет общество, не в неких богоданных законах, а в природе человеческой мотивации, и пытаемся понять, как ее можно перенаправить.

Но еще сильнее Гоббс повлиял на то, как мы сегодня воспринимаем государство. Мы в принципе уважаем государство и его представителей, независимо от того, монархия ли это, какая-то форма аристократического правления или демократия. Даже после того, как происходит государственный переворот или гражданская война, представители новой власти прилетают на официальных правительственных самолетах и занимают свои места в ООН, а международное сообщество ожидает, что они будут следить за исполнением законов, разрешать конфликты и защищать своих граждан. Тем самым оно официально подтверждает их статус. Как и предполагал Гоббс, правители, каким бы образом они ни пришли к власти, олицетворяют собой Левиафан и уже благодаря одному этому обладают легитимностью.

Гоббс был прав в том, что избежать состояния «войны всех против всех» – основная цель любого человека. Он был прав и в том, что, когда возникает государство, присвоившее себе монополию на насилие и на установление законов, число убийств и другого насилия начинает снижаться. Левиафан контролирует «войну всех против всех». В современных государствах Западной и Северной Европы вероятность быть убитым составляет в настоящее время лишь 1:100 000 и менее; эффективные общественные услуги представлены в изобилии, и жители этих стран ближе всего подошли к состоянию общественной свободы, чем когда-либо в истории человечества.

Но в некоторых отношениях Гоббс не был прав. Во-первых, оказывается, что безгосударственные общества тоже вполне способны контролировать насилие и сдерживать конфликты, хотя, как мы увидим, при этом люди и не получают так уж много свободы. Во-вторых, он был слишком оптимистично настроен по поводу уровня свободы, который способно обеспечить государство. Гоббс (и современное международное сообщество, можем мы добавить) ошибался в одном весьма существенном аспекте: сила не оправдывает себя и уж точно не способствует установлению свободы. Жизнь под ярмом государства тоже бывает одинокой, бедной, беспросветной, тупой и кратковременной.

Начнем с последнего пункта.

Шок и трепет

Нельзя сказать, чтобы нигерийское государство не желало справиться с анархией в Лагосе или что власти Демократической Республики Конго вдруг решили, что не стоит следить за соблюдением законов и можно позволять бандитам убивать мирных граждан. Просто оба правительства были неспособны исполнять обязанности государства. В перечень этих обязанностей обычно включают контроль за исполнением закона, разрешение конфликтов, регулирование налогов и экономической деятельности, предоставление инфраструктуры или других общественных услуг. К этим же обязанностям может относиться и ведение военных действий.

Способность государства выполнять свои функции отчасти зависит от организации его институтов, но еще сильнее она зависит от бюрократического аппарата. Для воплощения в жизнь государственных планов необходимы бюрократический аппарат и государственные служащие, а эти бюрократы должны иметь средства и мотивацию для исполнения своих обязанностей. Первым эту концепцию описал немецкий социолог Макс Вебер, вдохновленный примером прусской бюрократической машины, которая легла в основу германского государства в XIX и XX столетиях.

* * *

В 1938 году у немецкой бюрократии появилась проблема. Правящая Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (нацисты) решила избавиться от всех евреев в только что аннексированной Австрии. В связи с этим возник настоящий бюрократический коллапс. Для выезда из страны евреи должны были оформить и получить множество различных документов, а это требовало от чиновников огромного количества времени.

Руководителем этого процесса был назначен Адольф Эйхман, глава отдела IV-B-4 в Главном управлении имперской безопасности (РХСА). Эйхман предложил организационную идею, которую Всемирный банк сегодня назвал бы принципом «единого окна» (*one stop shop*), – своего рода конвейерную систему, объединявшую все нужные ведомства: министерство финансов, налоговую инспекцию, полицию и руководство еврейских общин. Он также отправил представителей этого руководства за границу для получения от зарубежных еврейских организаций финансовой помощи для оплаты эмиграционных виз. Ханна Арендт в своей книге «Эйхман в Иерусалиме» описывала эту систему следующим образом:

В здание входит еврей, у которого есть хоть какая-то собственность – фабрика, магазин или счет в банке, он движется по зданию от конторки к конторке, от кабинета к кабинету и выходит из здания без денег, без прав, но зато с паспортом, при вручении которого ему говорят: «Вы обязаны покинуть страну в течение двух недель. В противном случае вы будете отправлены в концлагерь»⁵.

В результате работы «единого окна» Австрию покинули 45 000 евреев. Эйхмана повысили, присвоив звание оберштурмбаннфюрера СС (соответствует армейскому подполковнику), и назначили транспортным координатором «окончательного решения». На этой должности он решал схожие бюрократические задачи, устраняя узкие места в процессе массового уничтожения евреев.

В данном случае речь идет о вполне дееспособном, эффективно работающем бюрократическом Левиафане. Но он использовал свою дееспособность и эффективность не для разреше-

⁵ Перевод Сергея Кастальского и Натальи Рудницкой.

ния общественных конфликтов, не для того, чтобы остановить «войну всех против всех», а для преследования евреев, для того, чтобы отобрать у них гражданские права и собственность, а в конечном счете – уничтожить. Государство Третьего рейха, основанное на традициях прусской бюрократии и прусской профессиональной армии, определенно можно назвать Левиафаном в понимании Гоббса. Как и желал Гоббс, немцы (по крайней мере, изрядная их часть) «признали как свои собственные все действия и суждения того человека или собрания людей, которому большинство дало право представлять лицо всех». В самом деле, немецкий философ Мартин Хайдеггер говорил студентам, что «фюрер, и только он, есть настоящая и будущая немецкая действительность и ее закон». Германское государство, без сомнения, приводило в трепет всех своих подданных, а не только тех, кто поддерживал Гитлера. Немного находилось таких, кто готов был бросить вызов государству или нарушить его законы.

Германский Левиафан внушал гораздо больший ужас, чем анархия в Нигерии или Конго. И не без оснований. Нацистский режим бросил за решетку, подверг пыткам и убил огромное количество собственных граждан – социал-демократов, коммунистов, политических противников, гомосексуалов и свидетелей Иеговы. Он убил шесть миллионов евреев, многие из которых были гражданами Германии, а также 200 000 цыган; по некоторым оценкам, число славян, убитых на территории Польши и Советского Союза, превышает 10 миллионов.

Немцы и жители оккупированных Гитлером территорий страдали вовсе не от «войны всех против всех». Это была война государства против собственных граждан. Это было доминирование и непрекращающиеся убийства. Не такого Гоббс ожидал от своего Левиафана.

Трудовое перевоспитание

Страх перед всемогущим государством – это не какой-то единичный случай, связанный исключительно с нацистским режимом. Этот страх в истории встречался гораздо чаще. В конце 1950-х годов коммунистический Китай все еще вызывал восхищение у многих европейских левых; о теории маоизма постоянно рассуждали в парижских кофейнях, а «Красная книжечка» (сборник цитат председателя КНР Мао Цзэдуна) входила в число модных бестселлеров. В конце концов, разве не Коммунистическая партия Китая свергла гнет японского колониализма и западного империализма, разве не она руководит строительством сильного социалистического государства на обломках прежнего режима?

11 ноября 1959 года на Чжана Фухуна, секретаря Коммунистической партии в уезде Гуаншань, было совершено нападение, которым руководил некий Ма Луншань, первым толкнувший Чжана. Затем другие нападавшие набросились на секретаря с кулаками, а потом стали пинать его ногами. Чжана избили в кровь, его волосы были выдраны целыми клоками, его одежда изорвана в клочья, и он едва мог ходить. Потом его избили еще несколько раз, и 15 ноября Чжан уже не мог сопротивляться, когда его снова избивали ногами и вырывали остатки волос. Когда Чжана принесли домой, он уже не владел своим телом, не мог ни есть, ни пить. На следующий день его снова избили, и 19 ноября Чжан умер.

Это сцена из книги китайского журналиста Яна Цишэна «Надгробный камень». Ян вспоминает, как чуть раньше в том же году его внезапно вызвали домой из школы-интерната, потому что отец Яна умирал с голоду. Вернувшись в свою родную деревню Ванли, он увидел, что

от вяза перед нашим домом остался только голый ствол без коры, даже его корни были выкопаны. Пруд пересох; соседи сказали, что его откачали, чтобы собрать на дне вонючих моллюсков, которых раньше никогда не ели. Не было слышно собачьего лая, не пробежала ни одна курица... Деревня превратилась в призрак. Войдя в дом, я застал полнейшее запустение, не было ни зернышка риса, ничего съедобного, не было даже воды в кадке... Отец полулежал на своей кровати, его глаза запали и смотрели совершенно безжизненно, лицо вытянулось, кожа потрескалась и обвисла... Я сварил кашу из риса, который привез с собой... но он уже не мог глотать. Три дня спустя он оставил этот мир.

Отец Яна Цишэна скончался во время Великого голода, охватившего Китай в конце 1950-х; по приблизительным оценкам, всего от голода умерло 45 миллионов человек. Ян описывает, как

голод превратился в долгую агонию. Зерно исчезло, дикие травы были все съедены, даже кору с деревьев содрали. Птичий помет, крысы, вата из коробочек хлопка – все шло в дело, чтобы как-то набить живот. В карьерах, где добывали каолин, умирающие от голода люди жевали вырытую глину. Пищей для тех, кто совсем отчаялся, становились даже трупы беженцев из других деревень, а порой и умершие близкие.

Людоедство было широко распространено.

Этот период стал настоящим кошмаром для жителей Китая. Но, как и в случае с Третьим рейхом, причиной кошмара стало не отсутствие Левиафана: катастрофу спланировало и осуществило государство. Чжан Фухун был забит до смерти своими же товарищами по Коммунистической партии (Ма Лошань был секретарем уездного комитета партии). Чжана обвинили в «правом уклоне» и «вырожденчестве» только за то, что он пытался предупредить надвигаю-

щийся голод. Даже простое упоминание о голоде в Китае могло повлечь за собой обвинение в «отрицании Великого урожая», и с такими отрицателями следовало «бороться», что зачастую означало – забить до смерти.

В народной коммуне Хуайдянь в другой части Китая с сентября 1959-го по июнь 1960 года погибло 12 134 человека – треть населения. Большинство из них умерли от голода, но не все; 3528 человек были избиты членами Коммунистической партии, 636 из них скончались, 141 – на всю жизнь остались инвалидами и 14 – совершили самоубийство.

Причина катастрофы проста. Осенью 1959 года в результате неурожая было получено необычно низкое количество зерна – лишь 5955 тысячи тонн. Но Коммунистическая партия уже запланировала изъять у крестьян 6000 тысяч тонн зерна. Так что все зерно коммуны Хуайдянь отправилось в города в распоряжение партии. Крестьянам пришлось есть кору с моллюсками и умирать с голоду.

Эти эксперименты были частью «Большого скачка» – программы «модернизации», объявленной председателем Мао Цзэдуном в 1958 году. «Скачок» должен был коренным образом преобразовать Китай – превратить его из отсталой аграрной страны с преобладающим сельским населением в современное индустриальное государство с преобладанием городского населения. Программа предусматривала тяжелые поборы с крестьян ради развития промышленного производства. Результатом стала не просто гуманитарная катастрофа, а экономическая трагедия огромного масштаба – и все это спланировал и осуществил Левиафан. Блестящая и волнующая книга Яна показывает, как Левиафан, обладающий властью «лишать индивидов всего», шел даже на такие меры, как конфискация всего урожая зерновых в коммуне Хуайдянь, причем эти меры сопровождались «борьбой» и насилием.

В ходе этой «борьбы» был предложен и такой метод, как создание централизованной системы приготовления и распределения пищи на государственной «коммунальной кухне», что давало возможность «лишить еды любого, кто откажется подчиняться». В результате крестьяне уже не могли выжить самостоятельно: любого, кто был несогласен с действиями правительства, «сокрушали», и в результате каждый превращался «либо в деспота, либо в раба». Чтобы выжить, людям приходилось «порицать то, что они ценили выше всего, и восхвалять то, что они презирали больше всего» и демонстрировать преданность системе посредством «виртуозного угождения и вранья» – то есть мы видим доминирование в чистом виде.

Гоббс утверждал, что жизнь людей «одиока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна», если они «живут без общей власти, которая держит всех в трепете». Но из описания Яна Цишэна следует, что, хотя крестьяне и трепетали перед Мао, жизнь их стала еще более бедной, жестокой – и короткой.

Другой инструмент, который использовала Коммунистическая партия, назывался «трудовым перевоспитанием». Первый документ, в котором встречается это словосочетание, – это опубликованные в 1955 году «Директивы по полному искоренению скрытых контрреволюционеров». В следующем году система перевоспитания вступила в действие: по всей стране были созданы лагеря, в которых применялись различные методы «борьбы». Ло Хуншань, приговоренный к трем годам перевоспитания, вспоминает:

Мы просыпались от четырех до пяти часов утра и шли на работу к шести тридцати... работали до семи-восьми часов вечера. Заканчивали работу, когда становилось уже слишком темно, чтобы что-то можно было рассмотреть. О времени мы не имели ни малейшего представления. Нас регулярно избивали, я знаю 7–8 заключенных из первого рабочего отряда, которых забили до смерти. И это не считая тех, кто повесился, не вытерпев издевательств... Избивали железными дубинками, деревянными битами, рукоятками от кирок, кожаными ремнями... Мне сломали шесть ребер, и все мое тело до сих пор в шрамах... Все виды пыток – «взлет на самолете», «поездка на мотоцикле»... «стоять на

цыпочках в полночь» (это названия наиболее частых видов пыток) – все это применялось регулярно. Нас заставляли есть экскременты и пить мочу – это называлось «поесть печенья» и «выпить вина». Надзиратели были настоящими садистами.

Надо заметить, что Ло арестовали не в эпоху «Большого скачка», а в марте 2001 года, когда Китай считался уважаемым членом мирового сообщества и был одной из ведущих мировых держав. Система трудового перевоспитания была расширена после 1979 года, причем под руководством Дэн Сяопина – архитектора легендарного экономического роста Китая в последние четыре десятилетия. Дэн рассматривал эту систему как полезное дополнение к своей программе экономических реформ. В 2012 году в КНР насчитывалось примерно 350 лагерей перевоспитания, в которых содержались 160 000 заключенных. Для того чтобы отправить человека в такой лагерь на срок до четырех лет, не требовалось никакого судебного процесса.

Лагерь перевоспитания – лишь часть огромного архипелага исправительных центров и различных нелегальных «черных тюрем» в китайской провинции; дополнением к нему служит обширная «общественная исправительная система», которая в последние годы быстро расширяется. В мае 2014 года эта система «исправляла» 709 000 человек.

Борьба со «скрытыми контрреволюционерами» продолжается. В октябре 2013 года председатель Си Цзинпинь с похвалой отозвался о «системе Фэнцзяо» и рекомендовал партийным кадрам следовать этому примеру. Речь идет о районе в провинции Чжэцзян, в котором во время кампании «четырех чисток», начатой Мао в 1963 году, людей не арестовывали, а заставляли следить друг за другом, доносить на своих соседей и помогать «перевоспитывать» их. Это была прелюдия к «культурной революции», в ходе которой погибли сотни тысяч, а то и миллионы невинных китайцев (точное количество жертв неизвестно и не разглашается до сих пор).

Китайский Левиафан, как и Левиафан Третьего рейха, вполне способен разрешать общественные конфликты и достигать поставленных целей. Но он пользуется этой способностью не для расширения свободы, а для неприкрытого подавления и доминирования. Да, этот Левиафан покончил с «войной всех против всех», но заменил ее другим кошмаром.

Левиафан-Янус

Первый изъян в тезисе Гоббса заключается в предположении о том, что у Левиафана лишь одно лицо. В действительности же он двулик, как бог Янус. Одно из этих лиц действительно напоминает то, что нарисовал Гоббс: этот Левиафан предотвращает войну, защищает своих подданных, разрешает конфликты, предоставляет общественные услуги, удобства и экономические возможности, закладывает основы экономического процветания.

Но другое лицо Левиафана – это страшное лицо деспота: он заставляет молчать своих граждан и не обращает внимания на их желания. Он доминирует над ними, бросает их за решетку, калечит их и убивает. Он похищает плоды их труда или помогает другим делать то же.

Некоторые общества, такие как Германия во времена Третьего рейха или Китай под управлением Коммунистической партии, видят лишь ужасное лицо Левиафана. Они страдают от доминирования, но на этот раз его причина – само государство и те, кто облечен государственной властью. Определяющая характеристика Деспотического Левиафана – это не то, что он подавляет и убивает своих граждан, а то, что он не оставляет обществу и рядовым гражданам никаких средств, которые могли бы сдержать его мощь и ограничить его всевластие. Китайское государство не потому деспотическое, что оно отправляет своих граждан в лагеря перевоспитания. Оно отправляет своих граждан в лагеря перевоспитания именно потому, что может это делать, а может оно потому, что оно деспотическое и не сдерживается обществом, которому неподотчетно.

Здесь мы возвращаемся к упомянутой в предисловии проблеме Гильгамеша. Деспотический Левиафан создает мощное государство, но затем использует его для доминирования над обществом, иногда с помощью откровенных репрессий. Какова же альтернатива? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к другому изъяну в концепции Гоббса – к его предположению о том, что отсутствие государства непременно означает насилие.

Клетка норм

Хотя прошлое человечества изобилует примерами самых разнообразных войн, имеется и довольно много примеров безгосударственных обществ, которым удалось поставить насилие под контроль: от пигмеев мбути в тропических лесах Конго до нескольких крупных этносов в Западной Африке, таких как аканы на территории современной Ганы и Кот-д'Ивуар. Британский администратор Броди Крукшенк писал в 1850 году, что

тропы и дороги Ганы в той же степени безопасны для переправки товаров и так же свободны от помех любого рода, как и наиболее используемые дороги самых развитых стран Европы.

Как и предсказывал Гоббс, в отсутствие войны расцвела коммерция. Крукшенк отмечал:

Не было ни одного удаленного уголка в этой земле, в котором не ступила бы нога какого-нибудь предприимчивого торговца. В каждой деревне можно увидеть ленты из манчестерского хлопка и китайского шелка, развешанные по стенам домов или по деревьям на рыночной площади, привлекающие внимание деревенских жителей и пробуждающие в них жажду наживы.

Столь процветающая торговля невозможна в обществе, неспособном разрешать конфликты и до определенной степени обеспечивать правосудие. И действительно, судя по наблюдениям, который сделал чуть позже в том же XIX веке французский торговец Жозеф-Мари Бонна,

первые часы дня в маленьких деревнях посвящены именно отправлению правосудия.

Каким же образом акана отправляли правосудие? С помощью социальных норм – обычаев, традиций, ритуалов и образцов приемлемого поведения, которые культивировались на протяжении многих поколений.

Бонна описывал, как деревенские жители собираются на совет. Старейшины, которых «сопровождают те из жителей деревни, кто не занят сейчас работой»,

рассаживаются под самым тенистым деревом, а следующие за каждым старейшиной рабы несут стул для него. Собрание, всегда включающее большую часть жителей, выслушивает споры и соглашается с мнением одной из спорящих сторон. В большинстве случаев вопрос решается по взаимному согласию, и виновный выплачивает штраф, обычно в виде определенного количества пальмового вина, которое тут же распределяется среди присутствующих. Если же вопрос более серьезный, то в виде штрафа назначается овца, а также определенное количество золотого песка.

Итак, община выслушивает дело и на основании социальных норм определяет виновного. Затем те же нормы определяют порядок выплаты штрафа, возмещения или иной формы возмездия. Хотя Гоббс считал основанием правосудия всемогущего Левиафана, обычаи многих народностей в этом отношении не слишком отличаются от обычаев акана. Социальные нормы определяют, что правильно, а что неправильно, какое поведение недопустимо и в каких случаях человека или его родственников следует осудить и лишить общественной поддержки. Нормы также играют ключевую роль в связях людей друг с другом и в координации их действий – так, чтобы они были способны предпринять совместные усилия в борьбе против других общин или против того, кто совершил серьезное преступление в их собственной общине.

Хотя нормы играют важную роль даже в условиях деспотии (вряд ли нацистский режим смог бы выжить, если бы все немцы решили, что он нелегитимен, прекратили бы с ним сотрудничать и восстали против него), особенно они важны в отсутствие государства – потому что в этом случае нормы представляют собой единственный инструмент, позволяющий обществу избежать войны всех против всех.

Однако с точки зрения свободы эта проблема не так однозначна. Те же нормы, которые возникли и развивались ради координации совместных действий, разрешения конфликтов и отправления правосудия, в то же время создают своего рода клетку (*cage*) и порождают подавляющее доминирование (пусть и несколько иного рода, чем при деспотизме). Это верно для любого общества, но в обществах, которые обходятся без центральной власти и опираются исключительно на социальные нормы, клетка норм (*cage of norms*) становится особенно тесной и удушающей.

Понять, как образовались эти нормы и как они ограничивают свободу, можно на примере тех же аканов, нравы которых описал еще один британский чиновник, капитан Роберт Раттрей. В 1924 году Раттрей стал первым руководителем антропологического департамента ашанти – одной из крупнейшей группы аканов, проживающей на территории британской колонии Золотой Берег (ныне Гана). В обязанности Раттрея входило изучение обычаев и религиозных верований ашанти. Он приводит следующую пословицу ашанти:

Когда цыплята разбегаются из гнезда, их хватает ястреб.

По мнению Раттрея, эта пословица заключает в себе всю суть организации общества ашанти, оформившегося в условиях крайней нестабильности и постоянной угрозы насилия. Хотя ашанти в свое время создали одно из наиболее могущественных государств доколониальной Африки, в основе этого государства лежала социальная структура, уходящая корнями во времена, когда централизованной власти не существовало. Как в отсутствие эффективных государственных институтов избежать нападения пресловутого «ястреба»? В этом людям помогали нормы, позволявшие слабым спастись от насилия и гарантировавшие некоторую защиту перед «ястребами». Но в то же время эти нормы образовывали тесную клетку; следуя нормам, человек отказывался от личной свободы и должен был держаться вместе с другими «цыплятами».

Даже в безгосударственных обществах некоторые люди более влиятельны и более богаты, чем другие, обладают большими связями и авторитетом. В Африке такие люди чаще становились вождями или старейшинами различных групп людей. Если вы хотели спастись от ястребов, вам была необходима защита такого вождя, но также и многочисленные сподвижники, так что вы должны были стать членом определенной группы (рода или племени). В обмен на защиту вы позволяли вождям и группе доминировать над собой, и именно в этом, согласно нормам аканов, и заключался правильный порядок вещей. Раттрей называет это «добровольным услужением» (*voluntary servitude*):

Состояние добровольного услужения в самом буквальном смысле – наследие каждого ашанти; оно служило необходимым основанием социальной системы. В Западной Африке наибольшей опасности подвергались именно мужчины и женщины, обладавшие тем, что мы бы назвали «личной свободой» и что на самом деле превращалось в недобровольную зависимость гораздо более радикального характера.

Под недобровольной зависимостью «более радикального характера» Раттрей подразумевал рабство. Так что, если вы постарались бы сбросить с себя цепи добровольного услужения, то, скорее всего, вас схватили бы ястребы – в данном случае работорговцы, которые продали бы вас в рабство.

И в самом деле, в Западной Африке пресловутая «война всех против всех» заключалась главным образом в том, что различные группы пытались захватить представителей других групп и продать их в рабство. Свидетельством тому служат многие яркие описания, оставленные африканцами, которые сами стали жертвами такой торговли. Одно из них – история Гои, переведенная на английский язык миссионером Даголдом Кэмпбеллом. Гои жил в конце XIX века на землях вождя Чиквива народности луба (сейчас это юг Демократической Республики Конго). Его отец умер, когда Гои был еще маленьким, и мальчика растили мать, сестра и брат. Однажды

появился отряд врагов; они бежали и издавали боевые крики. Они напали на деревню и убили нескольких женщин. Они ловили молодых девушек, гонялись за нами, мальчиками, ловили нас и связывали вместе. Нас увели в столицу и продали работоторговцам, которые заковали наши ноги в деревянные колодки.

Оттуда Гои повели к побережью. «Вытащили меня из дома и оторвали от матери, которую я больше не видел. Нас гнали по “красной дороге” к морю» (дорога получила название «красной» из-за пролитой вдоль нее крови). К тому времени Гои настолько ослаб от постоянных побоев и голода, что не представлял почти никакой ценности.

Я превратился почти в скелет, в тень и не мог ходить. Меня таскали по деревням и предлагали купить. Никто не хотел отдать за меня козу или хотя бы даже курицу... Наконец один миссионер по имени Монаре отдал за меня цветастый платок стоимостью пенсов в пять и отпустил меня на свободу. По крайней мере, мне так сказали, но я не верил, потому что не понимал, что значит «свобода»; я думал, что стал рабом белых людей. Я не хотел быть свободным, потому что теперь меня снова могли поймать и продать.

В этом спектре несвободных состояний практиковались различные типы подчинения. Об одном из них можно узнать из рассказа женщины по имени Бваниква, который также был записан Кэмпбеллом. Бваниква тоже была из народности луба, и у ее отца был десяток жен. Главная жена была дочерью важного местного вождя по имени Катумба. Бваниква вспоминает о событиях, последовавших за смертью этой женщины:

Согласно обычаям луба, он [отец рассказчицы] должен был выплатить штраф за смерть. Ему приказали отдать трех рабов в качестве компенсации за жену... мой отец мог отдать лишь двоих.

Тогда вместо третьего раба ему приказали отдать одну из дочерей, и для этого выбрали меня... Когда отец передавал меня моему новому хозяину, он сказал: «Обращайся с моей дочкой хорошо; не продавай ее никому. Я приду и выкуплю ее». Но мой отец не смог выкупить меня, и я осталась в рабстве.

Бваниква теперь была чем-то вроде залога (*pawn, pledge*) – это еще один статус подчинения, широко распространенный в Африке. Человек мог быть передан в залог другому человеку с определенной целью, часто в обеспечение займа, долга или услуги. Но в случае с Бваниквой ее отдали в залог, потому что отец не смог найти еще одного раба. Если бы он нашел раба, то мог бы выкупить Бваникву. Статус человека в залоге отличался от статуса раба: такого человека нельзя было продать новому хозяину, и предполагалось, что он находится в таком статусе временно. Но, как поняла Бваниква, превратиться из человека в залог в раба было очень легко. Путешественник Ф. Б. Спилсбери, посетивший Сьерра-Леоне в 1805–1806 годах, объяснял:

Если король или другой человек отправляется на фабрику или на рабовладельческое судно и выбирает себе что-нибудь, за что он в данный

момент не может расплатиться, то он отправляет в качестве залога свою жену, сестру или ребенка, вешая им на шею бирку; такие дети находятся на положении рабов, пока их не обменяют обратно.

Похожим состоянием подчинения был статус воспитанника, или питомца (*ward*). В этом случае ребенка отправляли в более влиятельное семейство, чтобы он рос и воспитывался там. Так обеспечивалась безопасность ребенка, даже если ради нее приходилось навсегда с ним расстаться и даже если это означало, что ребенок навсегда окажется в подчиненном положении по отношению к своим новым попечителям.

Такие истории показывают нам, что продажа людей, обмен ими и отдача их в залог были весьма обыденным явлением. В результате человек так или иначе оказывался в отношениях подчинения. Нужно было подчиняться вождю, старейшинам, попечителям и т. д. Женщины, кроме того, подчинялись своим мужьям. Нужно было строго соблюдать обычаи общества. Если вспомнить определение доминирования Петтита – жить «в тени других», испытывать «постоянную потребность следить за настроением других», необходимость «против своей воли подлизываться к другим, унижаться перед ними или льстить», – то становится очевидно, что такие отношения и есть проявления доминирования.

Как же возникли социальные статусы подчинения? Какие оправдания для них существовали?

Ответом здесь снова будут нормы; отношения подчинения развивались как обычаи, принятые обществом и одобренные им. Отдавать живых людей в залог или отправлять детей в услужение в чужие семьи было необходимо и правильно; жена должна подчиняться своему мужу, а все люди вообще должны строго придерживаться предписанных им социальных ролей. Но почему? Потому что этого от них ожидает всё общество в целом.

Однако если копнуть поглубже, то становится понятно, что такие нормы возникли не на пустом месте. Общество не выбирает нормы просто так, и последние развиваются не только в зависимости от коллективных верований и образцов поведения; нормы широко распространяются, только если выполняют какую-то определенную функцию, полезную для общества – или хотя бы для некоторых его представителей. Общество аканов приняло нормы, ограничивающие личную свободу и допускающие неравноправные отношения, потому что эти нормы позволяли в какой-то степени защитить людей от «войны всех против всех». Если вы находитесь в закладе у влиятельного человека, отданы ему в долговое рабство или имеете статус воспитанника, то «ястребы» с меньшей вероятностью захотят с вами связываться и вряд ли попытаются схватить вас и обратить в рабство. На это указывает другая, еще более откровенная поговорка ашанти, записанная Раттреем: «Если у тебя нет хозяина, тебя схватит хищник».

Быть свободным – значит быть цыпленком среди ястребов, добычей для хищников. Тогда уж лучше согласиться на добровольное услужение и отказаться от собственной свободы.

* * *

Но клетка норм не только предотвращает войну. Как только традиции и обычаи глубоко укореняются в обществе, они начинают регулировать многие аспекты человеческой жизни. При этом нормы неизбежно более выгодны для тех, кто занимает более привилегированное положение в обществе, и менее выгодны для остальных. Даже если какая-то норма развивалась на протяжении столетий, все равно в каждый момент времени ее будут толковать и следить за ее исполнением наиболее влиятельные члены общества. И почему бы не изменить слегка эту норму в собственную пользу и тем самым не упрочить еще больше свое влияние в обществе или в домашнем хозяйстве?

Если не считать нескольких матриархальных групп, нормы и обычаи многих безгосударственных обществ Африки создали социальную иерархию, где мужчины находились наверху, а женщины – внизу. Еще более это заметно в сохранившихся традиционных обществах Ближнего Востока и некоторых регионов Азии – например, среди упомянутых ранее пуштунов. Общество пуштунов до сих пор строго регулируется обычаями предков, образующими систему, которая называется *пуштунвали*. Эта система закона и управление делает акцент на щедрости и гостеприимстве, но она представляет собой весьма тесную клетку норм. В частности, она санкционирует применение кровной мести за чрезвычайно большой спектр проступков. Один из наиболее распространенных сборников обычаев пуштунвали начинается с замечания о том, что

пуштун мыслит и действует в соответствии с принципами... «око за око, зуб за зуб и кровь за кровь». На оскорбление он отвечает оскорблением, невзирая на цену последствий, и отстаивает свою честь, совершая поступок, который смывает позор.

Таким образом, несмотря на ценности щедрости и гостеприимства, которые исповедует пуштунское общество, пресловутая «война всех против всех» постоянно бродит где-то рядом, что приводит ко вполне предсказуемым печальным последствиям для личной свободы каждого пуштуна. Но тяжелее всего приходится женщинам. Пуштунские нормы не только объявляют женщину зависимой от ее отца, братьев и мужа; эти нормы ограничивают женщину буквально во всем. Взрослые женщины не имеют права работать и большую часть времени остаются дома, а если и выходят на улицу, то облачаются в бурку, закрывающую их с головы до ног, и к тому же должны передвигаться исключительно в сопровождении родственника-мужчины. Наказания за внебрачные связи поистине драконовские. Закабаление женщин – еще одна грань несвободы, порождаемой клеткой норм.

О чем не сказал Гоббс

Итак, можно утверждать, что мы наблюдаем нечто совершенно непохожее на то, что нам рассказывал Гоббс. Проблема в обществах, где Левиафан отсутствует, заключается не только в неконтролируемом насилии «всех против всех и каждого против каждого». Столь же существенную роль играет и клетка норм, задающая жесткие границы общественных ожиданий и устанавливающая неравноправные социальные отношения, которые выливаются в иную, чем при деспотизме Левиафана, но не менее тяжкую форму доминирования.

Возможно, свободы позволяют добиться централизованные и мощные государства? Но мы уже видели, как такие государства практикуют деспотизм, подавляют своих граждан и пресекают свободу, вместо того чтобы ее поощрять.

Неужели мы обречены на то, чтобы вечно делать выбор между различными типами доминирования? Быть запертыми в тесной клетке норм или страдать игом деспотичного государства? Нет, несмотря на то, что свобода в истории никогда не появлялась автоматически, сама по себе, и добиться ее было нелегко, в человеческом обществе все-таки остается для нее место – и оно критически зависит от развития государства и государственных институтов. Причем это государство весьма отличается от того, каким его представлял себе Гоббс, – это не всемогущее и не своевольное морское чудовище, а Левиафан укрощенный, обузданный. Нам необходимо государство, которое способно обеспечивать исполнение законов, контролировать насилие, разрешать конфликты и предоставлять общественные услуги – но при этом усмиренное, находящееся под контролем уверенного в своих силах и хорошо организованного общества.

Обуздание техасцев

Американский штат Вайоминг был детищем Закона о Тихоокеанской железной дороге (*Pacific Railroad Act*, 1862), предусматривавшего строительство железнодорожной магистрали, которая должна была связать восточное и западное побережья Соединенных Штатов. Дорогу Юнион Пасифик прокладывали на запад от реки Миссури, чтобы соединить с линией Сентрал Пасифик, которая устремлялась на восток от Сакраменто в Калифорнии. В 1867 году дорогу дотянули до области, впоследствии ставшей штатом Вайоминг, – на тот момент это был всего лишь один из округов Территории дакота.

В июле 1867 года сюда уже прибывали новые поселенцы, и генерал Гренвилл М. Додж, главный инженер железнодорожной компании «Юнион Пасифик», начал проектировать город Шайенн, будущую столицу штата. План города имел форму квадрата со стороной в четыре мили, с четко организованными кварталами, продольными и поперечными улицами. «Юнион Пасифик», безвозмездно получившая от правительства огромные земельные территории для строительства железной дороги, начала продавать участки уже через три дня после того, как генерал Додж разметил их. Первый лот был продан за 150 долларов.

Хотя 7 августа Шайенн все еще представлял собой по большей части палаточный городок, на общем собрании горожан в местной лавке был избран комитет для составления городского устава. 19 сентября вышел первый номер первой городской газеты *Cheyenne Leader*. В декабре эта газета (к тому времени она выходила раз в три недели) настоятельно рекомендовала своим читателям не выходить ночью без оружия, поскольку «участились случаи, когда преступники душат людей ради ограбления». 13 октября следующего года редактор газеты писал:

Пистолетов в городе почти столько же, сколько и людей. Отнять жизнь у ближнего своего считается совершенно пустяковым делом, не имеющим особой важности.

Для борьбы с преступностью – эндемичной проблемой американского Дикого Запада того времени – граждане Шайенна широко практиковали самосуд. В январе 1868 года три человека были арестованы за кражу, но выпущены под залог. На следующее утро их нашли связанными вместе, к одежде одного из них была пришпилена записка: «Похитили 900 долларов... возместили 500 долларов... В следующий раз будут висеть на дереве. Берегитесь Комитета бдительных». На следующий день «Комитет бдительных» поймал и повесил трех «головорезов».

В сельских скотоводческих округах ситуация была еще хуже. По словам Эдварда Смита из Эванстона, выступавшего в 1879 году перед Комиссией по общественным землям США, за пределами населенных пунктов «единственный закон – это дробовик». По мере увеличения поголовья скота конфликты между скотоводами и владельцами сельскохозяйственных участков случались все чаще, и это в конце концов привело к так называемой войне в округе Джонсон. 5 апреля 1892 года из Шайенна на север отправился специальный поезд из шести вагонов, в которых ехали 25 вооруженных наемников из Техаса и присоединившиеся к ним 24 местных жителя. С собой у них был «список семидесяти смертников», которых они собирались убить.

У нас нет сведений об уровне убийств в Шайенне в 1890-х годах, хотя данные по шахтерскому городку Бентон в Калифорнии показывают, что в принципе он мог достигать невероятного уровня – 240 убийств на 100 000 жителей! Однако более вероятно, что этот уровень приближался к 83:100 000 (как в Калифорнии времен золотой лихорадки) или к 100:100 000 для Додж-Сити, штат Канзас, времен легендарного шерифа Уайетта Эрпа.

Картина может показаться столь же ужасной, как и ситуация в Лагосе, на улицах которого Воле Шойинка пытался выжить со своим «глоком» наготове. Но в Вайоминге дело обернулось

иным образом (на самом деле, в Лагосе всё тоже обернулось не совсем так, как предрекал Каплан, и мы еще поговорим об этом в главе 14). Анархию, страх и насилие удалось сдержать. Граждане Вайоминга уже не жили в страхе перед доминированием.

Техасских наемников, прибывших на ранчо Ти-Эй, уже поджидали люди из отряда шерифа города Буффало, предупрежденные о возможном нападении. Через три дня перестрелки на ранчо по приказу президента Бенджамина Гаррисона прибыл кавалерийский полк, арестовавший всех нападавших. Сегодня штат Вайоминг практически свободен от страха, насилия и доминирования, здесь зарегистрирован один из самых низких показателей убийств в США – около 1,9:100 000.

Вайоминг может похвастаться и другими достижениями – в частности, тем, как он помогал людям освободиться из клетки норм. Взять для примера подчинение женщин. Даже в худшие времена женщины Вайоминга не сталкивались с такими строгими запретами, как женщины из пуштунских областей Афганистана и Пакистана или из многих регионов Африки. Но, как и повсюду в мире, в первой половине XIX века они лишь весьма ограниченно могли влиять на общественные дела и были вынуждены мириться со множеством ограничений – как в результате неравного положения в браке, так и под давлением общественных норм.

Это положение начало меняться, когда женщины получили право голоса. Именно в Вайоминге в 1869 году женщины впервые завоевали избирательное право, за что он и получил прозвище «Штат равноправия». Это случилось не потому, что обычаи и нормы Вайоминга были более благоприятны для женщин по сравнению с обычаями и нормами других частей света. Скорее, законодатели штата предоставили женщинам право голоса отчасти для того, чтобы получить достаточно голосов для признания этой территории штатом, и отчасти потому, что после того, как афроамериканцы получили полные гражданские права, включая право голоса, продолжать отказывать в этих правах женщинам казалось уже не столь приемлемым. В следующей главе мы увидим, что существует много причин, по которым клетка норм начинает разрушаться, как только у государства появляется достаточно возможностей для сдерживания возмутителей спокойствия и обеспечения исполнения законов.

Обузданный Левиафан

Левиафан, остановивший войну всех против всех и приступивший к разрушению клетки норм в Вайоминге, – это иной тип всемогущего чудовища, отличающийся от тех, которые мы обсуждали до сих пор. Это не был Отсутствующий Левиафан, разве что на самом первом этапе колонизации. Он был достаточно дееспособен для того, чтобы сдерживать техасских головорезов. С тех пор американский Левиафан значительно увеличил свою дееспособность и сегодня может справедливо разрешать огромное число конфликтов, обеспечивать исполнение сложных законов и предоставлять общественные услуги, которые нужны гражданам и которыми граждане пользуются. Этот Левиафан располагает большим и эффективным бюрократическим аппаратом (пусть временами этот аппарат и кажется раздутым и неэффективным) и владеет большим объемом информации о том, что делают и к чему стремятся его граждане. У американского Левиафана сильнейшие в мире вооруженные силы, однако он (в большинстве случаев) не использует все эти силы и всю эту информацию для подавления и эксплуатации собственных граждан. Но он реагирует на желания и потребности этих граждан, а также может вмешиваться, чтобы ослабить тесноту клетки норм для всех, особенно для тех, кто находится в уязвимом положении. Это государство, порождающее свободу.

Американский Левиафан подотчетен обществу не только потому, что связан Конституцией США и Биллем о правах, в которых прямо заявлено о правах граждан, но и, что более важно, потому, что его держат в узде граждане, которые высказывают свои жалобы, выходят на демонстрации и даже восстают, если Левиафан государства переходит границы. Его президенты и законодатели избираются, и их часто лишают должности, когда обществу, которым они управляют, не нравится то, что они делают. Его бюрократы-чиновники подвергаются постоянной критике, и за ними постоянно наблюдают. Он обладает мощью, однако сосуществует с обществом и прислушивается к обществу, а оно, в свою очередь, сохраняет бдительность, желает участвовать в политике и в борьбе за власть. Именно такое положение дел мы называем Обузданным Левиафаном (*Shackled Leviathan*). Точно так же как Левиафан обуздывал техасских головорезов, чтобы они не причинили вреда рядовым гражданам, так и его самые простые люди могут обуздать нормами и институтами – короче говоря, его может обуздать общество.

Не то чтобы этот Левиафан вовсе не походил на Януса. Он по-прежнему походит на двуглавого бога, а репрессии и доминирование точно так же заложены в его ДНК, как они заложены в ДНК Деспотического Левиафана. Но узды и оковы не дают Левиафану показать свое ужасное лицо. Откуда взялись эти оковы и почему они появились только в некоторых обществах – в этом и заключается главный сюжет нашей книги.

Разнообразие, а не конец истории

Свобода – редкое явление в истории человечества. Во многих обществах так и не смогла развиваться централизованная власть, способная следить за исполнением законов, разрешать конфликты мирным способом и защищать слабых от сильных. Вместо этого такие общества навязывали своим членам клетку норм, что имело самые печальные последствия для свободы. Но и там, где Левиафан государства все же возникал, ситуация со свободой вряд ли улучшалась. Даже если этот Левиафан насаждал законы и поддерживал мир в некоторых сферах жизни, он делал мало полезного для упрочения свободы собственных подданных. Только «обузданные» государства используют свою мощь для защиты свободы. Обузданный Левиафан примечателен и в другом отношении – он порождает широкие экономические возможности и стимулы, благодаря которым растет благосостояние общества. Но такой Обузданный Левиафан вышел на сцену истории только на поздних этапах, и его развитие до сих пор сопряжено с многочисленными трудностями.

Итак, мы начинаем подходить к ответу на вопрос, с которого начали свои рассуждения. Вряд ли мы приближаемся к концу истории, когда повсеместно и неизбежно распространится свобода. И вряд ли, с другой стороны, во всем мире воцарится неконтролируемая анархия. Не слишком вероятно и то, что во всех странах мира установится диктатура, будь то цифровая или более традиционная. Существуют различные возможности, и именно такое разнообразие, а не сведение всей истории к какому-то одному варианту, и является нормой. Надежда заключается в том, что люди способны обуздывать Левиафана, чтобы он смог разрешать конфликты, не сползать в деспотизм и утверждать свободу, ослабляя излишне строгие нормы. И в самом деле, прогресс человечества во многом зависит от способности общества построить такое государство. Но для постройки и защиты Обузданного Левиафана – а также для контроля за ним – требуются усилия, и это всегда длительный процесс, который часто осложняется опасностями и нестабильностью.

Краткое изложение остальных частей книги

В этой главе мы описали три вида Левиафана: Отсутствующий, Деспотический и Обузданный. В следующей главе мы излагаем основу нашей теории, затрагивающей эволюцию отношений между государством и обществом во времени. Мы объясняем, почему люди часто сопротивляются усилению государства (потому что опасаются деспотизма) и как общества используют свои нормы, традиции и обычаи не для уменьшения вероятности войны всех против всех, как мы видели на примере ашанти, а для противодействия государству и для установления общественного контроля над мощью государства. Мы сосредоточимся на том, как Обузданный Левиафан появляется в узком коридоре, в котором вмешательство общества в политику создает баланс сил, и проиллюстрируем такой путь развития на примере ранней истории древнегреческого города-государства Афины и образования США. Мы также сделаем некоторые выводы на основе нашей теории, особенно подчеркнув, каким именно образом различные исторические обстоятельства ведут к Отсутствующему, Деспотическому или Обузданному Левиафану. Далее мы покажем, что именно Обузданный Левиафан, а не Деспотический, является наиболее эффективным государством.

В главе 3 мы объясняем, почему Отсутствующие Левиафаны бывают нестабильными и легко сменяются политической иерархией под давлением «воли к власти» – желания некоторых акторов переформатировать общество и завладеть большей политической и экономической властью. Мы увидим, насколько неоднозначными для судеб свободы могут быть последствия таких транзитов от безгосударственного общества к государству. С одной стороны, такие процессы могут установить общественный порядок и ослабить клетку норм (особенно если эти нормы мешают процессу). С другой стороны, они открывают дорогу ничем не ограниченному деспотизму.

В главе 4 исследуется влияние Отсутствующего и Деспотического Левиафанов на экономическую и социальную жизнь граждан. Эта глава объясняет, почему экономическое благополучие более вероятно при Деспотическом Левиафане, нежели в анархическом состоянии Гоббсовой «войны всех против всех» или в тесном пространстве клетки норм. Но мы также увидим, что порожаемое Деспотическим Левиафаном благосостояние, во-первых, ограничено, а во-вторых, всегда сопряжено с неравенством.

В главе 5 мы описываем контраст между экономикой при Отсутствующем и Деспотическом Левиафанах с одной стороны – и экономической жизнью в коридоре свободы с другой стороны. Мы увидим, что Обузданный Левиафан порождает совсем другой тип экономических стимулов и возможностей и в гораздо большей степени допускает эксперименты и социальную мобильность. Мы сосредоточимся на итальянских городах-государствах и древней цивилизации сапотеков в Америке, которая поможет нам показать, что в Обузданном Левиафане нет ничего специфически европейского. Тем не менее большинство примеров Обузданного Левиафана мы все же видим в Европе. Почему так?

Глава 6 объясняет, почему ряд европейских стран смогли построить общества с широким представительством и дееспособные, но при этом обузданные государства. Наш ответ будет сосредоточен на факторах, которые вели Европу в сторону коридора свободы уже в эпоху раннего Средневековья, начиная с момента, когда германские племена (прежде всего франки) захватили земли Западной Римской империи после крушения последней. Мы утверждаем, что сочетание построенных снизу вверх представительных институтов и норм германских племен с одной стороны и централизованного бюрократического аппарата и юридических традиций Римской империи с другой стороны образовали уникальный баланс сил между государством и обществом; этот баланс и сделал возможным появление Обузданного Левиафана. Важность такого баланса подчеркивает тот факт, что в тех частях Европы, где отсутствовали либо рим-

ские традиции, либо построенная снизу вверх иерархия германцев, образовались очень разные государства (например, Исландия и Византия). Затем мы отслеживаем путь развития свободы и эволюцию Обузданного Левиафана; на этом пути были и впечатляющие взлеты, и значительные падения, порой даже выводившие процесс за пределы узкого коридора.

В главе 7 сравнивается опыт Европы с историей Китая. Несмотря на некоторые исторические сходства, в результате раннего развития мощного государства в Китае социальная мобилизация и общественное представительство были полностью подавлены. Без этих уравнивающих сил развитие Китая шло преимущественно по пути Деспотического Левиафана. Мы прослеживаем экономические последствия такого типа отношений между государством и обществом как на эпизодах китайской истории, так и на примерах из современной действительности КНР и рассуждаем о том, может ли в обозримом будущем в Китае возникнуть Обузданный Левиафан.

Глава 8 переносит нас в Индию. В отличие от Китая, эта страна имеет долгую историю политического представительства и подотчетности власти обществу. Но свобода и здесь не пустила глубоких корней. Мы утверждаем, что это произошло из-за очень тесной клетки норм в Индии, наиболее ярким воплощением которой служит кастовая система. Кастовые отношения не только замедлили развитие свободы, но и сделали невозможным для общества эффективное противостояние власти и наблюдение за нею. Кастовая система породила атомизированное общество и государство, которому не хватает дееспособности, но которое тем не менее неподотчетно этому атомизированному обществу; в результате последнее неспособно мобилизоваться и остается бессильным.

В главе 9 мы вновь возвращаемся к европейскому опыту, но на этот раз пытаемся понять, почему одни части Европы проложили свой путь к коридору свободы и смогли удержаться в нем, а другие нет. В процессе поиска ответа на этот вопрос мы развиваем еще один из центральных сюжетов книги: условный характер структурных факторов, влияющих на отношения между государством и обществом. Мы утверждаем, что влияние различных структурных факторов, таких как экономические условия, демографические потрясения и войны, на развитие государства и экономики зависит от преобладающего в данный момент баланса между государством и обществом. Таким образом, нельзя обозначить раз и навсегда идеальные для развития свободы условия и структурные факторы.

Эти идеи мы проиллюстрируем примерами из истории Швейцарии и Пруссии. Начав в похожих условиях и сталкиваясь со схожими внешними проблемами, Швейцария смогла построить Обузданного Левиафана, тогда как Пруссия подчинилась доминированию Деспотического Левиафана. Мы сравним оба эти случая с примером Черногории, где государство не играло особой роли ни в разрешении конфликтов, ни в организации экономической деятельности. Опираясь на эти же идеи, мы объясняем далее, почему Коста-Рика и Гватемала так резко разошлись в эпоху экономической глобализации XIX века и почему республики бывшего Советского Союза после его краха пошли столь разными политическими путями.

Глава 10 возвращает нас к эволюции американского Левиафана. Мы подчеркиваем тот факт, что, хотя Соединенным Штатам и удалось построить Обузданного Левиафана, но он был основан на фаустовской сделке: федералисты приняли конституцию, предусматривавшую изначальную слабость федерального государства, – как для того, чтобы удовлетворить общество, озабоченное угрозой деспотизма, так и для того, чтобы угодить рабовладельцам-южанам, боявшимся потерять своих рабов и свою собственность. Компромисс сработал, и США до сих пор находятся в коридоре свободы. Но этот компромисс также привел к несбалансированному развитию американского Левиафана, который, даже став поистине международным морским чудовищем, до сих пор обладает ограниченной дееспособностью в некоторых сферах. Особенно это заметно в неспособности или нежелании американского Левиафана защитить своих граждан от насилия. Такое несбалансированное развитие также привело к неудачам в

структурировании экономической политики и к тому, что не все американцы в равной степени получили выгоду от экономического роста. Мы рассмотрим, как неравномерное развитие государства привело к искажениям в эволюции мощи и дееспособности общества и как эта неравномерность парадоксальным образом предоставила государству возможность уйти от контроля и подотчетности в некоторых важных сферах (таких как национальная безопасность).

Глава 11 говорит о том, что государственные машины во многих развивающихся странах в принципе могли бы действовать деспотически, но им недостает дееспособности настоящего Деспотического Левиафана. Мы объясняем, как возникли такие «Бумажные Левиафаны» и почему они столь редко предпринимают попытки упрочить свою дееспособность. Наш ответ заключается в том, что такие государства, как правило, боятся мобилизации общества и того, что общество дестабилизирует контроль государства над ним. Одна из причин происхождения «Бумажных Левиафанов» – не прямое правление колониальных держав, которые, с одной стороны, установили внешне современные административные структуры, но, с другой стороны, предоставили местным элитам возможность править с минимальными ограничениями и с ничтожным участием общества.

В главе 12 мы обращаем свой взор на Ближний Восток. Хотя строители местных государств подчас и ослабляли давление клетки норм (поскольку она ограничивала их возможности в переформатировании общества), при некоторых других обстоятельствах деспотические государства находили полезным укреплять или даже перестраивать по-новому эту клетку. Мы объясняем, как эта тенденция стала характерной для ближневосточной политики и какие исторические и социальные обстоятельства сделали ее привлекательной стратегией для потенциальных деспотов, а также описываем последствия такого пути развития для свободы, насилия и нестабильности.

В главе 13 мы рассуждаем о том, как Обузданный Левиафан может выходить из-под контроля, когда соперничество между государством и обществом превращается в игру с нулевой суммой, в которой каждая сторона пытается подорвать и уничтожить другую ради собственного выживания. Мы пишем о том, что такое развитие более вероятно в том случае, если общественные институты не выполняют задачи по беспристрастному разрешению конфликтов и теряют доверие некоторых сегментов общества. В качестве примеров такой динамики мы рассматриваем крах Веймарской республики в Германии, конец чилийской демократии в 1970-х годах и упадок средневековых итальянских коммун, а также определяем структурные факторы, которые делают такую игру с нулевой суммой более вероятной. Наконец мы связываем эти факторы с подъемом современного популизма.

В главе 14 обсуждается, как общества входят в коридор свободы и можно ли каким-то образом ускорить такое вхождение. Мы перечисляем несколько важных структурных факторов, уделяя особое внимание тем из них, которые расширяют коридор и облегчают переход в него. Мы объясняем роль широких коалиций в таких переходах и обсуждаем ряд случаев как успешного, так и неудачного перехода.

В главе 15 мы затрагиваем опасности и проблемы, подстерегающие страны в этом коридоре. Наш основной аргумент заключается в том, что по мере глобальных изменений государство должно расширяться и принимать на себя новые обязательства, но это в свою очередь требует от общества большей дееспособности и большей бдительности, иначе государство может выйти из коридора свободы. В увеличении дееспособности государства и в одновременном сохранении контроля над ним ключевую роль играют новые коалиции – такую возможность иллюстрирует реакция Швеции на социально-экономические проблемы, вызванные Великой депрессией, и последующее развитие скандинавской социальной демократии. Эта история не так уж отличается от ситуации наших дней, когда мы сталкиваемся с различными вызовами – от неравенства, безработицы и замедления экономического роста до комплексных угроз безопасности. Нам необходимо проследить за тем, чтобы государство принимало на себя новые

обязательства и предоставило нам новые возможности, но только если мы сможем найти новые способы удержать его в узде и новые способы мобилизации общества и защиты наших свобод.

Глава 2. Эффект Красной королевы

Подвиги Тесея

Примерно в 1200 году до н. э. цивилизации бронзового века, которые доминировали в греческом мире на протяжении предыдущего тысячелетия, начали рушиться, уступая место так называемым Темным векам. В греческих обществах бронзового века правили вожди или цари, жившие в дворцовых центрах; их бюрократические администрации пользовались письменностью, которую мы называем линейным письмом Б, собирали налоги и иными способами регулировали экономическую активность. Все это исчезло в период Темных веков. Наступивший хаос новой эпохи отразился в мифах о Тесее, легендарном правителе Афин. Одно из лучших изложений деяний Тесея оставил нам греческий ученый Плутарх, который немалую часть жизни был одним из двух жрецов оракула в Дельфах.

Тесей, незаконнорожденный сын афинского царя Эгея, воспитывался в Трезене на северо-востоке Пелопонесса. Чтобы заявить о своих правах на трон, Тесею нужно было добраться до Афин – либо по суше, либо морем. Тесей выбрал сушу, хотя Плутарх замечает:

Добраться в Афины сушей было трудно: на каждом шагу путника подстерегала опасность погибнуть от руки разбойника или злодея⁶.

Действительно, по дороге Тесею пришлось несколько раз сражаться с разбойниками. Первым на его пути встретился Перифет, выслеживавший путников, идущих в Афины, и убивавший их бронзовой палицей. Плутарх описывает схватку Тесея с Перифетом, в которой юный герой убил разбойника его собственной дубиной. Затем Тесею удалось успешно избежать и других смертельных опасностей, хотя испытать ему пришлось немало: его привязывали к вершинам двух согнутых сосен, чтобы разорвать надвое, его пыталась пожрать чудовищная Кроммионская свинья; его пытались сбросить в море с утеса и одолеть в смертельном борцовском поединке. Под конец Тесей победил Прокруста («Растягивателя»), который укладывал своих жертв на ложе и либо растягивал их, либо отрубал им ноги. Нелегкие испытания на пути к Афинам, где Тесея ждала царская власть, отражают отсутствие закона в Греции в эпоху, когда не существовало никаких государственных институтов, способных устранить беззаконие. Плутарх поясняет:

Таким образом, Тесей карал злодеев, терпевших от него лишь ту муку, какой они подвергали других, и несших справедливую расплату в меру собственной несправедливости.

Итак, правосудие Тесея сводилось к принципу «око за око, зуб за зуб». Афины того времени вполне могли бы служить живой иллюстрацией высказывания Махатмы Ганди: «Око за око – весь мир ослепнет».

Впрочем, царская власть в Афинах продержалась недолго. К концу Темных веков городом управляла группа архонтов – глав самых богатых семейств. Архонты вели между собой бесконечную борьбу за власть, что время от времени приводило к переворотам, вроде переворота Килона в 632 году до н. э. В конце концов представители афинской элиты осознали, что им нужно разработать какие-то более упорядоченные способы разрешения конфликтов. Но это был медленный путь, осложненный неожиданными поворотами и движением вспять.

⁶ Здесь и далее цитаты из Плутарха даны в переводе С. П. Маркиша под редакцией С. С. Аверинцева. В некоторых случаях цитаты адаптированы.

Первую попытку реформы через десять лет после Килона (в 621 году) предпринял законодатель по имени Драконт, которому было поручено составить первые письменные законы Афин. Тот факт, что это случилось относительно поздно, во многом объясняется тем, что в период Темных веков было забыто линейное письмо Б, которым пользовались в бронзовом веке. Письменность пришлось изобретать снова на основе совершенно иного алфавита, позаимствованного у финикийцев. «Драконтова конституция», как ее называет древнегреческий философ Аристотель в своей книге «Афинская полития», состояла из набора письменных законов, из которых до нас дошел только один. Нам известно, что нарушение большей части этих законов каралось смертной казнью (отсюда выражение «драконовские законы» или «драконовы меры»). Единственный уцелевший фрагмент законов определяет наказание за убийство, и из текста следует, что законы Драконта были непохожи на современное законодательство, каким мы его себе обычно представляем, – в основном потому, что они были предназначены для общества, в котором царили беззаконие, практиковалась кровная месть и другое насилие:

И если кто убьет кого-нибудь непредумышленно, он должен отправиться в изгнание.

Примириться могут все совместно, если будет налицо отец, брат или сыновья; иначе несогласный берет верх. Если таких не окажется, тогда могут примириться родственники вплоть до родственников второй степени и до двоюродного брата, и если все согласятся на примирение, иначе несогласный берет верх...

Объявить о судебном преследовании убийцы надлежит на площади (агоре) всем родом вплоть до родственников второй степени и двоюродного брата; а преследование вести совместно и двоюродным братьям, и их сыновьям, и зятям, и тестям, и членам фратрии⁷.

Итак, этот фрагмент посвящен непредумышленному убийству. Совершивший подобное преступление должен отправиться в изгнание и ожидать там правосудия. Если родственники убитого единогласно решат простить убийцу, то дело на этом заканчивается, но если они не придут к такому решению, то будут совместно «вести преследование» убийцы. Термин «фратрия» означает группу, объединенную по принципу родства, то есть расширенную группу родственников. Тем не менее, как мы увидим, роль фратрии вскоре уменьшится.

Все это очень похоже на то, что мы наблюдаем и в других обществах, живущих в условиях Отсутствующего Левиафана. В сущности, есть большое сходство между законами Драконта и другими кодификациями обычного права, составленными в отсутствие централизованной власти, например с албанским «Кануном». Этот свод законов, который приписывается жившему в XV столетии князю Леке Дукаджини, представляет собой сборник правил, определявших образ жизни обитателей албанских гор (и записанных только в начале XX века). В отсутствие централизованного государства за соблюдением этих норм, как и в случае с законом Драконта об убийстве, следили родственники и представители более широкого рода. В «Кануне» много правил, касающихся кровной мести за различные преступления. Ярким примером тому служит первое правило, повествующее об убийстве, которое следует осуществить согласно кровной мести.

Засада подразумевает занятие укрытого места в горах или на равнинах Албании и ожидание кровного врага или того, кого следует убить. (Подкарауливать, лежать в засаде, приготовить ловушку для кого-либо.)

⁷ Перевод С. И. Радцига.

Изначальный принцип «Кануна» состоял в том, что «кровь следует за пальцем», – иными словами,

согласно старому «Кануну» албанских гор, кровная месть объявляется только совершившему убийство, то есть человеку, который нажимал на курок и стрелял из оружия или использовал иное оружие против другого человека.

Более поздний вариант «Кануна» распространяет кровную месть на всех мужчин из семьи убийцы, даже на младенцев в колыбели; двоюродным братьям и близким племянникам объявляют кровную месть через сутки после убийства. Затем ответственность распространяется на более дальних родственников. Что же касается непредумышленного убийства, то предписания «Кануна» таковы:

При такого рода убийстве виновный должен уйти и скрываться до тех пор, пока дело не будет расследовано.

То есть то же самое, что и в законе Драконта, за исключением того, что в Албании никто не попытался записать, разъяснить и кодифицировать это правило вплоть до XX века.

Солон обуздывает Левиафана

Менее чем через тридцать лет после того, как Драконт записал свои законы, Афины начали создавать Обузданного Левиафана. Прежние проблемы – отсутствие общепринятых средств разрешения конфликтов и борьба за власть между представителями элиты – никуда не делись, но к ним добавился конфликт между элитой и простыми гражданами по поводу того, в каком направлении следует развиваться обществу. Аристотель отмечает, что примерно во времена Драконта наблюдался «продолжительный период разногласий между знатью и простым народом». Плутарх же пишет о том, как

возобновился старый спор о государственном строе: население разделилось на несколько партий по числу различных территорий в Аттике. Диакрии [жители горной части] более всех были сторонниками демократии; главными сторонниками олигархии были педиэи [жители равнинной части]; третьи, паралы [обитатели побережья], желали какого-то среднего, смешанного государственного строя⁸.

Предметом разногласий был, в сущности, баланс сил между аристократией и простолюдинами, а также вопрос о том, каким образом следует осуществлять контроль над государством – демократическим путем или олигархическим (то есть этот контроль должен быть в руках представителей богатейших и самых влиятельных семейств). В определении дальнейшего курса Афин огромную роль сыграл Солон, торговец и широко уважаемый военачальник.

В 594 году Солон был избран первым архонтом сроком на год. Как пишет Плутарх, «богатые приняли его как зажиточного, а бедные – как честного». Должность архонта к тому времени монополизировали аристократические семейства, но Солон, скорее всего, получил этот пост благодаря общественному давлению, когда маятник в борьбе между элитами и гражданами качнулся в пользу последних. Солон же оказался реформатором, преобразившим афинские институты таким образом, чтобы сдерживать элиты и власть государства над гражданами и в то же время увеличить способность государства разрешать конфликты. В сохранившихся фрагментах записей самого Солона он утверждает, что целью его реформы было установление равенства сил между богатыми и бедными.

Власть даровал я народу в той мере, в какой он нуждался,
Чести его не лишил, но и не дал ему лишних прав.
Также о тех позаботился я, кто богатством и силой
Всех превзошел, – чтобы их не опозорил никто.
Встал я меж тех и других, простерев мощный щит свой над ними,
И запретил побеждать несправедливо других.

Реформы Солона были попыткой усилить народ в его противостоянии с элитами и в то же время уверить элиты в том, что их интересам ничто радикально не угрожает. Первой цели Солон достиг благодаря целому ряду мер.

Когда Солон стал архонтом, политические институты Афин состояли из двух собраний – Народного собрания (Экклесии) и Ареопага, служившего основным исполнительным и судебным органом. В Ареопаг входили бывшие архонты, и он находился под контролем элит. В этот период многие афиняне обеднели и были исключены даже из Народного собрания, поскольку оказались в долговой кабале и потеряли права свободных граждан. Аристотель

⁸ Перевод С. И. Соболевского в обработке С. С. Аверинцева.

замечает, что до Солона «все ссуды обеспечивались личной кабалой заемщика». Такова была афинская версия клетки норм, в условиях которой человек рисковал навсегда превратиться в зависимого должника и потерять личную свободу в случае ухудшения своих экономических условий. Солон понимал, что для достижения политического равновесия в Афинах требуются свободные граждане, принимающие участие в политике. Это участие невозможно, когда гражданин находится в зависимости, и уж точно невозможно, когда он утратил свои гражданские права. Согласно Аристотелю, «основной народ... не имел практически никакой доли в каком бы то ни было управлении». Итак, чтобы увеличить представительство народа, Солон отменил долговую кабалу и запретил обеспечивать долги личной свободой. Он также запретил обращать афинских граждан в рабство. Таким образом, Солон одним росчерком пера освободил сограждан из клетки норм.

Но отмены долгов было недостаточно – ведь народ по-прежнему оставался в экономической зависимости от знати. Чтобы превратить афинян в активных граждан, нужно было предоставить им еще больше свободы. Для этого Солон провел земельную реформу, убрав с полей «закладные камни» – напоминание о том, что обрабатывающий заложенное поле земледелец обязан отдавать заимодавцу шестую долю урожая. Таким образом Солон освободил земледельцев и превратил Аттику, область Афин, в страну мелких фермеров. Также Солон снял ограничения на передвижение внутри Аттики. Эти меры значительно увеличили число граждан, которые могли принимать участие в Народном собрании. Существовавший до Солона баланс сил коренным образом изменился.

Солон также изменил порядок выборов архонтов и увеличил их число до девяти, отчасти для более полного политического представительства. Но ему приходилось заботиться и о том, чтобы элиты были довольны, поэтому он разделил все население Аттики на четыре класса по критерию дохода, который приносила земля каждого. Архонтами могли стать только выходцы из двух высших классов (они выбирались из списков, составлявшихся четырьмя традиционными афинскими «племенами» – *филами*). Должность архонта можно было занимать только один раз и только сроком на один год, но после этого бывший архонт мог продолжить политическую деятельность в Ареопаге. Таким образом, хотя элиты и продолжали контролировать архонтов и Ареопаг, теперь существовали и объективные правила игры, открывавшие дорогу в Ареопаг для более широких слоев элиты и включавшие в политический баланс больше различных интересов. Солон также создал новый орган – Совет четырехсот, или *буле*, который стал основным исполнительным органом, а на Ареопаг были возложены в основном судебные функции. Как и в Ареопаге, в буле были равноправно представлены четыре традиционные афинские филы.

Добившись равновесия между элитами и гражданами, Солон приступил к строительству государственной машины. Поворотным пунктом стала судебная реформа. Прежде всего Солон отменил все законы Драконта, кроме одного. Один из фрагментов свидетельствует:

Пусть закон Драконта об убийстве напишут на каменной плите *анаграфы* («записывающие»), взяв его у *басилевса* и секретаря совета, и поставят перед царским портиком; *полеты* пусть заключают подряд по закону, а *элленотамии* («казначей эллинской казны») выдают деньги⁹.

Даже в том законе, что Солон сохранил, он заменил роль *басилевса полетами* и *элленотамиями*. Слово «басилевс», типичное для гомеровских эпических поэм, означало нечто вроде «большого человека», типичного вождя бронзового века. «Басилевсом» был Одиссей, десятилетние похождения которого после Троянской войны описаны в «Одиссее». Полеты и элленотамии же были уже магистратами, или государственными чиновниками. Так что

⁹ Перевод С. И. Радцига, адаптировано.

реформы Солона представляют собой радикальный шаг на пути бюрократизации государственных институтов, призванных следить за исполнением законов.

Наиболее характерная особенность этого процесса состояла в том, что чем больше Солону удавалось политически усилить рядовых афинян, тем дальше он продвигался в строительстве государственных институтов. И чем более четкие очертания приобретали эти институты, тем сильнее становился общественный контроль над ними. Так, реформа Народного собрания и наделение его большей властью привело к тому, что этот орган стал и более представительным. Именно ради этого Солон в своих реформах заботился не только о большем представительстве в политических институтах, но и отменял или изменял старинные нормы обычного права – такие, например, как институт долгового рабства. В результате изменилась сама природа общества: оно теперь было способно совершать коллективные действия и контролировать элиты и государство в целом.

Аристотель соглашался с тем, что наделение рядовых афинян политической властью было главным смыслом реформ Солона; афинские граждане выиграли в результате отмена долговой кабалы, появления лучших инструментов для разрешения конфликтов и лучшего доступа к правосудию. Он писал:

По-видимому, вот какие три пункта в Солоновом государственном устройстве являются наиболее демократичными: первое и самое важное – отмена личной кабалы в обеспечение ссуд; далее – предоставление всякому желающему возможности выступать истцом за потерпевших обиду; третье, отчего, как утверждают, приобрела особенную силу народная масса, – апелляция к народному суду¹⁰.

Аристотель особо подчеркивает, что в определенной степени появилось «равенство перед законом» – то есть закон одинаков для всех и рядовой гражданин может обращаться в суд в поисках справедливости. Хотя беднейшие граждане не были представлены в буле и в Ареопаге, любой из них все же мог подать судебный иск, который будет рассмотрен, и законы в одиноким образом применялись и к представителям элиты, и к рядовым гражданам.

Одним из наиболее любопытных инструментов, с помощью которых Солон устанавливал институциональный общественный контроль над государством, был его «Закон о гордыне». Уцелевший фрагмент гласит:

Если кто-либо демонстрировал гордыню [*hybris* – «высокомерие, гордыня, надменность»] по отношению к ребенку (а нанимающий, несомненно, демонстрирует гордыню), мужчине или женщине, будь то свободные или рабы, или если кто-либо совершал нечто незаконное против них, то это служит поводом для *graphai hybreos* (публичного иска).

Таким образом, этот закон давал основание любому человеку подать публичный иск (*graphai hybreos*) в ответ на высокомерное поведение ответчика, направленное на унижение или запугивание истца. Что примечательно, преследовать в судебном порядке можно было и за проявление гордыни по отношению к рабам, которые также были защищены законом; наказывалось также и неоднократное нарушение этого закона. Итак, «Закон о гордыне» не только позволял афинянам контролировать государство и элиты, но защищал их от доминирования лиц, наделенных властью.

Отменив долговую кабалу и устранив, таким образом, сам статус несвободного должника, Солон тем самым начал подрывать доминирование знати над рядовыми гражданами и подготавливать условия для более демократического политического устройства. Однако в этот период афинская аристократия была весьма сильной. Знать быстро богатела, и любое укреп-

¹⁰ Перевод С. И. Радцига.

ление государственного аппарата, не уравновешенное таким же укреплением общества, могло усилить политическое доминирование элит, дав им в руки дополнительные средства подавления и контроля. Поэтому было крайне важно упрочить позицию рядовых граждан в их противостоянии элите, и именно этого удалось добиться с помощью «Закона о гордыне», который кодифицировал и упрочил уже существующие нормы.

«Закон о Гордыне» Солоня демонстрирует более фундаментальный аспект жизни в коридоре свободы – тонкий баланс сил (который и порождает свободу) требует институциональных реформ, которые, с одной стороны, опираются на существующие нормы, а с другой – модифицируют эти нормы или даже отменяют те из них, что ограничивают политическую свободу. Задача не из легких, но реформы Солоня тем не менее смогли запустить оба эти процесса. До Драконта регулирующие жизнь общества правила и законы не были записаны и их соблюдение обеспечивали семейные и родственные группы, часто с помощью социального отчуждения и изгнания.

Солону же удалось построить на основе этих норм новые законы; «Закон о гордыне» показывает, что в процессе реформ эти нормы были кодифицированы и усилены, однако при этом изменены таким образом, что доминирующее поведение в афинском обществе стало гораздо менее приемлемым. Мы увидим еще много примеров этого сложного танца, в котором участвуют институциональные реформы и нормы, но также и примеры неудач в поисках баланса, и эти неудачи имеют прискорбные последствия для свободы. Солону удалось нащупать правильный баланс.

Эффект Красной королевы

Солону удалось ограничить контроль элит над государственным аппаратом и их доминирование над рядовыми гражданами и одновременно усилить дееспособность государства. Однако это не уникальное событие, характерное исключительно для одной из древних цивилизаций: в подобных процессах – сама суть обуздания Левиафана. Левиафан и в самом деле может развивать гораздо большую дееспособность и становиться гораздо сильнее, если общество проявляет желание сотрудничать с ним, но для такого сотрудничества люди должны поверить в то, что они всегда обуздают морское чудовище. Солон смог добиться такой веры.

Но дело не только в вере и кооперации. Свобода и дееспособность государства зависят от баланса сил между государством и обществом. Если государство и элиты становятся слишком могущественными, то возникает Деспотический Левиафан. Если государство не успевает за обществом, то мы получаем Отсутствующего Левиафана. Поэтому необходимо, чтобы государство и общество двигались рука об руку и ни одна из сторон не опережала другую. В чем-то это походит на «эффект Красной королевы», описанный Льюисом Кэрроллом в его книге «Алиса в Зазеркалье»¹¹. После встречи с Красной королевой Алиса и королева вдруг бросились бежать. «Позже, когда Алиса размышляла об этом, она никак не могла понять, как это случилось», но она заметила, что, хотя обе они и бежали изо всех сил, «деревья не бежали, как следовало ожидать, им навстречу; как ни стремительно неслись Алиса и Королева, они не оставляли их позади». Наконец Королева сказала остановиться.

Алиса огляделась и ахнула.

– Мы же именно с этого места и начали бежать! – воскликнула она. –

Неужто мы не сдвинулись с места?

– Разумеется, – пожала плечами Королева, – разве бывает по-другому?

– А у нас ТАМ, дома, – сказала Алиса, – всегда бывает по-другому. Если бежишь, то непременно окажешься в другом месте.

– Ну и медленная тамошняя ваша страна! – пренебрежительно бросила Королева. – У нас приходится нестись из последних сил, чтобы лишь удержаться на месте. А уж коли желаешь сдвинуться, то лети в два раза быстрее¹².

Под эффектом Красной королевы подразумевается ситуация, когда приходится рваться вперед изо всех сил лишь для того, чтобы сохранить статус-кво, – именно так государство и общество бегут наперегонки, чтобы сохранить равновесие. В книге Кэрролла бег персонажей был абсолютно бессмысленным. Но совершенно не так обстоит дело в борьбе общества против Левиафана. Если общество отстает и бежит недостаточно проворно, то ему не угнаться за растущей мощностью государства и Обузданный Левиафан быстро превращается в Деспотического. Для сдерживания Левиафана необходимы состязательные усилия общества, и чем мощнее и дееспособнее Левиафан, тем более сильным и бдительным должно стать общество. Но и Левиафан тоже должен бежать, расширяя свою дееспособность перед лицом всё новых угроз и ради сохранения собственной самостоятельности – последнее критично не только для разрешения споров и беспристрастного исполнения законов, но и для разрушения клетки норм. Всё это может показаться довольно запутанным (все бегают наперегонки со всеми!), и зачастую, как мы увидим, путаница в самом деле возникает. И тем не менее прогресс и свобода человечества зависят от эффекта Красной королевы. При этом сам эффект в свою очередь приводит к

¹¹ В русском переводе этого персонажа зовут Черная королева.

¹² Перевод Нины Демуровой.

большим колебаниям в балансе между государством и обществом, поскольку в ходе «забега» вперед вырывается то одна, то другая сторона.

Эти общие соображения можно снова проиллюстрировать примером из истории Солон. Каким образом афинский законодатель включил эффект Красной королевы? Его реформы не только заложили институциональную основу для участия общества в политике, но и помогли ослабить клетку норм, которая и ограничивала свободу, и преграждала путь политическому участию, необходимому для того, чтобы удержаться внутри коридора. Афинская клетка не была настолько тесной, как во многих других обществах – например, у народности тив, о которой мы поговорим позже в этой главе. Тем не менее она была достаточно тесной, чтобы блокировать эффект Красной королевы. Сломав эту клетку, Солон запустил процесс фундаментальных перемен и создал иной тип политики, способной поддержать зарождающегося Обузданного Левиафана.

Когда необходим остракизм

Солон занимал должность архонта всего один (но весьма насыщенный событиями) год, после чего отправился в путешествие, чтобы не поддаваться соблазну начать переписывать собственные законы. Солон заявил, что его законы не должны меняться сто лет. Но на практике вышло не совсем так: последовала продолжительная борьба между элитами и обществом.

Солон попытался направить Афины на путь построения более дееспособного государства и при этом институционализировать общественный контроль над ним. В то же время он старался поддерживать удовлетворенность представителей элиты или хотя бы не слишком их раздражать. Но что значит «не слишком раздражать»? Скоро последовал целый ряд конфликтов, которые привели к воцарению тиранов (по сути дела, диктаторов); некоторые из них захватили власть силой, а другие – при поддержке общества. И все же реформы Солона сохраняли свою популярность и воспринимались как бесспорно легитимные, так что даже тираны считали нужным демонстрировать уважение к ним; часто они в ходе правления даже углубляли эти реформы.

Писистрат, первый тиран, пришедший к власти после Солона, прославился хитроумием, с которым он преодолевал ограничения афинских политических институтов. Однажды Писистрат намеренно нанес себе раны мечом, чтобы убедить граждан выделить ему вооруженных телохранителей – с помощью которых он затем и захватил власть. Смещенный со своего поста и изгнанный, Писистрат вернулся в Афины на колеснице, поставив рядом с собой статную женщину, переодетую в богиню Афину, и сумел одурачить народ, убедив его, что тирану благоволит сама богиня. Однако, даже захватив власть, Писистрат не отказался полностью от наследия Солона, а вместо этого стал увеличивать и дальше дееспособность государства. Он начал в Афинах монументальное строительство и предпринял ряд мер по интеграции Афин с Аттикой – сельской местностью, окружающей город. Среди этих мер были создание института местных деревенских судей, централизованное строительство сети дорог, проведение религиозных процессий, связавших Афины с храмами Аттики, а также праздника Великие Панафинеи. Религиозные празднества также были продолжением некоторых мер Солона, который пытался ограничить частные праздники местных элит общеафинскими публичными мероприятиями. При Писистрате Афины также впервые стали чеканить собственную монету.

Так работает эффект Красной королевы. Этот путь в основном проложил Солон, а Писистрат последовал по нему, пусть даже и с неожиданными поворотами и отклонениями. Приходя к власти, тираны в первую очередь действовали в интересах государства и элит. Но они не имели возможности полностью доминировать над обществом и демосом («народом») и обращались за поддержкой также и к нему. Хотя Писистрату и наследовали его сыновья Гиппий и Гиппарх, а позже попытку установить свое правление при поддержке соперничающего городо-государства Спарты предпринял Исагор, демосу в конечном итоге удалось одержать верх. В 508 году до н. э. мощное народное восстание привело к власти Клисфена. Проведенные Клисфеном реформы вновь были нацелены на одновременное усиление и государства, и общества, причем в трех отношениях ему удалось добиться гораздо больших успехов, чем Солону за восемьдесят лет до этого, Клисфен смог усилить контроль общества над элитами, увеличить дееспособность государства и ослабить тесноту клетки норм.

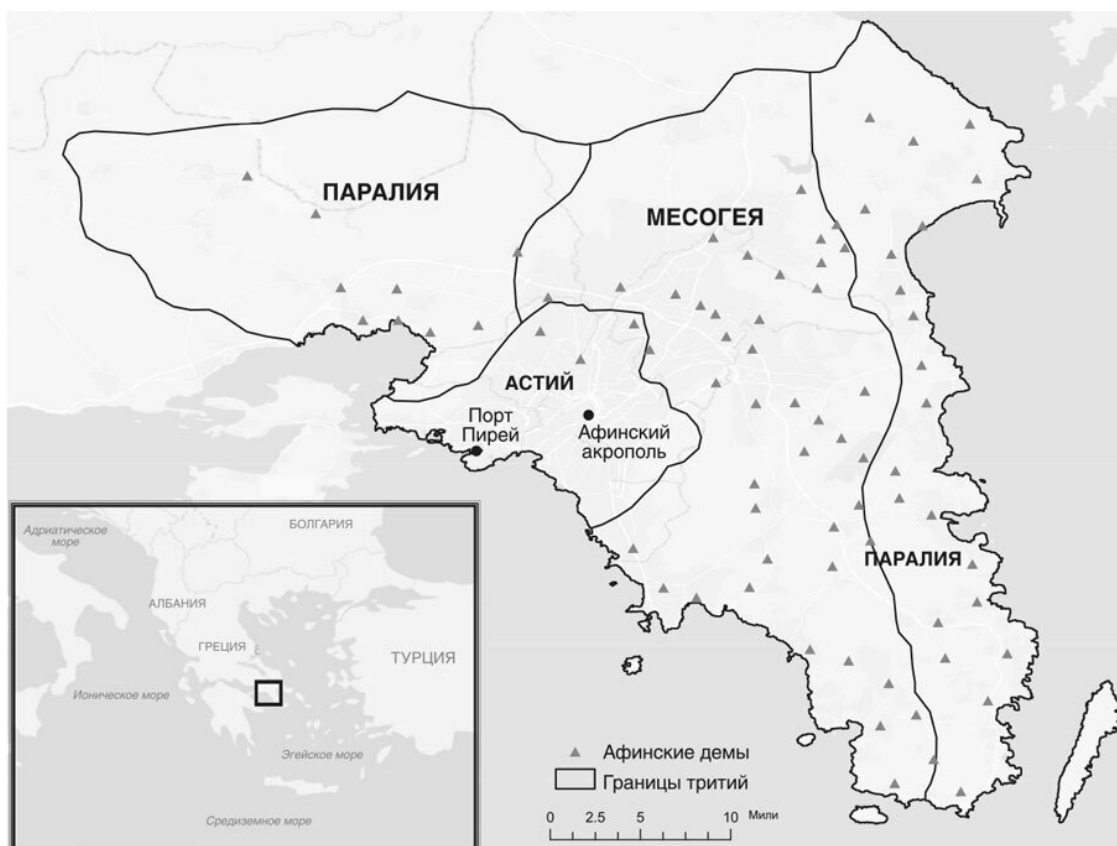
Начнем с государственного строительства. Клисфен разработал сложную фискальную систему, в которой метеки (проживающие в Афинах чужеземцы) платили подушный налог; а богатые граждане, обязанные оплачивать проведение праздников и строительство военных кораблей, были обложены прямыми налогами. Были введены также разнообразные пошлины и сборы, особенно в афинском порту Пирее, а также налоги на серебряные рудники в Аттике. Во время архонства Клисфена государство начало предоставлять ряд общественных услуг, кото-

рые уже не ограничивались охраной безопасности и чеканкой монеты: теперь полис строил инфраструктуру в виде городских стен, дорог, мостов и тюрем, а также заботился о сиротах и инвалидах.

В равной степени примечательно образование определенного типа государственной бюрократии. Аристотель утверждает, что при Аристиде, примерно в 480–470 годах до н. э., всего на государство работало 700 человек плюс еще 700 за пределами Аттики; кроме того, 500 государственных стражников охраняли портовые сооружения в Пирее и еще 50 служили на Акрополе.

При этом государство Клисфена контролировалось более демократическими методами по сравнению с установлениями Солона. Клисфен понял, что ему следует еще больше ослабить клетку норм и отдалиться от племенных принципов в основании власти. Поэтому он пошел на смелый шаг и отменил четыре племенные «филы», из которых выбирался Совет четырехсот (буле) Солона, и заменил его на новый Совет пятисот, избираемых из десяти новых фил, названных по именам афинских героев. Каждая фила имела в буле 50 представителей. Филы делились на группы поменьше, называемые тритиями («третьями»), а каждая трития в свою очередь делилась на региональные политические единицы – демы. Всего в Аттике имелось 139 демов (как показано на карте 2). Создание региональных административных единиц само по себе стало значительным шагом на пути строительства государства, потому что таким образом было почти полностью уничтожено существовавшее раньше деление по родовому принципу. Подводя итог реформам Клисфена, Аристотель отмечает, что тот

заставил считаться демотами жителей каждого из демов, чтобы люди не выделяли новых граждан, называя их по отчеству, но чтобы публично называли по имени демов¹³.

Карта 2. Афинские демы

¹³ Перевод и примечания С. И. Радцига.

В целях дальнейшего политического усиления афинских граждан против элиты Клисфен также ослабил существовавшие во времена Солона ограничения на занятие должностей. Членом буле теперь мог стать любой гражданин в возрасте от тридцати лет, и поскольку каждую должность можно было занимать лишь год и по большей части максимум дважды за всю жизнь, то через государственную службу проходили большинство афинских мужчин. Председатель буле избирался по жребию на сутки, так что можно утверждать, что в тот или иной момент жизни должность начальника занимали большинство афинских граждан. Аристотель подвел всему этому следующий итог:

Народ взял в свои руки все управление.

Совет пятисот, или буле, следил за расходами и состоял из нескольких коллегий магистратов, осуществлявших политику на практике. Хотя члены этих коллегий избирались по жребию и занимали свою должность только в течение года, им помогали профессиональные писцы из числа рабов – по сути дела, тоже государственные служащие.

Клисфен вслед за Солоном строил институты на основе существовавших норм, которые считал полезными для усиления политической мощи афинских граждан, и вместе с тем боролся с этой клеткой норм. Примечательна в этом отношении формализация института *остракизма* как средства сдерживания политического доминирования влиятельных граждан. Согласно новому закону, собрание ежегодно голосовало по вопросу о том, не следует ли отправить кого-либо из граждан в изгнание. Если в голосовании принимали участие не менее 6000 граждан и по меньшей мере половина из них выступала за изгнание, то каждый из них должен был нацарапать имя человека, которого он хотел бы отправить в изгнание, на глиняном черепке-*остраконе* (отсюда и термин «остракизм»). Гражданин, имя которого встречалось на собранных черепках чаще всего, изгонялся из Афин на десять лет. Аристотель замечает, что этот закон «был установлен ввиду подозрения к людям, пользующимся влиянием».

Как и «Закон о гордыне» Солона, остракизм был инструментом, позволявшим использовать и трансформировать общественные нормы в целях обуздания элит. Остракизму в свое время подвергся даже Фемистокл – гениальный полководец, одержавший решающую победу над персами в битве при Саламине, и, возможно, самый влиятельный человек в Афинах той эпохи. Примерно в 476 году до н. э. афиняне изгнали Фемистокла, решив, что он сосредоточил в своих руках многовато власти и тому же слишком увлекся борьбой со Спартой вместо того, чтобы сосредоточиться на настоящем враге – персах. (На фотографии во вкладке показан остракон с именем Фемистокла.)

К остракизму прибегали довольно редко (всего 15 человек за 180 лет существования этого института), однако сама угроза изгнания служила мощным средством сдерживания элит со стороны простых граждан.

Эволюция афинского государства не остановилась на Клисфене, который осуществил всего лишь шестое из одиннадцати описанных Аристотелем государственных преобразований (мы уже упоминали о том, что эффект Красной королевы выглядит иногда весьма запутанным). Но в ходе этого процесса Афины последовательно двигались по пути, ведущему к усилению влияния граждан и одновременно к более мощному государству. Как и полагается при эффекте Красной королевы, ни один из этих процессов не обошелся без продолжительной борьбы, в ходе которой элиты и народ поочередно тянули одеяло на себя.

Именно в этот период Афины постепенно (со многими остановками и отступлениями) построили одного из первых в мире Обузданных Левиафанов – мощное и дееспособное государство, эффективно контролируемое собственными гражданами. И благодарить за это афиняне должны были эффект Красной королевы. Государство не могло доминировать над обществом, но и общество не могло доминировать над государством; прогресс одной стороны

уравновешивался изобретательным противодействием другой, прибегавшей к новым формам реакции, а ограничения, накладываемые обществом, в то же время позволяли государству расширять круг своих полномочий, распространяя их на новые сферы. В ходе этого процесса общество также сотрудничало с государством, позволяя тому усиливать свое влияние, но не теряя контроля над ним.

Ключевая особенность состояла в том, что эффект Красной королевы разрушал клетку норм. Чтобы обуздать Левиафана, обществу необходимо было кооперироваться, организовываться и расширять собственное политическое представительство. А сделать это трудно, если общество разделено на долговых рабов и их хозяев, на фратрии, филы, племена и роды. Реформы Солона и Клисфена постепенно уничтожили эти конкурирующие между собой группы, с которыми отождествляли себя разные жители Афин, и создали основу для более широкой общественной кооперации. Это феномен, который мы вновь и вновь будем наблюдать при создании очередного Обузданного Левиафана.

Отсутствующие права

В истории обуздания американского Левиафана, излагать которую мы начали в предыдущей главе, есть много параллелей с историей Древних Афин. Конституция Соединенных Штатов, составленная отцами-основателями – такими людьми, как Джордж Вашингтон, Джеймс Мэдисон и Александр Гамильтон, повсеместно признана как блестящий образец институционального дизайна, создавший систему сдержек и противовесов и гарантировавший свободу будущим поколениям американцев. В этом утверждении есть доля правды, но это лишь небольшая часть истории. Главная же ее часть – это усиление народа, благодаря которому в дальнейшем удавалось сдерживать и преобразовывать американские институты, высвободив мощный эффект Красной королевы.

Возьмем для примера вопрос гражданских прав. Разве мы не обязаны защитой наших прав отцам-основателям и их Конституции? И да и нет. Конституция, пришедшая на смену первым законам новой страны – принятым в 1777–1778 годах Статьям Конфедерации, в самом деле закрепляет некоторые фундаментальные права, но они не упоминались в знаменитом документе, написанном летом 1787 года в Филадельфии. Отцы-основатели словно по рассеянности закрыли глаза на целый спектр основных прав, которые мы сейчас считаем основополагающими для американских институтов и общества. В конце концов эти права все-таки вошли в Конституцию – но лишь позже, в виде Билля о правах, состоявшего из двенадцати поправок к Конституции, десять из которых были приняты первым Конгрессом и ратифицированы законодательными собраниями штатов. Среди них – и шестая статья Билля о правах:

Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться. Ни один ордер не должен выдаваться иначе как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой или торжественным заявлением; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту.

Восьмая статья гласила:

При всяком уголовном преследовании обвиняемый имеет право на скорый и публичный суд беспристрастных присяжных того штата и округа, ранее установленного законом, где было совершено преступление; обвиняемый имеет право быть осведомленным о сущности и основаниях обвинения, право на очную ставку со свидетелями, дающими показания против него, право на принудительный вызов свидетелей со своей стороны и на помощь адвоката для своей защиты.

Все эти права кажутся абсолютно основополагающими. Так почему же отцы-основатели сразу не включили их в Конституцию? Причина довольно проста, и она помогает нам понять происхождение оков, которыми был обуздан американский Левиафан, – а также причину того, почему эти оковы не появились автоматически и почему они ковались столь трудно.

Мэдисон, Гамильтон и их соратники-федералисты хотели заменить Статьи Конфедерации не потому, что стремились укрепить гражданские права. На самом деле Конституция, которую они проектировали, имела целью ограничить различные политические полномочия, принятые на себя законодательными органами отдельных штатов: федералисты считали, что эти полномочия опасно подрывают единство страны. Законодательные собрания штатов, например, имели право печатать собственные деньги, облагать налогами торговлю, прощать долги и отказываться участвовать в выплате национального долга. Что еще хуже, в то время наблюдались значительная политическая неразбериха и повышенная активность общества, поскольку

представители самых разных слоев обществ усвоили идею о том, что они могут самостоятельно управлять своими делами, организовываться, протестовать и избираться в законодательные органы для защиты собственных интересов. В этом контексте Конституция была призвана одновременно решить две конкретные проблемы. Во-первых – построить федеральное государство, которое могло бы координировать законодательную, оборонную и экономическую политику во всех штатах сразу. Во-вторых, образно выражаясь, загнать обратно в бутылку джина мощного демократического инстинкта, выпущенного на свободу Войной за независимость против Великобритании. Конституция решала обе эти проблемы посредством централизации политической власти и передачи центральному правительству контроля за фискальной политикой, утихомиривая, таким образом, бурление популистской политики и излишней автономии отдельных штатов.

Федералисты стали подлинными «строителями государства» (*state builders*). Хотя Гоббс писал обобщенно о двух путях к Левиафану, посредством Установления или посредством Приобретения, на практике Левиафана часто создают конкретные строители государства – индивиды или группы, подобно Солону, Клисфену или федералистам достаточно целеустремленные и обладающие планом создания централизованной власти. Именно они основывают протогосударство или усиливают мощь зарождающегося государства. Федералисты мечтали о построении Левиафана, которого Гоббс, несомненно, оценил бы (но которого не позволяли создать Статьи Конфедерации).

Федералисты также прекрасно осознавали опасность того, что мы выше назвали «проблемой Гильгамеша»; они понимали, что весьма рискованно наделять чрезмерной силой федеральное государство. Например, оно может стать настолько сильным, что начнет рассматривать общество как свою добычу, демонстрируя, таким образом, ужасное лицо Левиафана. В известном отрывке из «Записок федералиста», серии памфлетов, которые Мэдисон, Гамильтон и Джон Джей издавали с целью убедить читателей в необходимости принятия Конституции, Мэдисон отмечал:

В создании правительства, которым должны руководить люди, имеющие власть над людьми, великая трудность заключается в следующем: для начала необходимо предоставить правительству средства контроля над управляемыми, а следующим делом обязать его контролировать себя.

Хотя в настоящее время основное внимание уделяется мысли Мэдисона о необходимости самоконтроля для правительства, изначальный смысл этого высказывания состоит в том, чтобы «предоставить правительству средства контроля над управляемыми». А это подчеркивает вторую цель федералистов – ограничить участие рядовых граждан в политике. В то время многие читатели обращали внимание именно на эту фразу – и были встревожены ей, тем более что в составленном в Филадельфии документе ничего явно не говорилось о правах человека. И их опасения были небезосновательны. В частном письме Томасу Джефферсону вскоре после составления проекта Конституции в 1787 году Мэдисон писал:

Divide et impera, столь порицаемая аксиома тирании, при некоторых ограничениях бывает единственной мерой, позволяющей управлять республикой по принципам справедливости.

Divide et impera – «Разделяй и властвуй» – именно с помощью такой стратегии предлагалось контролировать демократию. Мэдисон подчеркивал «необходимость... расширения границ общего правительства [и] более эффективного ограничения правительств штатов». «Общее правительство», под которым подразумевалось федеральное правительство, было сделано менее демократическим посредством таких механизмов, как не прямые выборы сенаторов и президента. Необходимость более «эффективного ограничения правительств штатов» объяснялась социальными волнениями 1780-х годов, включая восстания и бунты фермеров и

должников, – эти беспорядки, по мнению Мэдисона, могли поставить под угрозу весь проект американской независимости. По существу, одной из главных причин, по которой федералисты поддерживали Конституцию, было то, что она обеспечила бы федеральное правительство налоговыми поступлениями, на которые можно было бы содержать регулярную армию. И одним из последствий этого было бы «обеспечение внутреннего спокойствия», как написано в преамбуле к Конституции. И действительно, первым делом армия Джорджа Вашингтона, созданная на федеральные деньги после ратификации Конституции, отправилась из столицы на запад, чтобы подавить Восстание из-за виски, спровоцированное введением новых налогов¹⁴.

Разработанный Мэдисоном и федералистами проект государства породил большое беспокойство в американском обществе. Люди боялись того, на что в принципе могло быть способно более мощное государство и контролирующие его политики в отсутствие защиты, которую позже предложил Билль о правах. Даже в Соединенных Штатах ужасное лицо Левиафана показалось где-то неглубоко под поверхностью моря. Конвенты нескольких штатов отказались ратифицировать Конституцию, пока в ней не будет ясного и определенного указания на защиту прав личности. Сам Мэдисон был вынужден признать необходимость Билля о правах, чтобы убедить конвент своего собственного штата Виргиния принять Конституцию. Позже он баллотировался в Конгресс штата уже от сторонников принятия Билля и защищал его необходимость перед Конгрессом в августе 1789 года на том основании, что он «успокоит умы людей». (Но позже, в главе 10, мы увидим, что существовали и иные, менее благородные соображения; Мэдисон и его соратники в конце концов одобрили рабство, чтобы сделать Конституцию приемлемой для элит Юга. Как следствие, Билль о правах не защищал рабов и не применялся в ответ на злоупотребления со стороны правительств штатов.)

Переход от Статей Конфедерации к Конституции показывает, какие ключевые элементы нужны для возникновения Обузданного Левиафана. Во-первых, необходимы индивиды или общественные группы («строители государства»), которые выступают за создание мощного государственного механизма, способного положить конец «Войне всех против всех», разрешать конфликты в обществе, защищать граждан от доминирования и предоставлять общественные услуги (и, возможно, в некоторой степени обеспечивать и собственные интересы этих индивидов и групп).

Роль этих групп строителей государства, их способность разрабатывать концепции, умение создавать нужные коалиции для поддержки своих начинаний и их исключительная предпримчивость – всё это крайне важно. При основании федерального государства США эту роль играли федералисты. Они намеревались создать настоящего Левиафана и понимали, что он необходим для безопасности, единства и экономических успехов новой страны; что он должен обладать более мощной центральной властью, правом собирать налоги, монополией на денежную эмиссию и возможностью формировать федеральную торговую политику. Более того, федералисты уже были достаточно влиятельны, чтобы приступить к такому проекту по строительству государства; они уже обладали значительной властью и были достаточно авторитетными политиками. Они также черпали силы из союза с Джорджем Вашингтоном и другими уважаемыми лидерами Войны за независимость. Они хорошо умели воздействовать на умы публики посредством газет и блестяще аргументированных «Записок федералиста».

Но еще более важна роль второго столпа Обузданного Левиафана – общественной мобилизации, поскольку в нем вся суть эффекта Красной королевы. Под общественной мобилизацией мы подразумеваем привлечение широких слоев общества (в особенности не относящихся к элите) к участию в политике. Это участие может проявляться как в неинституционализи-

¹⁴ *Whiskey Rebellion* – протесты фермеров-производителей виски против нового налога на спиртное, введенного в 1791 г. Беспорядки, достигшие пика в 1794-м, были подавлены без кровопролития. Спорный налог был отменен в 1800 г. – *Примеч. ред.*

рованных формах (восстания, протесты, петиции и в целом давление на элиты посредством общественных ассоциаций или средств массовой информации), так и в виде выборов или политических объединений. Институционализированные и неинституционализированные инструменты дополняют и поддерживают друг друга.

Деспотизм проистекает от невозможности общества влиять на политику и действия государства. Хотя конституция и может декларировать демократические выборы или консультации, такой декларации самой по себе недостаточно для того, чтобы Левиафан реагировал на запросы общества, стал ответственным и обузданным; всё это возможно лишь в том случае, когда само общество мобилизовано и принимает активное участие в политике. Так что сила конституции зависит от способности рядовых граждан защищать ее и требовать исполнения того, что она обещает, – при необходимости даже неконституционными методами. Положения же конституции, в свою очередь, важны как тем, что они делают усилия общества более предсказуемыми и последовательными, так и тем, что закрепляют право общества на участие в политике.

Сила общества зависит от способности людей успешно решать проблему коллективного взаимодействия, чтобы получить возможность участвовать в политике, противостоять нежелательным переменам и настаивать на своем в процессе принятия важных общественных и политических решений. Проблема коллективного взаимодействия состоит в том, что даже тогда, когда интересы той или иной группы людей настоятельно требуют самоорганизации ради каких-то политических действий, отдельные члены группы могут лишь «примазывать» к ней: получая выгоду от участия в группе, они продолжают спокойно заниматься своими делами, не прикладывая должных усилий для защиты групповых интересов или вообще не интересуясь тем, что происходит. Неинституционализированные проявления силы общества непредсказуемы, поскольку не дают надежного способа решения проблемы коллективного взаимодействия, тогда как институционализированная власть более системна и предсказуема. Конституция, таким образом, позволяет обществу применять свою мощь более последовательным образом. И то, что в годы накануне составления Конституции США общество обладало обоими источниками силы, оказалось критически важным.

Неинституционализированная мощь американского общества возникла в ходе народного сопротивления во время войны с британцами. В 1787 году Томас Джефферсон выразил суть этой общественной мобилизации следующим образом:

Не дай нам бог прожить еще двадцать лет без такого восстания... Какая страна сможет сохранить свои свободы, если их правителей время от времени не предупреждать о том, что народ сохраняет дух сопротивления? Пусть вооружаются!

Однако благодаря Статьям Конфедерации американское общество получило также институциональные средства, позволявшие организовать сопротивление проекту государства, предложенному федералистами: таким средством, например, был отказ ратифицировать Конституцию в законодательных собраниях штатов. Эти институциональные ограничения никуда не исчезли и после ратификации, поскольку, согласно Конституции, законодательная власть оставалась мощным ограничителем исполнительной власти, в том числе и федеральной администрации.

Степень народной мобилизации и уровень организованности общества уже сыграли центральную роль в Войне за независимость, подогреваемой нежеланием простых людей подчиняться британской колониальной политике. И те же особенности американского общества привлекли внимание Алексиса де Токвиля – молодого французского интеллектуала, который путешествовал по стране полвека спустя. В своем шедевре «Демократия в Америке» Токвиль замечает:

Ни в одной стране мира принцип объединений не использован настолько успешно или настолько щедро не применим к великому множеству различных объектов, как в Америке.

И в самом деле, это была настоящая «нация объединителей», и Токвиль восхищался чрезвычайным мастерством, с которым ее обитатели предлагали свои усилия по достижению общей цели многим великим людям и получали с их стороны согласие преследовать эту цель.

Столь мощная традиция социальной мобилизации позволила обществу США сказать свое решающее слово по поводу того, каким быть американскому Левиафану. Даже если Гамильтон, Мэдисон и их соратники вдруг решили бы построить более деспотическое государство, общество этого не позволило бы. Итак, федералистов убедили ввести Билль о правах и другие средства ограничения их собственной власти, чтобы сделать проект построения государства более приемлемым для тех, кому предстояло «передать свою волю» Левиафану. Федералисты вовсе не были в восторге; Гамильтон осуждал «чрезмерность демократии» и предлагал, чтобы президент и сенаторы исполняли свои обязанности пожизненно (вполне понятная идея, поскольку федералисты считали, что именно они сами и будут контролировать Левиафана).

Этот второй столп государства критически важен. Мало того что он изначально не дал Америке направиться по деспотическому пути: благодаря порожденному им балансу сил государство оставалось обузданным даже тогда, когда оно со временем стало еще более мощным (и, как мы увидим в дальнейшем, в некоторых отношениях эти узды были, пожалуй, даже слишком эффективными на протяжении следующих двух столетий – особенно когда дело касалось роли государства в предоставлении защиты и равных возможностей для всех его граждан).

Американское государство 1789 года было намного более слабым, чем современное, – в некоторых отношениях его даже можно назвать рудиментарным. Оно имело крохотный бюрократический аппарат и предоставляло очень мало общественных услуг. Оно даже не мечтало о регулировании монополий или о системе социального обеспечения, и оно не считало равными всех своих граждан – уж точно не рабов и не женщин. Таким образом, ослабление клетки норм, в которой находились многие американцы того времени, определенно не входило в число его приоритетов.

Сегодня мы ожидаем от государства гораздо большего в том, что касается разрешения конфликтов, регулирования, социального обеспечения, общественных услуг и защиты индивидуальной свободы от любого рода угроз. И то, что все это предоставляется государством, есть следствие эффекта Красной королевы. Если бы все, на что было способно общество США в то время, было, так сказать, высечено в камне, если бы новорожденному государству раз и навсегда были заданы жесткие рамки, то мы сегодня не пользовались бы многими преимуществами современного государства (и, конечно, не страдали бы от некоторых проявлений его непреклонности). Но вместо этого американское государство последние 230 лет эволюционировало, а вместе с ним менялись его возможности и его роль в обществе. В ходе этого процесса оно научилось лучше откликаться на пожелания и потребности своих граждан. Причина подобной эволюции заключается в том, что узды, которыми было оковано государство изначально, позволяли обществу сохранять уверенность в том, что если общество будет сохранять определенную бдительность, то государственный Левиафан, даже продолжая увеличивать свою мощь, не станет полностью неподотчетным и не обратит к обществу свое страшное лицо. Узда, накинута на Левиафана, позволяла обществу всерьез рассматривать вопрос сотрудничества с государством. И точно так же как американцы конца XVIII века не полностью доверяли Мэдисону с Гамильтоном и требовали от них гарантий, так и современное общество не полностью доверяет тем, кто стремится увеличить мощь и полномочия государства. Общество готово пойти

на это только при условии, что параллельно будут увеличены возможности общества контролировать государство.

Последующее развитие отношений между государством и обществом США в XIX столетии шло по тому же извилистому, непредсказуемому пути Красной королевы, который мы уже наблюдали на примере Афин. По мере централизации и упрочения государства, по мере того как оно все сильнее вторгалось в жизнь людей, общество пыталось упрочить свой контроль над ним. Хотя подобную динамику мы наблюдаем во многих аспектах американской политики, крупнейшим противостоянием такого рода были разногласия между северными и южными штатами по вопросу рабства, из-за чего в Конституцию и было включено так много нежелательных компромиссов.

Это противостояние вылилось в один из самых кровопролитных конфликтов XIX столетия, который разразился, когда семь южных штатов (из 34 на тот момент) объявили о своем выходе («сецессии») из США и образовали Конфедеративные Штаты Америки. Это произошло после вступления в должность президента Авраама Линкольна в 1861 году. Федеральное правительство не признало эту сецессию, и 12 апреля 1861 года началась Гражданская война между Союзом («Севером») и Конфедерацией («Югом»). За четыре года война разрушила большую часть транспортной системы, инфраструктуры и экономики Юга и унесла 750 000 жизней. После окончания войны произошел огромный сдвиг в балансе сил и могуществе элит, особенно на Юге, поскольку были освобождены рабы (Тринадцатая поправка в Конституцию) и признаны их гражданские права (Четырнадцатая поправка), в том числе избирательное право (Пятнадцатая поправка).

Но на этом серия реформ не закончилась. В ходе так называемой Реконструкции Юга, продлившейся до 1877 года, положение бывших рабов укрепились благодаря их включению в экономическую и политическую систему (и они принялись активно участвовать в ней, массово голосуя и избираясь в местные законодательные органы). Правда, в период так называемого Искупления (*The Redemption*), когда войска северян покинули южные штаты, бывшие рабы снова оказались фактически бесправными: они вынуждены были существовать в рамках аграрной экономики с низкой оплатой труда и снова подчиниться различным формальным и неформальным ограничениям. Кроме того, они нередко становились жертвами репрессивных практик, включая убийства и суды Линча со стороны местных «наблюдающих за порядком» организаций, таких как ку-клукс-клан. Маятник вновь качнулся в противоположном направлении – в сторону ограничения власти местных элит и защиты наиболее бесправных слоев южного общества – только после того, как в середине 1950-х годов набрало силу движение за гражданские права. (И, конечно же, мы вовсе не находимся в конце истории, поскольку эволюция американской свободы продолжается.)

Хотя, согласно общепринятому мнению, Конституция США защищает наши права, путь к этой защите был непростым – мы обязаны этими правами не только документу, составленному в 1787 году в Филадельфии, но и мобилизации нашего общества. Такова природа Красной королевы.

Вожди? Какие вожди?

Итак, эффект Красной королевы не так уж просто устроен, не так однозначен, и, как мы увидим позже, этот бег наперегонки сопряжен с опасностями. Однако если этот эффект срабатывает, то возникают условия для того типа свободы, которым пользовались древние афиняне и пользуются современные американцы. Почему же тогда многие общества остаются в ситуации Отсутствующего Левиафана? Почему бы им тоже не попытаться создать централизованное правительство, одновременно обуздывая его? Почему бы им не включить эффект Красной королевы?

Теоретики государства обычно связывают неудачу в построении центральной власти с отсутствием некоторых ключевых условий, благодаря которым и имеет смысл создавать такое государство, – например, минимально необходимой плотности населения, нужного уровня развития сельского хозяйства или торговли. Также утверждается, что некоторые общества не обладают необходимыми знаниями или технологиями, позволяющими создать государства. Согласно этой точке зрения, создание государственных институтов – это в первую очередь «инженерная» проблема привлечения нужных экспертов и использования опробованных схем построения институтов. Хотя эти факторы действительно играют роль в некоторых контекстах, более важным чаще оказывается другой фактор – желание любой ценой избежать Левиафана с ужасным лицом. Если вы боитесь Левиафана, то постараетесь не допустить того, чтобы власть была излишне сосредоточена, и вы будете сопротивляться социально-политической иерархии, необходимой для его появления.

Яркий пример подобного страха, блокирующего возвышение Левиафана, мы находим в истории Нигерии. Вдали от Лагоса и прибрежных лагун раскинулся Йорубаленд – земли народности йоруба. Если по шоссе A1 выехать из Лагоса на север к Ибадану, а затем свернуть на восток по дороге A122, то вы окажетесь в городе Ифе, который вожди йоруба почитают как свою духовную прародину. Затем трасса A123 приведет вас в город Локоджу (который можно увидеть на карте 1 в предыдущей главе). В 1914 году сэр Фредерик Лугард сделал Локоджу, расположенную в месте слияния рек Нигер и Бенуэ, первой столицей колониальной Нигерии. Предполагается, что именно здесь его будущая супруга Флора Шоу придумала название для будущей страны. Дорога A233 тянется дальше на восток, отходит от реки Бенуэ и возвращается к ней только у Макурди, в Тивленде – землях народности тив.

Тив – это этническая группа, организованная на основе родственных связей и не имевшая государственности на момент европейской колонизации Нигерии. Тем не менее тив смогли сохранить контроль над обширной территорией (и даже расширить ее) с хорошо обозначенной границей, с собственным языком, культурой и историей. Мы многое знаем о тив благодаря антропологам Полу и Лоре Боханнан, изучавшим эту народность начиная с 1940-х годов. Работы этих и других исследователей ясно дают понять, что в обществе тив, как и среди жителей Древних Афин, была широко распространена озабоченность по поводу того, что некоторые индивиды могут стать слишком влиятельными и начать доминировать над остальными. Но подход к решению этой проблемы у тив был иным, нежели у афинян. Пытаясь ограничить тех, кто забирал в свои руки слишком много власти, тив опирались на традиционные нормы, и эти же нормы препятствовали появлению любой политической иерархии. В результате, хотя у тив и были вожди, но эти вожди обладали лишь незначительной властью; основная их функция заключалась в посредничестве и арбитраже в ходе разрешения различных конфликтов сторонами, а также в кооперативной поддержке, – нечто вроде того, что мы наблюдали у старейшин ашанти в предыдущей главе. Ни у одного вождя или другого «большого человека» у тив не было достаточного властного авторитета, чтобы навязать свою волю другим.

Чтобы понять, каким образом тив сдерживали развитие политической иерархии, вернемся к лорду Фредерику Лугарду. Лугард намеревался довести до совершенства так называемый метод косвенного управления (*indirect rule*) – то есть управление колониями с помощью местных представителей и местных политических авторитетов. Но как управлять обществом, в котором нет таких авторитетов? Когда Лугард потребовал, чтобы тив отвели его к своим вождям, те спросили: «Вождям? Каким вождям?»

В 1890-х годах, по мере расширения британского влияния, система косвенного управления уже была внедрена в Южной Нигерии. Здесь администраторы назначали «мандатных вождей» (*warrant chiefs*)¹⁵, выдавая мандат (*warrant*) на определенные властные полномочия представителю одного из влиятельных местных семейств. В 1914 году Лугард был назначен генерал-губернатором Нигерии и у него появились еще более амбициозные планы. Он писал:

Если вождя нет, то первым условием для прогресса общества со столь слабыми социальными структурами, как общества игбо или тив, является учреждение территориальных единиц определенного размера под управлением прогрессивных вождей (*progressive chiefs*).

Но кто такие эти прогрессивные вожди и откуда их взять? Эту проблему и предстояло решить Лугарду и другим колониальным чиновникам. Лугард хотел, чтобы его прогрессивные вожди следили за порядком, собирали налоги и организовывали работу местных жителей на строительстве дорог (обычных и железных) в Тивленде. Если у тив нет настоящих вождей, британцам придется их создать. И вот после 1914 года Лугард принялся навязывать тив новую систему «мандатных вождей».

Но тив не пришли в восторг от планов Лугарда. Напряжение росло и в 1929 году привело к настоящему социальному взрыву – беспорядкам в соседнем регионе Игболенд, населенном безгосударственной народностью игбо – еще одним «обществом со слабыми социальными структурами», выражаясь словами Лугарда. К лету 1939 года почти всякая социальная и экономическая активность в Тивленде замерла.

Немало хлопот британцам доставил новый культ под названием ньямбуа (*Nyambua*), который можно рассматривать как своеобразную месть Лугарду (к тому времени он давно вышел в отставку, получил титул барона и наслаждался спокойной жизнью в Англии) и его «мандатным вождям». Главой культа стал человек по имени Коква, торговавший амулетами, которые защищали от *мбатсав*, то есть колдунов. Слово «мбатсав» – множественное число слова *тсав*, которое переводится с языка тив как «сила» или «власть» (в особенности власть над другими людьми). *Тсав* имеет вид некоторой субстанции, которая накапливается в сердце человека, и ее можно увидеть после смерти человека, вскрыв грудь покойника. Если у вас есть *тсав*, вы можете заставлять других людей делать то, что вам хочется, и даже убивать их при помощи особых амулетов. Критически важно следующее: хотя некоторые люди обладают *тсав* от рождения, его количество можно увеличить с помощью каннибализма. Пол Боханнан писал:

Поедание человеческой плоти способствует росту *тсав* и, разумеется, увеличению власти над другими. Отсюда следует, что самым влиятельным людям, каким бы уважением и какой бы любовью они ни пользовались, никогда до конца не доверяют. Ведь они люди *тсав* – и кто знает, чего от них ожидать?

Считалось, что «люди *тсав*» объединены в организацию под названием «Мбатсав». Это слово, таким образом, имеет два значения: во-первых, «влиятельные люди», а во-вторых, как мы уже знаем, «колдуны», причем эти колдуны могут заниматься самыми мерзкими делами – например, грабить могилы или поедать трупы. Довольно любопытное двойное значение

¹⁵ В русской литературе используются также термины «назначенные вожди», «туземные вожди» и «традиционные правители».

слова: представьте себе, что слово «политики» одновременно означало бы «люди, контролирующие правительственные учреждения или стремящиеся быть избранными в такие учреждения» и «группа колдунов, собравшихся вместе ради гнусных дел» (возможно, кстати, не такая уж плохая идея).

Тем, кто посвящался в культ ньямбуа, вручали жезл, обтянутый кожей, и мухобойку. Считалось, что мухобойка позволяет «учуять» в другом человеке *тсав*, накопленный в результате пожирания человеческой плоти. На вкладке показана сделанная Полом Боханнаном фотография, изображающая «искателя тсав», вооруженного мухобойкой. В 1939 году такие мухобойки частенько указывали на «мандатных вождей», и обвинение в колдовстве немедленно лишало вождя всякой власти и полномочий, полученных от британской администрации. Выходит, что тив выступали против британцев? И да и нет. Если присмотреться более внимательно, то мы увидим, что это движение было направлено не просто против власти британцев, оно было направлено против всякой авторитарной власти вообще. Старейшина тив по имени Акига следующим образом объяснил это в разговоре с колониальным чиновником Рупертом Истом:

Когда земля загрязнялась из-за многочисленных бессмысленных убийств [с помощью тсав], тив приняли самые строгие меры, чтобы одолеть мбатсав. Подобные великие дела происходили издавна, со времен наших предков до нынешних дней...

По сути дела, такие культы, как ньямбуа, были частью определенного набора традиционных норм, которые разрабатывались на протяжении многих поколений для сохранения статус-кво в обществе тив и для того, чтобы никто в этом обществе не сосредоточил в своих руках слишком много власти. В 1930-х годах слишком много власти оказалось в руках у «мандатных вождей», но в прошлом на их месте оказывались и другие не в меру возвысившиеся личности. Боханнан отмечал:

Людей, получавших слишком много власти, осаживали, обвинив в колдовстве. Культ ньямбуа был просто очередным инструментом в длинном ряду способов, с помощью которых тив, полные недоверия к власти, сохраняли свои куда более прочные политические институты, основанные на родовой системе и принципе эгалитаризма.

Что особенно важно в этой цитате и что заставляет нас вспомнить об афинянах, постоянно озабоченных высокомерием влиятельных лиц и всегда готовых подвергнуть их остракизму, так это словосочетание «недоверие к власти» (*distrust of power*).

До сих пор мы рассуждали о мощи или дееспособности государства. Но государственный механизм контролируют определенные агенты: правители, политики, чиновники и другие акторы, обладающие политическим влиянием, – словом, все те, кого можно назвать «политической элитой». Нельзя построить Левиафана без политической иерархии, без агента – будь это политическая элита, правитель или строитель государства, – который осуществляет власть над другими людьми, отдает приказы, решает, кто прав и кто виноват в общественных спорах.

Из недоверия к власти рождается страх перед любой политической иерархией. Нормы тив не просто регулировали и держали под контролем общественные конфликты; они строго ограничивали социальную и политическую иерархию. А поскольку сдерживание политической иерархии означает сдерживание государства, некоторые из этих норм, включая практику обвинений в колдовстве, одновременно приостанавливали процесс построения государства.

Скользкий склон

Тив боялись страшного лица Левиафана и доминирования, которое могло распространиться в обществе, если дать Левиафану слишком много власти. А поскольку у тив были мощные нормы, препятствующие возникновению политической иерархии, то сохранялась ситуация Отсутствующего Левиафана. Но здесь есть одна загадка: если общество тив было настолько сильным, а опасность авторитаризма и роста элиты была настолько слабой, то почему тив настолько боялись Левиафана? Почему они не могли активировать эффект Красной королевы и построить Обузданного Левиафана? Почему они не смогли разработать те или иные методы контроля политической иерархии, как это сделали Солон, Клисфен и другие политические деятели Древней Греции или американские отцы-основатели?

Ответ надо искать в самой природе норм, сдерживающих появление политической иерархии. И этот ответ также показывает, насколько трудно создать условия для появления Обузданного Левиафана и что существуют ограничения на различные типы силы общества. В отличие от широкой общественной мобилизации и институализированных форм политической силы, общественные нормы тив опирались на ритуалы, практики колдовства и предубеждения против иерархии. «Развить» и «модернизировать» эти нормы и практики было бы очень непросто; это не того рода институты и нормы, которые оказались бы полезными после того, как одна группа общества сосредоточила бы в своих руках достаточно власти и смогла бы влиять на остальных. У тив имелись средства для того, чтобы подавлять политическое неравенство в зародыше, но необязательно имелась способность контролировать процесс строительства государства, как только этот процесс начнется. Это превращало процесс строительства государства для тив в хождение по скользкой тропе на краю обрыва – достаточно один раз поскользнуться, и ты оказываешься в том месте, куда совершенно не собирался идти.

Чтобы лучше понять это, полезно будет сравнить общественные средства, которые тив использовали для того, чтобы контролировать политическую иерархию, со средствами, имевшимися в распоряжении афинян и американцев, занятых процессом построения своих государств.

У американцев в арсенале было два надежных орудия для борьбы с Левиафаном и контроля над ним. Во-первых, они обладали институционализированной силой для контроля над Левиафаном, поскольку законодательные собрания штатов пользовались влиянием и от них нельзя было так просто отмахнуться; при этом федеральное государство находилось под электоральным и судебным контролем. Во-вторых, американское общество определенно было мобилизовано не так, как общество тив. Во многих отношениях Америка представляла собой нацию мелких землевладельцев, у которых были не только экономические, но и политические амбиции. Их представления о правильных общественных нормах исключали установление деспотической власти, и они легко переходили к открытому сопротивлению (как в этом пришлось убедиться британцам). В результате, даже если американцы в 1787 году и опасались того, что централизованное государство заберет себе больше власти, они все же опасались этого меньше, чем десятью годами раньше, и полагали, что смогут удержать государство от превращения в Деспотического Левиафана.

У афинян были похожие инструменты, и они воспользовались ими с тем же результатом. Из греческих Темных веков афинское общество вышло с твердым намерением сдерживать доминирование элит и ограничивать их привилегии. Экономическая структура этого общества способствовала социальной мобилизации. После реформ Солона Афины подобно тринадцати американским колониям стали обществом мелких землевладельцев, со всеми вытекающими отсюда возможностями общественной мобилизации. Критически важно было и то, что греки примерно в это время стали более активными и уверенными в своих силах благодаря измене-

ниям в военных технологиях. В Темные века оружие делали из бронзы, но к VIII веку до н. э. на смену ей пришло железо. Бронзовое оружие было дорогим и потому представляло собой монополию элиты. Железо было гораздо дешевле бронзы, и железное оружие, выражаясь словами археолога Гордона Чайлда, «демократизировало войну». В частности, оно способствовало появлению знаменитых гоплитов – тяжеловооруженных воинов-граждан, которые могли эффективно противостоять не только армиям других греческих полисов и персидскому войску, но и собственным своевольным элитам.

Таким образом баланс сил сместился еще дальше в пользу афинского демоса в его противостоянии с элитами. Все эти проявления мобилизации были институционализированы Солоном, Клисфеном и другими лидерами, пришедшими им на смену, и в результате элитам стало труднее узурпировать власть и устанавливать собственное доминирование. Таким образом, хотя афиняне, как и тив, задумывались о том, что элиты могут стать слишком сильными и начать доминировать, они тем не менее были уверены в том, что смогут удержать их под контролем с помощью остракизма, железного оружия и выборной демократии. И в этом они не так уж ошибались.

Иной была ситуация у тив. Сила этого общества коренилась в его нормах, отрицающих любой тип политической иерархии. Подобные нормы – мощное средство сохранения безгосударственного статус-кво, поскольку они даже в отсутствие государства способны разрешить общественные проблемы, а кроме того, побуждают общество осаживать не в меру активных индивидов, старающихся навязать окружающим свое доминирование и обрести чрезмерное влияние. Однако те же нормы не годятся для организации коллективных действий в других целях – например, для обуздания Левиафана после его зарождения.

Отчасти так произошло потому, что общество тив, подобно многим другим безгосударственным сообществам, было организовано по родовому принципу, причем каждая группа родственников относилась к тому или иному клану. У афинян тоже имелись фратрии, но они были более изменчивыми, и в их основе лежали менее прочные родовые связи; к тому же Клисфен серьезно ограничил роль фратрий в политике.

Низший уровень объединения в обществе тив представлял собой *тар* – нечто вроде расширенной семьи, и если кто и пользовался влиянием в *тар*, то это были старейшины-мужчины. Это было общество, организованное вертикально на основе родственных связей, а роль каждого человека в таком обществе была жестко определена и строго регулировалась. У людей оставалось мало возможностей для того, чтобы свободно организовывать какие-либо ассоциации, которые помогли бы им мобилизоваться ради контроля над политической властью, и даже вступать в такие ассоциации. Кроме того, вера в то, что причиной любого неравенства является колдовство, была бы быстро подорвана после возникновения иерархии, пользующейся достаточным авторитетом. Наконец, родственные связи тоже больше не смогли бы послужить платформой, на которой общество принимает осознанные решения ради участия в совместных действиях.

Что еще хуже, политическая иерархия, основанная на родственных связях, скорее всего, приняла бы форму доминирования одного клана над другими и тем самым проложила бы дорогу Деспотическому Левиафану, который в конечном итоге подавит любую оппозицию. И в самом деле – похоже на опасную тропу вдоль скользкого склона! Лучше вовсе держаться от Левиафана подальше.

Нечитаемые *Staying Illegible*

На общество тив похожи многие исторические и некоторые из сохранившихся до сих пор безгосударственных обществ. Они не просто живут без государства и без явно выраженной политической иерархии, но усердно предотвращают образование того и другого всеми доступными средствами. Часто эти средства – развивавшиеся на протяжении многих поколений нормы и верования (вроде той же веры в колдовство). Но какое отношение это имеет к современным государствам? В каждом из существующих ныне в мире 195 независимых государств имеются государственные органы, законы, суды и службы безопасности, следящие за исполнением этих законов. Имеют ли к ним какое-то отношение Отсутствующие Левиафаны безгосударственных обществ?

Похоже, что да, имеют. Государственные органы могут быть весьма слабыми, отчего ситуация во обширных регионах того или иного государства не отличается от ситуации в безгосударственном обществе: жители таких регионов, подобно народу тив, руководствуются традиционными нормами или погружаются в пучину насилия – как это наблюдается, например, в племени гебуси (Папуа – Новая Гвинея), о котором мы писали в предыдущей главе.

Еще больше поражает, что некоторые государства, несмотря на свой современный фасад, воздерживаются от укрепления базовых государственных институтов и действуют подобно Отсутствующему Левиафану во всем, кроме названия, и по тем же причинам, что и тив, – поскольку опасаются ступить на скользкую тропу. Один из примеров подобного государства – современный Ливан.

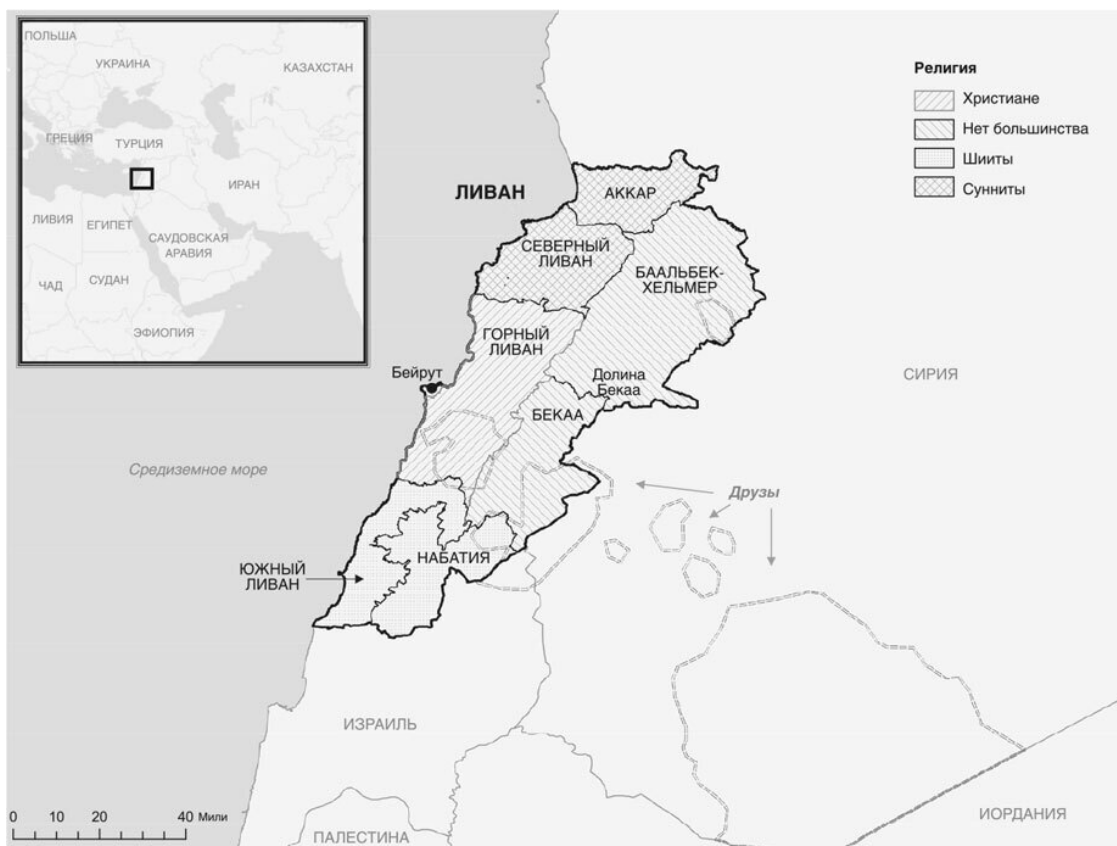
Конституция США гласит, что представительство в Палате представителей должно быть пропорциональным численности населения каждого штата. Для определения численности населения через три года после ратификации Конституции должна была пройти перепись, а впоследствии она должна была проходить каждые десять лет. Первая перепись была проведена в 1790 году, и с тех пор ее действительно прилежно проводили каждые десять лет. Можно указать множество причин, по которым хорошо и правильно проводить перепись населения, – это нужно далеко не только ради установления основы для справедливого представительства в законодательном органе. Переписи помогают правительству понять, где проживают граждане, откуда они родом, каков их образ жизни и уровень образования и, возможно, каков у них уровень дохода и достатка. Выражаясь словами политолога Джеймса Скотта, перепись помогает государству «прочитать» общество, получить информацию для анализа, регулирования и взимания налогов. При необходимости эту информацию можно использовать для влияния на общество. Всё это представляется настолько важным для самого существования и функционирования государства, что, казалось бы, в интересах любого государства сделать общество абсолютно «читаемым» (*legible*).

Граждане, со своей стороны, тоже заинтересованы в том, чтобы стать в определенной степени «читаемыми», потому что иначе они не смогут получить те или иные услуги государства или обеспечить свое представительство в государственных органах. Но, вероятно, вы уже заметили в этом рассуждении один недостаток. А что, если общество не доверяет государству? Что, если оно опасается того, что государство злоупотребит его «читаемостью»? Что, если общество боится ступить на скользкую тропу? Именно этим и озабочены ливанцы.

До Первой мировой войны Ливан входил в Османскую империю, а затем, после недолгого французского колониального правления, в 1943 году стал независимым государством. С момента провозглашения независимости в Ливане ни разу не проводилась перепись. Первая и последняя перепись прошла в 1932 году, и она послужила основой для принятого в 1943-м «Национального пакта». Согласно этой переписи, христиане составляли 51 % населения

– немного больше, чем общины шиитов, суннитов и друзов, вместе взятые (распределение конфессиональных общин показано на карте 3).

Национальный пакт фиксировал такой состав населения и разделял власть между различными группами. Например, президентом страны всегда должен быть христианин-маронит, премьер-министром – мусульманин-суннит, а спикером парламента – мусульманин-шиит. Но разделение этим не ограничивалось. Вице-спикер и вице-премьер должны принадлежать к греческой православной церкви, а главой генерального штаба всегда будет друз. Представительство в парламенте было также установлено в пропорции 5:6 в отношении христиан к мусульманам; внутри этих пропорций представители различных общин также распределялись в соответствии с результатами переписи 1932 года.

Карта 3. Общины Ливана

Государство, созданное на основе этого пакта, предсказуемо оказалось чрезвычайно слабым. Реальная власть в Ливане принадлежит не государственным институтам, а отдельным общинам, как и можно бы ожидать в ситуации Отсутствующего Левиафана. Государство не предоставляет таких публичных услуг, как здравоохранение или электроснабжение, – этим занимаются общины. У шиитской группы «Хезболла» есть собственная частная армия, как и у многих других вооруженных кланов в долине Бекаа. У каждой общины имеется своя телевизионная станция и своя футбольная команда. В Бейруте, например, имеются шиитская команда «Аль-Ахед» и суннитская «Аль-Ансар». Спортивный клуб «Сафа» принадлежит друзам, «Рейсинг-Бейрут» – православным христианам, а «Хикме» – христианам-маронитам.

Столь глубокое разделение власти между общинами Ливана позволяет каждой общине пристально следить за действиями других общин. Каждая группа имеет право наложить вето на любые предложения других групп, что приводит к очень тяжелым тупиковым ситуациям в правительстве. Ситуация тупика не дает возможности принять хоть какое-нибудь решение, и

это касается в том числе коммунальных служб. В июле 2015 года была закрыта главная свалка страны Нааме. Никакой альтернативы у правительства не было, и в Бейруте начали расти горы мусора. Правительство, вместо того чтобы принимать экстренные меры, продолжало бездействовать. На вкладке показана фотография мусорных гор в Бейруте.

В сущности, «ничего не делать» – это естественное состояние ливанского государства. Парламент почти десять лет не проводил голосования по бюджету, предоставляя кабинету составлять бюджет по своему усмотрению. После отставки премьер-министра Наджиба Микати в 2013 году политикам потребовался целый год, чтобы сформировать новое правительство. Но торопиться им было ни к чему: между парламентскими выборами в июне 2009 года и выборами в июне 2014-го (то есть именно в то время, когда заполнялась свалка Нааме) 128 членов парламента собирались вместе лишь 21 раз – примерно четыре раза в год. В 2013 году законодатели заседали лишь дважды и приняли два закона. Один из законов предусматривал продление их мандата еще на полтора года, чтобы они могли дольше оставаться у власти. Такая стратегия повторялась год за годом, и новые выборы состоялись лишь в мае 2018 года.

Но к тому времени Ливан уже столкнулся с одной из самых опасных угроз: из соседней Сирии, охваченной гражданской войной, в Ливан хлынул миллион беженцев (число, равное примерно 20 % населения страны). В итоге парламент, избранный на четыре года и в течение этого времени избегавший решения любых насущных проблем страны, «работал» девять лет. «Работа» в данном случае, конечно же, понятие относительное. После того как парламентариям наконец удалось принять закон о проведении выборов в 2018 году, одно информационное агентство устроило конкурс на лучший комментарий в блогах к этому событию. Один из постов-победителей гласил: «БРАВО, ГОСПОДА, ВЫ НАКОНЕЦ-ТО ПОРАБОТАЛИ ЦЕЛЫЙ ЧАС. Теперь можете возвращаться на свои перманентные каникулы». Понятно, что в такой ситуации решать проблему мусора никто не спешил.

Ситуация ухудшилась настолько, что граждане начали самоорганизовываться и протестовать; возникло общественное движение *YouStink* («ТыВоняешь»), для которого борьба с мусором стала предлогом для призыва к проведению более глубоких системных перемен. Но в Ливане правит бал подозрительность. Любую организацию тут же подозревают в том, что она является инструментом в руках одной из общин, пытающейся усилить свою власть. В полной отчаяния публикации на *Facebook* 25 августа 2015 года активисты движения оправдывались:

С самого момента возникновения движения *#YouStink* мы постоянно вынуждены опровергать обвинения в свой адрес... Наше движение с самого начала обвинили в том, что мы поддерживаем «Аль-Мустакбаль» (движение «Будущее») и стремимся умалить права христиан (на сайте «Тайяр»). Затем нас обвинили в поддержке «Блока 8 марта» и в деятельности против «Аль-Мустакбаль» (согласно министру Эль-Мачнуку и правительству). Что касается самих членов нашего движения, то их обвиняли во взятках, в поддержке Валида Джумבלата, иностранных посольств, движения «Амаль», «Хезболлы»... никому не удалось избежать таких обвинений, главной целью которых было исказить и опорочить идею создания независимой, не поддерживающей какую-либо сторону альтернативы.

Эта публикация иллюстрирует явление, часто наблюдающееся при Отсутствующем Левиафане: разделенное внутри себя общество, неспособное к коллективным действиям и испытывающее глубокую подозрительность ко всем лицам и группам, пытающимся влиять на политику.

Поведение правительства – следствие того факта, что этноконфессиональные общины не желают, чтобы оно вообще что-то делало. Как выразился Гассан Мухейбир, законодатель-христианин из Центрального Ливана,

им не нравится, когда такие институты, как парламент, заседают слишком часто и конкурируют с ними за управление страной.

Ливанское государство слабо не потому, что его гражданам не хватает умения и знаний спроектировать верное государственное устройство. В действительности страна может похвастаться самым образованным населением на Ближнем Востоке и относительно современной университетской системой. Многие ливанцы обучаются за рубежом, в лучших образовательных учреждениях мира. Не то чтобы они не знали, как построить способное государство. Скорее, государство слабо устроено, потому что общины боятся скользкого склона. Депутаты парламента понимают, что от них не ожидают слишком многого, так что зачем напрягаться? Они могут прекрасно голосовать за перенос выборов, потому что на самом деле всем все равно, кого выберут. Иногда это приводит к ужасным социальным последствиям, как в случае с мусорной проблемой, но даже такие проблемы с трудом заставляют кого-то действовать. Никто не хочет предоставлять власть парламенту, никто ему не доверяет, но никто не поддерживает и социальную активность. Никогда не известно, кому можно доверять, а кому нельзя.

Ливан – это не безгосударственное общество. Это современное государство с шестью миллионами граждан, представленное в Организации Объединенных Наций и имеющее послов по всему миру. Но, как и в случае с народностью тив, власть в нем размыта. Ливан – это Отсутствующий Левиафан.

Наплыв палестинских беженцев из Иордании в начале 1970-х дестабилизировал обстановку в Ливане, и в 1975–1989 годах в стране шла ожесточенная гражданская война между различными общинами. Таифское соглашение 1989 года, завершившее конфликт, привнесло некоторые изменения в Национальный пакт. Представительство христиан и мусульман в парламенте стало равным (50 на 50 процентов), а в мусульманской фракции выросло число шиитов. Но это же соглашение ослабило и власть президента.

Действительно ли пропорция 50:50 лучше отражает реальный состав населения Ливана, чем соотношение 6:5, установленное в 1943 году? Возможно, это и так, но на самом деле никто не знает, какова численность той или иной общины, да и не хочет знать. Общество предпочитает оставаться «нечитаемым» для государства, чтобы последнее не было захвачено одной из конкурирующих групп, и чтобы этого не произошло, оно следит за тем, чтобы Левиафан продолжал спать. А груды мусора на улицах между тем продолжают расти.

Узкий коридор

Это книга о свободе. Свобода зависит от различных типов Левиафана и от их эволюции – от того, живет ли общество без эффективного государства, смиряется ли оно с деспотическим государством, или же ему удастся создать баланс сил, открывающий дорогу для возникновения Обузданного Левиафана и постепенного расцвета свободы.

В отличие от представлений Гоббса, согласно которым общество подчиняет свою волю Левиафану – с чем согласны большинство социологов и что современный мир считает само собой разумеющимся, – для нашей теории фундаментально важен тот факт, что Левиафана не всегда встречают с распростертыми объятиями и что путь его развития может быть весьма тернистым – и это еще мягко говоря. Во многих случаях общество сопротивляется усилению государства, причем весьма успешно, как мы видели на примере тив и современных ливанцев. Но результатом такого сопротивления становится отсутствие свободы.

Если же сопротивление разваливается, дело может кончиться возникновением Деспотического Левиафана, похожего на описанное Гоббсом морское чудовище. Но этот Левиафан, пусть он и предотвращает «войну всех против всех», необязательно делает жизнь своих подданных более богатой и менее «беспросветной, тупой и кратковременной», какой она была при Отсутствующем Левиафане. А подданные, в свою очередь, далеко не полностью «вручают свою волю» Левиафану – во всяком случае, не в большей степени, чем жители Восточной Европы, до падения Берлинской стены распевавшие «Интернационал» на улицах, «вручали свою волю» Советскому Союзу. При разных режимах последствия для граждан бывают разными, но все же свободы тут нет ни в одном случае.

Иной тип Левиафана – обузданный – возникает, если появляется баланс между его мощью и способностью общества контролировать эту мощь. Этот Левиафан может решать конфликты справедливо, предоставлять общественные услуги и экономические возможности, предотвращать доминирование и закладывать основания свободы. Если люди верят, что всегда смогут удержать под контролем своего Левиафана, то они доверяют ему, сотрудничают с ним и позволяют ему расти и увеличивать охват и полномочия. Такой Левиафан способствует расцвету свободы, ломая различные клетки норм, которые до этого строго регулировали правила поведения в данном обществе. Но в фундаментальном смысле это не Левиафан Гоббса. Его определяющая характеристика – оковы, узды; он не доминирует над обществом, как морское чудовище Гоббса; он неспособен игнорировать граждан или заткнуть им рот, когда они пытаются повлиять на принятие политических решений. Он не возвышается над обществом, но стоит вровень с ним.

Схема 1. Эволюция Деспотического, Обузданного и Отсутствующего Левиафанов

Эти идеи и силы, определяющие, согласно нашей теории, эволюцию различных типов государств, иллюстрирует следующая схема. Чтобы сосредоточиться на основных принципах, мы упростили схему и сократили ее всего до двух переменных. Первая переменная (горизонтальная ось координат) – это сила общества, воплощенная в традиционных нормах, практиках и институтах, особенно когда дело касается коллективных действий, координации усилий и сдерживания политической иерархии. Эта переменная демонстрирует способность общества к мобилизации и его институциональную силу.

Вторая переменная (вертикальная ось) – это сила государства. Она тоже имеет несколько аспектов, в том числе мощь политических и экономических элит, а также дееспособность государства и его институтов. Конечно, схема игнорирует общественные конфликты (в том числе конфликты элит между собой и конфликты между элитами и государством), и это огромное упрощение. Тем не менее наше определение слабости и силы уже в определенном смысле включает в себя эти конфликты, а упрощение позволяет нам яснее обозначить несколько ключевых составляющих нашей теории и сделать несколько новых выводов. Позже в книге мы снимем эти упрощения и обсудим более детальную схему во всей ее сложности.

Большинство досовременных государственных образований начинают свое развитие в точке, находящейся где-то ближе к нижнему левому углу схемы, то есть и государство, и общество в этом случае слабы. Стрелочки, ведущие из этого нижнего левого угла, представляют

собой расходящиеся со временем варианты путей государств, обществ и их взаимоотношений. Один из этих типичных путей (нижняя стрелка) приблизительно соответствует тому, что мы видели у народности тив: он начинается в точке, где общество сильнее государства и способно заблокировать развитие мощных централизованных государственных институтов. В результате возникает ситуация, когда Левиафан преимущественно отсутствует, потому что ростки государства и элиты изначально были слабее общественных норм, противостоящих развитию политической иерархии. Страх перед скользким склоном подразумевает, что общество по возможности постарается ограничить власть элит и возникновение политической иерархии; сила протогосударственных структур и дальше будет угасать, то есть Левиафан продолжит отсутствовать. Большая сила общества сравнительно с силой государства объясняет также, почему клетка норм в данном случае настолько прочна: в отсутствие институциональных средств урегулирования конфликтов их функцию исполняют нормы (которые при этом тоже порождают социальное неравенство и различные формы ограничений индивидуальной свободы).

Рядом с вертикальной осью графика мы видим другой путь, начинающийся в точке, где государство и элиты изначально были сильнее общества; тут можно вспомнить наши рассуждения о Китае, где подобная конфигурация способствовала возникновению Деспотического Левиафана. Стрелка ведет в сторону еще большего увеличения силы государства, а общество тем временем слабеет и уже не представляет для государства серьезного соперника. Такая тенденция обостряется, поскольку Деспотический Левиафан обессиливает общество, оставаясь необузданным. Как следствие, со временем Деспотический Левиафан обретает подавляющую мощь в сравнении с покорным обществом, и изменившийся баланс сил приводит к тому, что перспективы обуздания Левиафана становятся еще менее вероятными.

Но на схеме также показано, как могут возникать государства, мощь которых сдерживается способным обществом (средняя стрелка). Это происходит в узком коридоре посередине графика, где мы наблюдаем возникновение Обузданного Левиафана. Именно в этом коридоре действует эффект Красной королевы, и борьба государства и общества способствует усилению обеих сторон и может – пусть это и происходит лишь каким-то чудом – помочь установлению стабильного равновесия между ними.

По сути дела, эффект Красной королевы – «бег наперегонки» между государством и обществом – может дать даже больше, чем просто усилить обе стороны сразу. Он также преобразует природу институтов, и в результате Левиафан становится более подотчетным своим гражданам и более чутко реагирующим на их запросы. А тем временем этот эффект преобразует и жизнь людей – не только потому, что устраняет доминирование государств и элит над простыми гражданами, но и потому, что ослабляет или даже полностью разрушает клетку норм, увеличивая пространство личной свободы и допуская гражданина к эффективному участию в политике. Как следствие, только в этом коридоре возникает и развивается истинная свобода, не сдерживаемая политическим, экономическим и социальным доминированием. Вне этого коридора свободу ограничивает либо отсутствие Левиафана, либо его деспотизм.

И все же следует признать риски, с которыми связан эффект Красной королевы. При всех этих действиях и противодействиях одна сторона может обогнать другую и вырваться из коридора. Эффект Красной королевы также требует такой конкуренции между государством и обществом, между элитами и неэлитами, которая не превратилась бы в игру с нулевой суммой, когда каждая из сторон пытается уничтожить и лишить влияния другую. Поэтому в таком состязании крайне важны пространство для компромиссов и понимание того, что на каждое действие последует противодействие. В главе 13 мы увидим, что процесс поляризации общества иногда превращает эффект Красной королевы в игру с нулевой суммой и в результате процесс с большей вероятностью может выйти из-под контроля.

Стоит обратить внимание и на другую особенность этой схемы: в нижнем левом углу, где очень слабы как государство, так и общество, коридор отсутствует. Это иллюстрация одного

важного аспекта наших рассуждений о народе тив. Вспомним, что у тив не было норм или других институтов, способных контролировать политическую иерархию, если уж она возникнет, и поэтому они с таким усердием подавляли любые признаки возникновения такой иерархии; выбирать им приходилось не между Обузданным и Отсутствующим Левиафаном, а между деспотизмом и полным отсутствием государства. Это часто происходит в случаях, когда государство и общество в равной степени слабы, и следует подчеркнуть тот факт, что переход в коридор возможен только после того, как обе стороны в борьбе обретут хотя бы рудиментарную дееспособность и возникнут базовые институциональные предпосылки для баланса сил.

Доказательство пудинга

Теория наиболее полезна, когда она предлагает новые способы размышлений о мире. Подумаем, какие же следствия можно вывести из только что представленной нами теории. Главу 1 мы начали с вопроса о том, в каком направлении движется мир. К идиллической версии западной демократии, не имеющей соперников? К анархии? Или же к цифровой диктатуре? Согласно нашей теории, каждый из этих путей представляет собой одно из направлений, представленных на схеме 1. Но наша теория говорит также и о том, что нет никаких оснований предполагать, будто все страны последуют по одному и тому же пути. Следует ожидать не схождения, а расхождения.

Более того, не все страны могут безболезненно перейти с одного пути на другой. Существует определенная «зависимость от пути». Как только вы попадаете на орбиту Деспотического Левиафана, государства и контролирующие государственные институты элиты становятся сильнее, а общество и нормы, призванные удерживать государство в узде, становятся еще слабее. Взять для примера Китай. Многие политологи и комментаторы продолжают делать прогнозы, согласно которым по мере роста богатства и интеграции в глобальную экономику Китай станет все больше походить на западные демократии. Но путь Деспотического Левиафана на схеме 1 не приведет со временем, как мы видим, в коридор свободы. В главе 7 мы увидим, что доминирование китайского государства над обществом обусловлено историческими условиями и что такие отношения вновь и вновь воспроизводятся определенными действиями лидеров и элиты КНР в целях ослабления общества, чтобы оно не смогло бросить вызов государству и сдержать его. Таким образом историческое наследие страны еще более затрудняет переход в коридор.

Тем не менее это не означает, что это наследие раз и навсегда предопределяет дальнейшее развитие. Отсюда мы переходим ко второму следствию из нашей теории, а именно к большой роли агентности – то есть к тому, что действия лидеров, элит и политических деятелей могут ускорять коллективные действия и создавать новые коалиции, меняющие траекторию общества. Вот почему зависимость от пути не отменяет случающихся время от времени переходов с одного типа пути на другой. Такое сосуществование особенно верно для обществ, уже находящихся в коридоре, поскольку баланс между государством и обществом всегда очень хрупкий и его легко разрушить, если общество утрачивает бдительность или если государство теряет часть своей дееспособности.

Третье следствие вытекает из предыдущих и касается самой природы свободы. Вопреки взгляду, согласно которому западные институты и хороши сами по себе, и всегда склонны к последовательному развитию, наша теория показывает, что свобода – результат сложного, запутанного процесса, предсказать который нелегко. Свободу нельзя насадить и упрочить с помощью разумной системы сдержек и противовесов. Она требует мобилизации общества, его бдительности и настойчивости. Для развития свободы необходимы все эти факторы сразу.

Вспомним (мы говорили об этом в предисловии), что в Уруке стратегия сдерживания Гильгамеша посредством системы сдержек и противовес (в виде его двойника Энкиду) не сработала. Нечто похожее происходило и в других странах, в том числе в Соединенных Штатах – пусть даже систему сдержек и противовесов, введенную в действие Конституцией США, часто называют столпом американской свободы. В 1787 году Джеймс Мэдисон и его сторонники сумели навязать Конституционному конвенту в Филадельфии свой «Виргинский проект», который и лег в основу Конституции. Однако в результате институциональная архитектура новой страны отличалась от «Виргинского проекта», потому что общество (или хотя бы определенная его часть) не полностью доверяло федералистам и хотело, чтобы его свобода была защищена лучше. Как мы уже видели, Мэдисону пришлось пойти на уступки и предста-

вить в Конгресс свой Билль о правах. Именно бдительность и настойчивость общества обеспечили защиту прав в момент основания американской республики.

Четвертое следствие из нашей теории состоит в том, что существует много входов в коридор, а в самом коридоре могут существовать различные типы обществ. Представьте себе все пути, которыми та или иная страна может войти в коридор. И в самом деле, создание условий для свободы – это многогранный процесс, включающий установление контроля над конфликтами и насилием, уничтожение клетки норм и обуздание силы и деспотизма государственных институтов. Вот почему свобода не возникает в тот же момент, когда то или иное общество входит в наш коридор, но постепенно эволюционирует со временем. Некоторые общества долго идут по коридору, не умея добиться полного контроля над насилием, другие достигают лишь частичного прогресса в ослаблении клетки норм, а для некоторых борьба с деспотизмом и принуждение государства откликаться на нужды граждан – постоянная, непрерывная работа. Исторические условия и коалиции, которые позволяют обществу войти в коридор, влияют и на отдельные компромиссы, которые достигаются уже внутри коридора, – и часто это влияние имеет значительные и долгие последствия.

Конституция США иллюстрирует и этот момент нашей теории. Билль о правах стал не единственной уступкой, которая оказалась необходима для ратификации Конституции. Вопрос о правах штатов стал лакмусовой бумажкой для элит Юга, желавших во что бы то ни стало сохранить институт рабства и свою собственность. Из-за этого основатели согласились на то, чтобы Билль о правах действовал только в федеральном законодательстве, но не был обязателен в законах отдельных штатов. Этот принцип породил множество злоупотреблений на уровне штатов, особенно против чернокожих американцев. Сама Конституция допустила серьезное нарушение свободы большей части населения, включив в себя положение о том, что при подсчете численности населения того или иного штата (а значит, и его представительства в Конгрессе) раб засчитывался лишь как три пятых свободного гражданина. Дискриминация не просто была вплетена в ткань Конституции; она практиковалась благодаря традиционным нормам, которые глубоко укоренились во многих частях страны. Способ, которым США вошли в коридор и продолжали двигаться по нему, подразумевал, что федеральное правительство не будет пытаться ослабить эти нормы и их институциональные основы на Юге. Поэтому жесткая дискриминация чернокожих американцев и доминирование над ними сохранялись еще долго даже после окончания Гражданской войны и отмены рабства в 1865 году.

Одним из многих проявлений вопиющих дискриминационных норм были так называемые закатные города (*sundown towns*), в которых чернокожие (а иногда также мексиканцы и евреи) не имели права появляться после захода солнца. Америка – страна автомобилей, в которой люди, выражаясь словами популярной песни, «ловят кайф от Трассы 66». Но не всем было доступно такое развлечение. В 1930 году в 44 из 89 округов, по которым проходило Шоссе 66, существовали закатные города. Что делать, если, допустим, вам захотелось поехать или в туалет, но все эти услуги в городе предназначены только для белых? Даже на автоматах по продаже кока-колы красовалась надпись «Только для белых». Ситуация была настолько плохой, что в 1936 году Виктор Грин, почтовый служащий-афроамериканец из Гарлема, счел необходимым выпустить «Зеленую книгу негритянского автомобилиста» (*Negro Motorist Green Book*) – путеводитель с подробными инструкциями для чернокожих водителей о том, где они имеют право находиться после захода солнца или сходить в туалет (последнее издание вышло в 1966 году). Таким образом, пример США показывает, насколько глубокими бывают последствия того, каким именно образом общество входит в коридор. В главе 10 мы увидим, что эти последствия определяют не только степень свободы, но и многие развилки на пути социального и политического развития.

Довольно неожиданное пятое следствие из нашей теории имеет отношение к эволюции дееспособности государства. На схеме 1 стрелка, идущая вдоль коридора, достигает более

высокой точки на шкале силы государства, чем левая стрелка, иллюстрирующая Деспотического Левиафана. Так происходит потому, что состязание между государством и обществом приводит к усилению государства. Этот постулат противоречит многим аргументам, часто встречающимся в социологии и в политических дебатах, особенно в том, что касается критически важной роли сильных лидеров: согласно этим аргументам, для увеличения дееспособности государства необходимы полный контроль над безопасностью государства и мощные вооруженные силы. Именно такое убеждение заставляет многих утверждать, что Китай может стать хорошей ролевой моделью для других развивающихся стран (и возможно, даже для развитых): в ситуации, где доминирование коммунистической партии никем не оспаривается, управляемое ей государство может достичь высокого уровня дееспособности. Но присмотревшись внимательнее, мы замечаем, что китайский Левиафан, каким бы деспотическим он ни был, обладает меньшей дееспособностью по сравнению с Обузданным Левиафаном США или Скандинавских стран. Так происходит потому, что в Китае нет сильного общества, что могло бы подталкивать государство, сотрудничать с ним или оспаривать его власть. Без этого баланса сил между государством и обществом эффект Красной королевы не наступает и Левиафан в конечном итоге окажется менее дееспособным.

Для того чтобы заметить ограниченные возможности китайского государства, достаточно взглянуть на его систему образования. Образование – приоритет для многих государств, и не только потому, что нации добиваются большего успеха с помощью образованной рабочей силы. Образование – это также эффективный способ для воспитания в гражданах «правильных» убеждений. Следовало бы ожидать, что обладающее значительной дееспособностью государство сможет предоставлять гражданам доступное, высококачественное и меритократическое образование, а также мобилизовывать своих общественных служащих ради достижения такой цели. Но реальность Китая совсем иная: в китайской системе образования продается буквально все, в том числе места на первых рядах у доски или должность старосты класса.

Когда Чжао Хуа пришла записывать свою дочь в пекинскую начальную школу, ее приняли чиновники из районного комитета образования, у которых уже был список семей с указанием суммы, которую должна заплатить каждая семья. Характерно, что встреча проходила не в школе, а в банке, где Чжао пришлось сразу разместить депозит в 4800 долларов, чтобы ее дочь была записана в школу. Официально школьное образование в КНР бесплатное, поэтому эти «взносы» незаконны, и правительство запрещало их уже пять раз начиная с 2005 года (что само по себе уже о многом говорит). В другой элитной пекинской школе ученики получают дополнительный балл за каждые 4800 долларов, которые их родители пожертвуют школе.

Если же вы захотите отдать своего ребенка в очень престижную школу, например в школу при Китайском народном университете в Пекине, то взятка может достигать 130 000 долларов. Учителя также ожидают от родителей подарков – много подарков. Китайские средства массовой информации сообщают о том, что многим учителям в наше время дарят дизайнерские часы, дорогие сорта чая, подарочные карты и даже туристические путевки. Другие, более практичные учителя предпочитают кредитные карты, привязанные к банковскому счету, который постоянно пополняется родителями. В интервью газете *The New York Times* одна бизнесвумен из Пекина объясняет:

Если вы покупаетесь на хороший подарок, а другие родители окажутся более щедрыми, то, скорее всего, учителя будут уделять вашему ребенку меньше внимания.

Как же общественные служащие могут быть настолько корыстными? Разве Китай не родина первой в мире меритократической бюрократии? И да и нет. Как мы увидим в главе 7, Китай имеет долгую и сложную историю эффективной бюрократической системы, но также и

в равной степени долгую историю всепроникающей коррупции, при которой должности достаются не самым достойным, а тем, у кого есть политические связи или кто больше заплатит.

Эта история продолжается и в настоящее время. Опрос, проведенный в 2015 году среди 3671 функционера Коммунистической партии, показал, что две трети из них считают наиболее важным критерием при получении государственной должности «политическую лояльность», а не личные достоинства или заслуги. Окружив себя «верными людьми», можно смело унижать бизнесменов и граждан. Послушного подчиненного можно получить и в результате продажи должностей. Политолог Миньсинь Пэй проанализировал 50 судебных процессов по делам о коррупции в среде партийных функционеров, проведенных в 2001–2013 годах. В среднем каждый из обвиняемых продал за деньги 41 должность. На нижнем уровне находились уездные руководители, такие как Чжан Гуйи и Сюй Шэсинь из уезда Уху провинции Аньхой. Чжан продал 11 должностей по средней цене в 12 000 юаней (сегодня примерно 1700 долларов) каждая. Сюй продал 58 должностей по средней цене в 2000 долларов. Но на более высоком уровне, например в префектурах, должности стоили гораздо больше, и некоторые чиновники получали за каждую более 60 000 долларов. В выборке Пэй средний коррумпированный чиновник заработал примерно 170 000 долларов на продаже должностей.

Но люди вроде Чжана и Сюя – лишь мелкая рыбешка. Когда в 2011 году был арестован министр железных дорог Лю Чжицзюнь, в обвинении фигурировали 350 записанных на его имя квартир и более 100 миллионов долларов наличными. Во многом такой размах объясняется тем, что система высокоскоростных поездов Китая предоставила беспрецедентную возможность для коррупции. Но такие возможности предоставляют и другие сферы растущей китайской экономики. В 2012 году 160 из 1000 богатейших человек Китая были участниками съезда Коммунистической партии. Их общее состояние оценивалось в 221 миллиард долларов, что в двадцать раз больше общего состояния 660 высших государственных служащих во всех трех ветвях власти США – страны, среднедушевой доход в которой в семь раз превышает показатель Китая. И все это не так уж удивительно. Контроль над коррупцией, будь то в государственном аппарате или в системе образования, требует сотрудничества со стороны общества. Государству необходимо доверять людям, которые могут рассказать ему правду, а людям необходимо доверять государственным институтам до такой степени, чтобы рисковать, делясь с государством информацией. Но этого не происходит под суровым взглядом Деспотического Левиафана.

Можно подумать, что проблема в данном случае – это в основном проблема коррупции. Может быть, в Китае просто терпимо относятся к коррупции, несмотря на высокую дееспособность государства? Но такому выводу противоречит не только тот факт, что китайское государство постоянно ведет упорную (и лишь отчасти успешную) борьбу с коррупцией, но и то, что, помимо искоренения коррупции, китайскому Левиафану нелегко даются и другие государственные функции. Говоря о Ливане, мы уже упоминали о том, что, по всей видимости, одна из главных целей уважающего себя государства – сделать общество «читаемым». Это же верно в отношении читаемости экономики. И в самом деле, принимая во внимание тот факт, что коммунистическая партия использует экономический рост как главный аргумент в пользу собственного доминирующего положения, было бы вполне логично сделать вывод о том, что оценки и анализ экономической активности должны быть в числе основных приоритетов партии. Но читаемость, как и контроль над коррупцией, требует сотрудничества со стороны общества. А когда последнее воздерживается от такого сотрудничества, возникают проблемы; не захочет ли бизнес искать убежище в неформальном, незарегистрированном секторе? Не станут ли граждане скрывать информацию о себе от государства, которому они не доверяют? Не станут ли чиновники манипулировать данными, чтобы выслужиться? Ответ на все эти три вопроса – да, особенно в Китае. Вот почему никто в Китае не верит в национальную статистику доходов, и даже бывший премьер Ли Кэцян в 2007 году описывал показатели ВВП страны как

«искусственные и ненадежные». Ли предлагал игнорировать официальную статистику и ориентироваться на потребление электроэнергии, объем грузоперевозок и банковского кредитования как на более надежные показатели состояния экономики. Вот что нужно знать о способности китайского государства «прочитать» собственную экономику.

Обуздание Левиафана: доверяй, но проверяй

Из описанного нами образа Обузданного Левиафана складывается впечатление, что это то самое государство, о котором мы все мечтаем и которому можно доверять. Но для того чтобы оно на самом деле было Обузданным Левиафаном, такое доверие должно иметь свои границы. В конце концов, любой Левиафан, обузданный или нет, двулик, как Янус, и деспотизм заложен в его ДНК.

Это означает, что сосуществование с Левиафаном – тяжелый труд для общества, отчасти потому, что он обладает естественной тенденцией увеличивать свою мощь со временем. Сам по себе Левиафан не является актором; говоря о Левиафане, мы, как правило, имеем в виду политические элиты – правителей, политиков или других управленцев, а иногда экономические элиты, пользующиеся непропорционально большим влиянием на государство. Большинство этих элит (а также многие из тех, кто работает в правительственных учреждениях) заинтересованы в увеличении силы Левиафана. Подумайте о бюрократах, которые безудержно работают, предоставляя вам общественные услуги или регулируя экономическую деятельность таким образом, чтобы вы не попали в зависимость от монополий или не стали жертвой хищнического кредитования. Почему бы им не пожелать для себя больше силы и власти? Подумайте о политиках, направляющих Левиафана. Почему бы им не пожелать, чтобы их собственное морское чудовище не стало еще более дееспособным и доминирующим? Кроме того, чем более сложной становится наша общественная жизнь, тем больше мы нуждаемся в средствах разрешения конфликтов, в регулировании, общественных услугах и защите своих свобод. И да, чем сильнее становится Левиафан, тем труднее его контролировать. Это эффект Красной королевы в действии.

Но эффект этим не ограничивается. Как мы видели, сотрудничество с мощным обществом может значительно увеличить способность государства. Как только Левиафан обуздан, общество может ослабить поводок и позволить государству расширить сферу влияния, чтобы более эффективно предоставлять гражданам то, чего они хотят и в чем испытывают потребность. Это стратегия «доверяй, но проверяй»: доверяй государству и позволяй ему становиться сильнее, но в то же время и усиливай свой контроль над ним. Когда она работает – как это до некоторой степени происходит в США и Западной Европе, – то в результате наблюдается процесс одновременного усиления государства и общества и их уравновешенного расширения таким образом, что ни одно не доминирует над другим. Когда такой хрупкий баланс работает, Обузданный Левиафан не только прекращает войну всех против всех, но и становится инструментом социально-политического развития общества, привлечения общественности к решению насущных вопросов, построения способных институтов, слома клетки норм и экономического благосостояния. Но только если нам удастся держать его в узде. Только если мы успешно воспользуемся не слишком надежным и предсказуемым эффектом Красной королевы и удержим его под контролем. И это не так уж легко.

Прежде чем перейти к изучению Обузданного Левиафана, полезно будет понять, каким образом и почему возникают государства, как они решают конфликты в обществе и как изменяют экономические условия Отсутствующего Левиафана. Следующая глава посвящена именно этой отправной точке.

Глава 3. Воля к власти

Возвышение пророка

Мухаммед родился в Мекке примерно в 570 году н. э. в купеческой семье, рано потерял родителей и был взят на воспитание дядей. Мекка в то время представляла собой довольно оживленный торговый город, который, по всей видимости, был обязан своей популярностью Каабе – кубической постройке из гранитных блоков, которая изначально была святилищем языческих богов, а позже стала главной святыней ислама. В определенное время года совершалось паломничество в Мекку, что одновременно открывало великолепные возможности для торговли. Со временем мекканские купцы распространили свои связи по всему Аравийскому полуострову и дальше – до Дамаска и других городов Византийской и Персидской империй.

Однако мекканцы, как и жители соседнего города Медина (450 км к северу от Мекки; см. карту 4), по происхождению были кочевниками пустыни, лишь недавно перешедшими к оседлому образу жизни. Это общество не знало государства и централизованной власти, и, как и у многих других безгосударственных обществ, в основе его лежала родовая, клановая система. Мухаммед происходил из клана Хашим, принадлежавшего к племени курайшитов.

Карта 4. Аравийский полуостров: истоки ислама и саудовского государства; исторический город Урук

Приспособиться к новой жизни в городе Каабы кочевникам было нелегко. Традиционная жизнь в пустыне была основана на том, что кланы кочевали, перегоняя свои стада верблюдов и коз на сотни миль в безлюдной пустыне. Между кланами периодически возникали споры из-

за источников воды или пастбищных земель, а на их фоне – бесчисленное количество повседневных конфликтов. Но обычно все эти споры разрешались на основе норм и традиций кочевых племен, а когда это не срабатывало – особенно во время конфликтов между разными племенами или кланами, – то одна из групп могла просто откочевать в сторону и занять любой другой участок практически незаселенной местности. Когда же конфликт не удавалось уладить и этим способом, оставалось прибегнуть к кровной мести и возмездию по принципу «око за око» (в некоторых случаях цена за «око», то есть за выбитый глаз, достигала сотни верблюдов).

В городе Каабы жизнь была устроена сложнее, и не только из-за более частых и разнообразных конфликтов, неизбежно возникавших в результате того, что в городе жили рядом представители разных кланов. Новые экономические возможности, появившиеся в результате паломничества и последовавшего за ним расцвета торговли, пробудили в клановом обществе дух индивидуализма и привели к новым конфликтам – и именно в то время, когда клетка традиционных норм начала разрушаться, а прежние связи, которые поддерживали группы кочевников в пустыне, стали ослабевать. Таков был социальный контекст, в котором появился на свет будущий пророк ислама.

Примерно в возрасте сорока лет Мухаммеда начали посещать видения, которые он позже объяснил как откровения, исходящие от ангела Джибриля (Гавриила). Эти откровения, которые позже легли в основу Корана, священной книги мусульман, имели форму афоризмов, побуждавших людей признать новую монотеистическую религию, почитавшую Аллаха в качестве единого истинного бога. Причем речь шла не просто о новой религии, но также о новых общественных нормах – более совершенных, чем деление общества на кланы, подобные клану Хашим. Эти же нормы ставили под сомнение многие проявления новейшего индивидуализма, в том числе одержимость деньгами.

Мухаммед начал проповедовать эту новую религию и призывать окружающих присягнуть новому Богу. Первыми обращенными стали его жена Хадиджа, а также близкие родственники и друзья Мухаммеда. В 613 году он уже открыто проповедовал в городе, но это понравилось не всем. Другие торговые кланы возмущались, что Мухаммед критикует их обычаи и их веру; они подозревали, что на самом деле Мухаммед, возможно, стремится захватить политическую власть в Мекке, в которой в тот момент не существовало центрального правительства. Число сторонников Мухаммеда тоже постепенно росло, ситуация продолжала обостряться, и в 622 году Мухаммеду с группой последователей пришлось бежать в Медину¹⁶ – это была знаменитая *хиджра* («переселение»).

Эмиграция из Мекки объяснялась не только растущей враждебностью к Мухаммеду на родине, но и просьбой жителей Медины: они хотели, чтобы Мухаммед помог им решить их собственные проблемы. В Медине, как и в Мекке, в муках рождалось на свет новое оседлое общество. Но Медина, в отличие от Мекки, была не торговым городом, а высокопродуктивным аграрным оазисом. Различные участки этого оазиса принадлежали различным кланам двух племен – аус и хазрадж. Также в Медине проживали три еврейских клана. Кланов окружили свои территории защитными укреплениями и беспрестанно враждовали друг с другом. Противостояние достигло кульминации в битве при Буасе (617), после чего жизнь в оазисе стала напоминать описанную Гоббсом «войну всех против всех».

Некоторые жители Медины выдвинули идею, что Мухаммед – нейтральный чужак, освященный авторитетом своей новой религии, – смог бы стать арбитром в конфликтах и принести мир и порядок в город. В июне 622 года делегация из 75 мединцев прибыла в Мекку, чтобы сделать это предложение Мухаммеду; при этом они поклялись защищать его и новую религию.

¹⁶ Строго говоря, в то время город назывался Ясриб. Лишь позже он получил имя *Мадинах ан-Наби* («Город Пророка»). Сокращенное название Медина означает просто «город». – *Здесь и далее примеч. ред.*

Мухаммед согласился. Договор между ним и жителями Медины записан в так называемой Мединской конституции, в которой говорится:

Во всем, что между нами различного, следует обращаться к Богу и Мухаммеду.

В сущности, Мухаммеду предстояло принять на себя роль судьи в спорах между отдельными людьми и между кланами. Но как ему исполнять эту роль, если у него нет никакой власти, позволяющей приводить в исполнение законы и заставлять других исполнять его указания? Однако упоминание Бога в Мединской конституции совершенно ясно указывает, что Мухаммед действует не как частное лицо, а как пророк: частью его соглашения с жителями Медины было обязательство последних принять религию Мухаммеда и уверовать в откровение, о котором он учил. И в самом деле, Мединская конституция начинается следующими словами:

Во имя Бога милостивого, милосердного!

Этот документ написан пророком Мухаммедом для верующих из племени курейш города Ясриб и для тех, кто следует за ними, кто присоединился к ним и кто выступил вместе с ними в священный поход.

Эти слова намекали жителям Ясриба (Медины), что они, возможно, получают больше, чем просили. Мединская конституция не просто делала Мухаммеда судьей. Она фиксировала рождение общества нового типа – общества, основанного не на семейных или клановых связях, а на общей религии и зарождающейся централизованной власти, сосредоточенной в руках пророка. Это был конец безгосударственности.

Мухаммед поначалу не занимал никакой официальной должности в системе исполнительной власти, но, начав с этой скромной платформы, он стал быстро возвышаться. Об этом свидетельствуют приведенные выше слова о тех, «кто выступил в священный поход». Что же это за священный поход? В 623 году, через год после хиджры, Мухаммед и пришедшие с ним из Мекки сподвижники-*мухаджирь* («переселенцы») стали перехватывать мекканские торговые караваны. Подобные грабительские налеты не считались чем-то необычным у кочевников Аравии, но в данном случае они получили иное значение: теперь это были не просто межплеменные стычки, а рейды мусульман против неверных. В 624 году в этих рейдах стали принимать участие не только мухаджирь, но и *ансарь* («помощники») – перешедшие в ислам жители Ясриба. В марте того же года мухаджирь и ансарь разбили большой мекканский отряд в битве при Бадре.

Эта битва и последующее сражение при Ухде повысили авторитет Мухаммеда и укрепили его контроль над Мединой. Теперь у пророка было достаточно власти, чтобы изгнать из города кланы, которые отказывались присягнуть ему на верность (особенно еврейские), и он начал использовать свой религиозный авторитет для реформирования местного общества, изменив правила вступления в брак и получения наследства.

Пусть Мухаммед поначалу и обладал ограниченными полномочиями в разрешении споров, но он строил новое государство, которое традиционные кланы практически не контролировали. Со временем его власть росла – отчасти из-за того, что кочевники пустыни, прослышав об успехах Мухаммеда, приходили в Медину, чтобы принести ему присягу в верности. Другая причина заключалась в том, что «переселенцы» получали определенную долю добычи, захваченной при налетах на караваны.

Сам Мухаммед получал одну пятую этой добычи. Он также постановил, чтобы его сподвижники делали специальные пожертвования (по сути дела, платили налог) в пользу *уммы* («общины верующих в Бога»); кроме того, он обложил иудеев и христиан особым налогом «за защиту». О растущей мощи и богатстве уммы свидетельствует количество лошадей, которых Мухаммед мог выставить в очередном рейде. В битве при Бадре в 624 году у мусульман было всего два коня. В 630 же году они могли вывести в поле уже 10 000 лошадей.

В 628 году Мухаммед использовал свой растущий авторитет, чтобы организовать и возглавить большой караван мухаджиров и ансаров в Мекку – с официальной целью совершения паломничества. У жителей Мекки это вызвало понятное беспокойство, и они заставили паломников остановиться за пределами города и начать переговоры; было достигнуто соглашение о том, что на следующий год мусульмане снова придут в Мекку, а мекканцы на три дня покинут город, чтобы Мухаммед со своими последователями смог беспрепятственно совершить паломничество.

Пока шли переговоры, Мухаммед собрал своих сподвижников в тени большого дерева и предложил им принести ему присягу на верность до смерти. Эта клятва, получившая название «присяги довольства», стала очередным шагом в строительстве государства в Медине. Как и предполагал Гоббс, Левиафану требуются люди, готовые подчиниться его воле. Именно это сделали жители Медины, согласившись выполнить все, что прикажет Мухаммед. По-прежнему не обладая формальной законодательной или исполнительной властью, Мухаммед, по сути дела, стал правителем нового государства.

Огромный авторитет Мухаммеда подтвердили события 630 года – всего за два года до его смерти. Стремясь как можно больше расширить территорию своего государства и обратить в ислам как больше язычников, Мухаммед организовал военную экспедицию в город Табук на северо-западе Аравии и объявил участие в походе религиозным долгом всех мусульман Медины. Теперь он стал еще и главнокомандующим.

* * *

История о том, как Мухаммед строил новое исламское государство, иллюстрирует некоторые ключевые идеи данной книги. До появления пророка никаких государств на территории Аравии не существовало, там жили лишь племена. Даже в более урбанизированных районах, таких как Мекка или Медина, не было централизованной власти. Это создавало множество проблем, в том числе разгул насилия и отсутствие безопасности. На просторах аравийских пустынь места хватало всем кочевым племенам, но в тесном оазисе Медины или в Мекке – городе священной Каабы – кланам, перешедшим к оседлости, предстояло научиться жить рядом с чужаками. Единственным очевидным выходом было создание централизованной власти. Но как это сделать, не уступив контроль над всеми какому-то отдельному племени или клану?

И тут появляется Мухаммед со своими откровениями, полученными от ангела Гавриила, и мединцы усматривают в новом учении возможность для решения своих проблем. Они приглашают Мухаммеда к себе, чтобы он стал арбитром в разрешении конфликтов между кланами и племенами. Ему и в самом деле удается установить в городе мир, оказав огромную услугу всем обитателям Медины. Но на этом история не закончилась. Хотя Мухаммед и его «переселенцы» поначалу были меньшинством в Медине, численность и богатство мусульманской общины быстро росли, поскольку все больше людей обращались в ислам и делились с общиной частью своего состояния. Так в Аравии зародилась политическая иерархия. В 628 году, когда была принята «присяга довольства», авторитет Мухаммеда в Медине был уже непререкаем. Два года спустя он смог поднять весь оазис в поход на северный город Табук.

За восемь лет мединцы проделали огромный путь. Они согласились подчиниться централизованной власти ради разрешения общественных конфликтов, но при этом они вступили на скользкую тропу образования государства, с которой было уже не свернуть. Мухаммед активно занимался строительством этого государства; отчасти его цель заключалась в том, чтобы сосредоточить власть в своих руках и в руках своих сподвижников, но в процессе этого он не только изменил практики разрешения конфликтов, но и полностью перестроил все общество, его нормы и обычаи. Во всем этом он блестяще преуспел: менее чем за десятилетие Мухаммед

зложил основы будущего мощного исламского государства – гигантской империи, которая охватит весь Ближний Восток и положит начало новой впечатляющей цивилизации.

В чем твое преимущество?

Рождение ислама – пример процесса, который антропологи называют «формированием первичного государства» (*pristine state formation*): построение политической иерархии и того или иного типа централизованной власти на месте, где прежде не существовало ничего подобного. Мы видим на этом примере и критически важные факторы процесса, и сопряженные с ним трудности.

Самая главная трудность (мы уже обсуждали ее в предыдущей главе) заключается в том, что процесс построения государства – это тропа, проходящая по скользкому склону. Причина, по которой во многих догосударственных обществах так и не возникает централизованной власти, заключается именно в том, что в этих обществах уже имелись определенные нормы и практики, которые не только позволяли разрешать возникающие конфликты, но и препятствовали концентрации власти. Как только какому-либо человеку или какой-либо группе удастся сосредоточить в своих руках достаточно влияния для того, чтобы он или они смогли разрешать конфликты и защищать общество от основных угроз, то становится достаточно трудно удержать этого человека или группу от того, чтобы они захватили еще больше власти и начали регулировать поведение общества во всех сферах жизни. Именно это и произошло в Медине.

Жители Медины изначально предполагали, что им удастся построить систему, которая компенсирует некоторые недостатки безгосударственного существования, но при этом они смогут избежать полного подчинения авторитету государства или харизматического лидера. Но им это не удалось – точно так же как это не удалось и некоторым другим поначалу безгосударственным обществам, вступившим на скользкую тропу, не удержавшимся на склоне и свалившимся в объятия доминирующего Левиафана.

Так почему же традиционные нормы и другие средства контроля, разработанные в таких обществах, иногда не срабатывают и не сдерживают строителей государства? Для начала скажем, что существует явление, которое немецкий философ Фридрих Ницше называет «волей к власти»: всегда находятся определенные люди и группы, желающие увеличить свое влияние на других, даже если нормы и не одобряют этого. Именно поэтому даже в самых внешне гармоничных безгосударственных обществах рано или поздно появляются индивиды, которые хотят заполучить больше власти, больше богатства и больше контроля над другими. Но есть также идейные индивиды или группы, желающие получить больше власти, потому что они руководствуются теми или иными идеалами переустройства общества. Многие из таких «выскочек» терпят неудачу, не сумев противостоять существующим нормам и действиям конкурентов, но некоторые все же достигают успеха.

Потенциальные строители государства с большей вероятностью одержат победу и расширяют нормы, которые призваны их сдерживать, если у них будет какое-то преимущество – нечто особенное, что позволяет им легче преодолевать препятствия. Для Мухаммеда таким преимуществом стала религия. У него была собственная религиозная идеология, которая освятила его авторитет в качестве разрешителя конфликтов, а также позволила влиять на последователей, с помощью которых он строил новое общество. Раз появившись и оформившись, эта религиозная идеология стала драйвером неудержимого процесса всё большей концентрации власти.

Другое мощное преимущество – это организационные способности лидера, его умение создавать новые коалиции или более эффективные военные структуры (мы покажем это в следующем разделе на примере образования государства зулусов в Южной Африке). Еще одну возможность – технологическое преимущество – мы обсудим чуть позже в данной главе на примере гавайского короля Камеамеа, который строил свое государство с помощью огнестрельного оружия, доступа к которому не имели его соперники. Во всех этих случаях лидерам помогали

также личная харизма и другие источники легитимности – например, происхождение, примерное или даже героическое поведение в прошлом или же просто сила характера.

Последняя важная особенность, характерная для многих примеров формирования первичного государства (история Мухаммеда – один из таких примеров), – это реорганизация общества вслед за появлением политической иерархии. Как мы видели в предыдущей главе, общества без централизованной власти, как правило, организуются с помощью набора норм, регулирующих и контролирующих конфликты – а по сути дела, и все аспекты жизни. Как только запускается процесс образования государства, у строителей последнего появляется стимул уничтожить эти нормы или как минимум преобразовать их таким образом, чтобы они начали служить собственным интересам строителей. И это совершенно необязательно происходит потому, что строители хотят ослабить клетку норм и обеспечить свободу, – а лишь потому, что нормы ограничивают политическую иерархию и стоят на пути к еще большей концентрации власти. Мухаммеду важно было подавить систему кланов, преобладавших в Медине и Мекке, и ему это удалось, поскольку его религиозное учение поставило новую общину верующих выше родов или кланов. А для зулусского короля Чаки, как мы сейчас увидим, важно было прежде всего подорвать авторитет колдунов.

Рога буйвола

В своих воспоминаниях британский офицер Хорас Смит-Дорриен описывал события 22 января 1879 года следующим образом:

Примерно в 12 часов дня зулусы... снова показались в большом количестве и с огромной смелостью начали спускаться с холмов на равнину, так что наши пушки и ружья какое-то время были весьма заняты... Разглядеть, что именно происходит, было трудно, но стрельба была плотной. Стало очевидно, что зулусов очень много, потому что они расходились (то есть разворачивали свои «рога») по всей равнине к юго-востоку, явно намереваясь забраться в тыл нашего лагеря.

Смит-Дорриен служил в составе экспедиционного корпуса под командованием Фредерика Тесигера, лорда Челмсфорда. Корпус был направлен в так называемый Зулуленд (ныне часть провинции Квазулу-Наталь Южно-Африканской Республики, см. карту 5) – район, находившийся на переднем крае расширяющейся британской колониальной империи. В задачу Челмсфорда входило устранение независимого зулусского государства, которым на тот момент правил король Кетчвайо. Реакция короля на вторжение британцев была очень простой. Он приказал своим воинам:

Ступайте медленно, атакуйте на утренней заре и пожрите этих красных солдат.

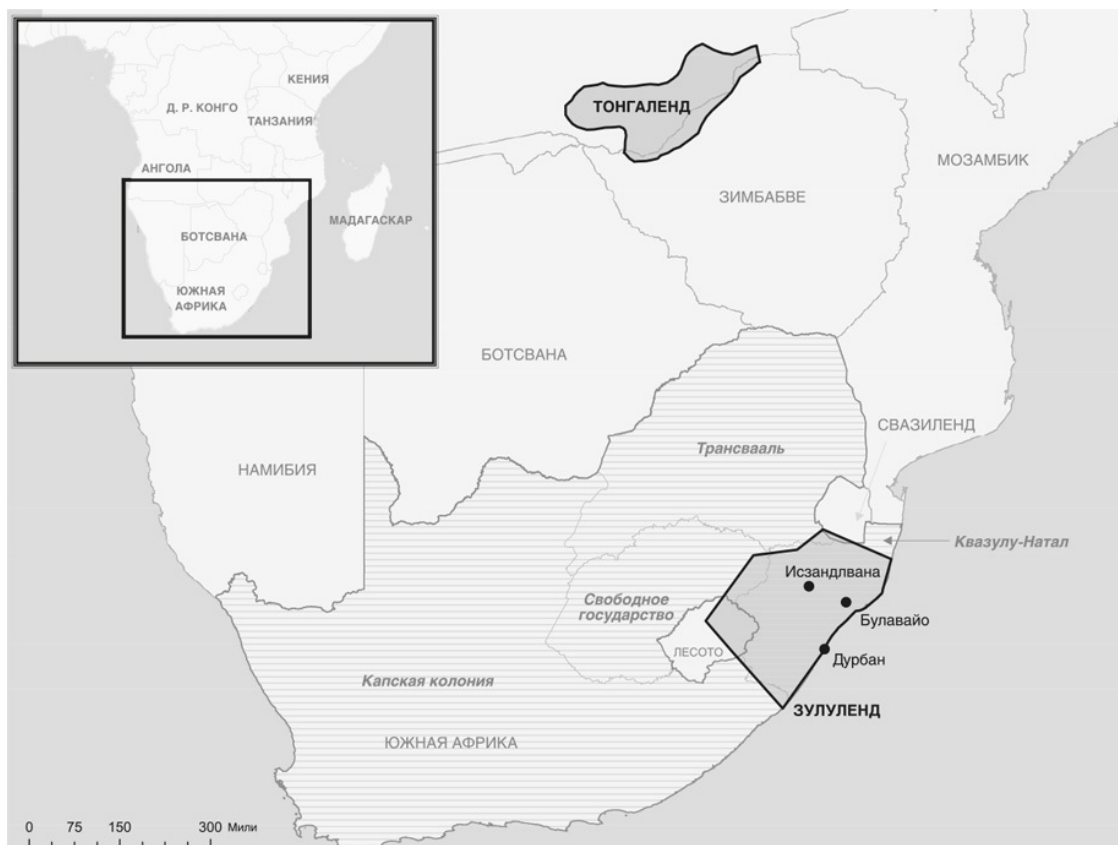
Так они и поступили 22 января. Челмсфорд допустил ошибку: он разделил свои силы, оставив примерно 1300 солдат (в основном из 24-го пехотного полка) и два артиллерийских орудия у подножия горы Изандлвана. Излишне самоуверенные и недостаточно подготовленные «красные мундиры» столкнулись с двадцатитысячной зулусской армией, обладавшей значительным боевым опытом: за предыдущие 60 лет зулусы подчинили себе обширные территории и создали в Южной Африке огромное государство. Оно было настолько мощным, что оказало долговременное влияние на огромный регион, на территории которого сегодня располагаются Ботсвана, Лесото, Мозамбик, Свазиленд, Замбия и Зимбабве (см. карту 5). Смит-Дорриен вспоминал:

Наступающие ряды зулусов... представляли собой изумительное зрелище, шеренга за шеренгой, слегка врассыпную, стреляющие на ходу, ибо у некоторых из них было огнестрельное оружие, сметающие все на своем пути. Огонь ракетной батареи¹⁷, располагавшейся, по всей видимости, всего лишь в миле от нашего фронта, вдруг прекратился, а потом мы увидели остатки отрядов Дернфорда, в основном конных басуто, скачущих галопом назад справа от нашей позиции. Не думаю, что нам удастся когда-нибудь узнать наверняка, что именно там произошло.

Местность была пересечена *донгами*¹⁸, там и был застигнут врасплох Рассел с его ракетной батареей, и никому из них не удалось выбраться, чтобы рассказать о случившемся. Позже я слышал, что Дернфорд, доблестный командир, на самом деле смог добраться до лагеря и пал там в бою.

¹⁷ Речь идет о так называемых ракетах Конгрива, находившихся на вооружении британской армии еще с начала XIX века.

¹⁸ *Donga* (африкаанс) – пересохшее извилистое русло, наполняющееся водой только при сильном дожде.

Карта 5. Южная Африка: земли зулусов и тонга; четыре южноафриканские колонии

К концу дня британские войска были полностью разгромлены. Смит-Дорриену удалось остаться в живых только благодаря темно-синей офицерской форме: зулусским воинам приказали пощадить людей в темной одежде, поскольку так, дескать, одеты только гражданские, а среди них, возможно, есть священники. Спаслись всего несколько человек, которые смогли рассказать о величайшем военном поражении, которое потерпели британцы за все время колонизации Африки.

* * *

Наблюдая – возможно, довольно хладнокровно – за наступлением зулусской армии, Смит-Дориен обратил внимание на одну из важнейших тактических инноваций, которые помогли зулусам упрочить свое государство. Речь идет о «рогах буйвола» – придуманном основателем государства Чакой тактическом построении, при котором войско разделялось на четыре части: «грудь буйвола» в центре, «туловище» за ней и два фланга-«рога» по обеим сторонам, окружавшие врага. Смит-Дорриен отметил и другое нововведение Чаки – дисциплинированные полки, составленные на основе традиционных ритуальных объединений, вооруженные укороченными копьями *иклва* для рукопашного боя, пришедшими на смену длинным метательным копьям-*ассегаям*.

Злодей, не ведающий закона

Чака родился примерно в 1787 году и был незаконным сыном тогдашнего вождя зулусов. В то время зулусы представляли собой небольшое племя, одно из многих подобных племен, обитавших в *вельде* – на засушливых равнинах Южной Африки. Мать Чаки, отвергнутая обществом из-за незаконнорожденного ребенка, нашла прибежище в соседнем племени мтетва. В 1800 году у мтетва появился новый вождь по имени Дингисвайо. Предвосхитив некоторые будущие реформы Чаки, Дингисвайо предпринял ряд успешных завоеваний, расширивших его владения. Всего он подчинил себе около тридцати племенных групп в округе, включая и зулусов.

Молодой Чака, призванный в армию мтетва, стал одним из лучших ее воинов и вскоре прославился отвагой и полным отсутствием моральных норм. Дингисвайо обычно старался относиться к побежденным врагам милостиво; но Чака, как правило, выступал за то, чтобы перебить пленных всех до одного, за что и получил прозвище «злодей, не ведающий закона». Он постепенно делал карьеру в войске, пока, наконец, не возглавил его. В 1816 году отец Чаки умер, и Дингисвайо помог своему полководцу стать новым зулусским вождем.

Чака тут же приступил к реорганизации племени зулусов, а также других племен, которые он покорил, и построению новой социальной системы. Для начала он собрал всех взрослых мужчин и разделил их на четыре полка, из которых сформировал свои первые «грудь» и «туловище» буйвола, а также фланги. На тот момент численность этого войска составляла всего лишь примерно 400 человек. Чака обучил их пользоваться новыми короткими копьями *иклва*, которые он разработал вместе со своими кузнецами, и боевыми щитами нового типа. Также он велел воинам выбросить свои сандалии и ходить исключительно босиком, что позволяло им передвигаться быстрее.

Подготовив свои первые серьезные военные силы, Чака приступил к завоеванию окружающих земель. Начал он с покорения племени элангени, которое предпочло быстро сдаться и подчиниться власти Чаки. Потом пришел черед бутелези, которые осмелились сопротивляться и потому были перебиты. Всего за год армия Чаки выросла до 2000 воинов. В следующем году был убит Дингисвайо, и Чака объявил себя вождем мтетва. Благодаря своей беспощадной тактике он покорял одно племя за другим, включая их в состав своего растущего государства. Согласно одному из сказаний устной истории зулусов,

бутелези, амакунгебе, имбуене, амакуну, маджола, ксулу, сикакане – все эти племена жили очень близко... Чака напал на них и перебил эти племена; он подкрадывался к ним ночью. А племена, которые жили дальше, – это амамбата, гаса, кумало, хлуби, квабе, дубе, лангени, тембу, зунгу, макоба.

Термин «перебил» (*killed off*) в разных контекстах имел различное значение. В некоторых ситуациях, как, например, в случае с бутелези, Чака, похоже, в буквальном смысле истребил все племя целиком. Но в других случаях покоренные племена просто включались в расширяющееся государство зулусов. Другие племена старались сохранить некоторую дистанцию, но все же предпочли объявить себя данниками зулусов и платили Чаке дань в виде скота и молодых женщин. К 1819 году Чака расширил территорию зулусов, первоначально занимавшую около 260 км², до 30 000 км², а его армия теперь насчитывала 20 000 человек.

Свою столицу Чака устроил в краале¹⁹ Булавайо (он показан на карте 5), и первое ее описание глазами очевидца относится к 1824 году, когда Булавайо посетила группа английских торговцев из Порт-Натала (ныне Дурбан). Генри Флинн, один из гостей, рассказывает:

¹⁹ Традиционное поселение скотоводов Южной Африки, имеющее форму кольца из жилых хижин и хозяйственных

При входе в огромный крааль для скота мы увидели около 80 000 туземцев в военном облачении... Затем Чака поднял посох в руке и ударил им вправо и влево, высоко подпрыгивая среди других вождей, после чего вся человеческая масса пришла в движение. Воины разделилась на полки, и часть их побежала к реке и окружающим холмам, а остальные, образовав круг, начали танцевать вокруг Чаки в центре. Это было потрясающее зрелище, удивительное для нас, ведь мы не могли поверить, что так называемые дикари могут быть настолько хорошо дисциплинированы. Затем в центр арены вошли отряды девушек во главе с командирами того же пола, численностью от 8 до 10 тысяч каждый, и все они держали по небольшому посоху в руке. Девушки присоединились к танцу, продолжавшемуся около двух часов.

Чака также начал процесс реформирования существующих норм. Вместо традиционной системы родов и кланов государство Чаки базировалось на двух новых принципах.

Во-первых, на возрастных группах. Во многих частях Африки, как и во многих других регионах мира, юноши и девушки в какой-то момент проходят обряд инициации – посвящения в сокровенное знание, доступное только взрослым членам общины. Ритуалы инициации часто включают в себя обрезание или нанесение обрядовых шрамов, а также долгое пребывание в изоляции, в безлюдной, дикой местности и другие испытания. В некоторых африканских обществах, особенно в Восточной Африке, инициация стала настолько важным институтом, что юноши (а иногда даже девушки), проходившие инициацию одновременно, включаются в одну возрастную группу (*age set*), к которой и будут принадлежать всю свою жизнь.

В некоторых частях Восточной Африки целые народы организованы не вокруг рода, клана или в рамках государства, а на последовательности этих возрастных групп. По мере того как члены такой группы взрослеют и стареют, они выполняют различные социальные функции. Юноши, например, становятся молодыми воинами, занятыми охраной людей или скота. Затем, став взрослыми мужчинами (а тем временем подросла уже следующая когорта мальчиков), они обзаводятся семьей и погружаются в хозяйственную деятельность, например занимаются земледелием.

Подобные возрастные группы имелись и у зулусов, и у других родственных им народностей Южной Африки, пусть даже в довольно рудиментарной форме. Чака милитаризировал их, превратив в отряды сверстников; каждый такой отряд жил в отдельной казарме в вельде, и в его состав включались также юноши из завоеванных племен. Эти отряды были способом разорвать прежние семейные связи и включить людей в новое государство.

Роль возрастных групп в создании новой зулусской идентичности однажды разъяснил сам Чака на ежегодном празднике урожая *Умкоси*. Во время праздника любой мог задать вопрос вождю, и один дерзкий воин спросил Чаку: «Почему головы чужаков возвышаются над головами зулусов?» Говорят, что Чака ответил: «Любой, кто вступает в армию зулусов, становится зулусом. После этого он добивается повышения благодаря собственным заслугам, независимо от того, по какой дороге он пришел».

Другим важным принципом построения нового государства стал географический принцип. Чака разделил завоеванную территорию на округа и либо оставил прежних вождей на своих местах, ясно дав им понять, что отныне они служат лично ему, либо назначил правителями верных ему воинов.

При этом Чака сосредоточил многие функции в своих собственных руках. Ранее праздник *Умкоси* проводили вожди разных племен. Теперь же всеми церемониями руководил Чака.

Он также создал централизованный суд, и хотя многие местные споры и конфликты разрешали вожди, окончательный вердикт оставался за Чакой, вершившим суд у себя в Булавайо.

Основным инструментом, с помощью которого Чака управлял этой системой, была дань и ее распределение между соратниками вождя. Завоевая или подчиняя себе окрестные народы, Чака под угрозой насилия требовал от них огромную контрибуцию в виде скота или женщин. Затем он распределял скот между своими воинами в соответствии с заслугами каждого отряда, а из женщин составлял отдельные отряды, причем мужчинам было запрещено жениться на этих женщинах и даже вступать с ними в связь, пока вождь не разрешит этого.

Конечно, такое государство нельзя назвать «бюрократическим» в современном смысле. Хотя у Чаки и были советники, его государство управлялось армией и вождями, которых он назначал, причем в отсутствие письменности все законы и правила были устными. Но в любом случае процесс строительства государства неизбежно должен был уничтожить ту часть традиционных норм, которая сдерживала развитие политической иерархии и ограничивала власть Чаки. Стержнем этих норм (как и у описанного в главе 2 народа тив) был комплекс магических верований, которые часто использовались для того, чтобы поставить на место не в меру возгордившегося индивида.

Вскоре после того, как Чака стал вождем зулусов, произошло одно широко известное в истории зулусов событие, после которого вождю пришлось разбираться с неблагоприятными предзнаменованиями. Однажды над краалем клана пролетела цапля молотоголов; затем в крааль забрел дикобраз; наконец, на ограду уселся ворон и заговорил человеческим голосом. Чтобы истолковать эти знаки, была приглашена группа знахарок во главе с некоей Нобелой, умевшей распознавать ведьм, стегая их хвостом антилопы гну, который знахарки принесли с собой. Как видим, орудие Нобелы не слишком отличается от мухобойки тив, но параллели с тив на этом не заканчиваются.

Зулусов выстроили в ряд, а Нобела с помощниками принялась «вынюхивать» колдунов, которые навлекли на крааль дурные знамения. Сначала знахарки стали выхватывать из толпы самых зажиточных. Один разбогател благодаря своей бережливости. Другой удобрял свою землю навозом и в результате получил гораздо больший урожай, чем его соседи. Еще один был отличным скотоводом, который скрупулезно отбирал лучших быков, тщательно ухаживал за скотом и значительно увеличил свое стадо.

Но разоблачить зажиточных показалось недостаточным. Теперь Нобела взялась за политически активных. Для начала она «вынюхала» двух доверенных оруженосцев Чаки – Мдлаку и Мгобози. Предвидя подобное, Чака приказал обоим воинам встать рядом с ним и обещал неприкосновенность, если их вдруг обвинят в колдовстве. Согласно свидетельствам очевидцев,

издав зловещий клекот, похожий на демонический хохот гиены, все пятеро знахарок одновременно подпрыгнули. С молниеносной скоростью Нобела хлестала хвостом гну направо и налево и выпрыгивала над плечами Мдлаки и Мгобози, а ее помощницы тоже били мужчин, стоящих перед ними, и высоко подпрыгивали.

Но Чака не намерен был мириться с этим. В конце концов, он обладал верховной властью в Зулуленде и был твердо намерен еще больше упрочить эту власть; следующим, вполне возможно, могли бы «вынюхать» его самого. Чака объявил, что Мдлака и Мгобози неприкосновенны, и в свою очередь обвинил Нобелу в клевете; в качестве компенсации за это преступление надлежало убить двух знахарок из ее команды. Чака велел им бросить жребий, чтобы выбрать, кто умрет. Но знахарки пришли в панику и взмолились о пощаде. Чака согласился, но при одном условии: «Не лгите мне больше, ибо в тот день, когда вы солжете, вы ни у кого не найдете защиты». С этого момента любое «вынюхивание» должен был санкционировать сам Чака, который таким образом лишил колдунов и знахарей всякой власти. Кроме того, была

запрещена деятельность заклинателей дождя. Все это было частью процесса государственного строительства. Любую часть клетки норм, стоявшую на пути вождя, следовало снести.

Долговечность институций, построенных Чакой, лучше всего иллюстрирует сегодняшняя численность зулусов. В 1816 году это был единственный клан, предположительно насчитывавший около 2000 человек. Сегодня же в ЮАР (стране с населением 57 миллионов) живут от 10 до 11 миллионов человек, называющих себя зулусами, а в провинции Квазулу-Натал они составляют большинство. Изначально зулусы считали себя потомками одного-единственного человека, но теперь это многомиллионная общность людей, генетически совершенно не связанных с прародителем Зулу.

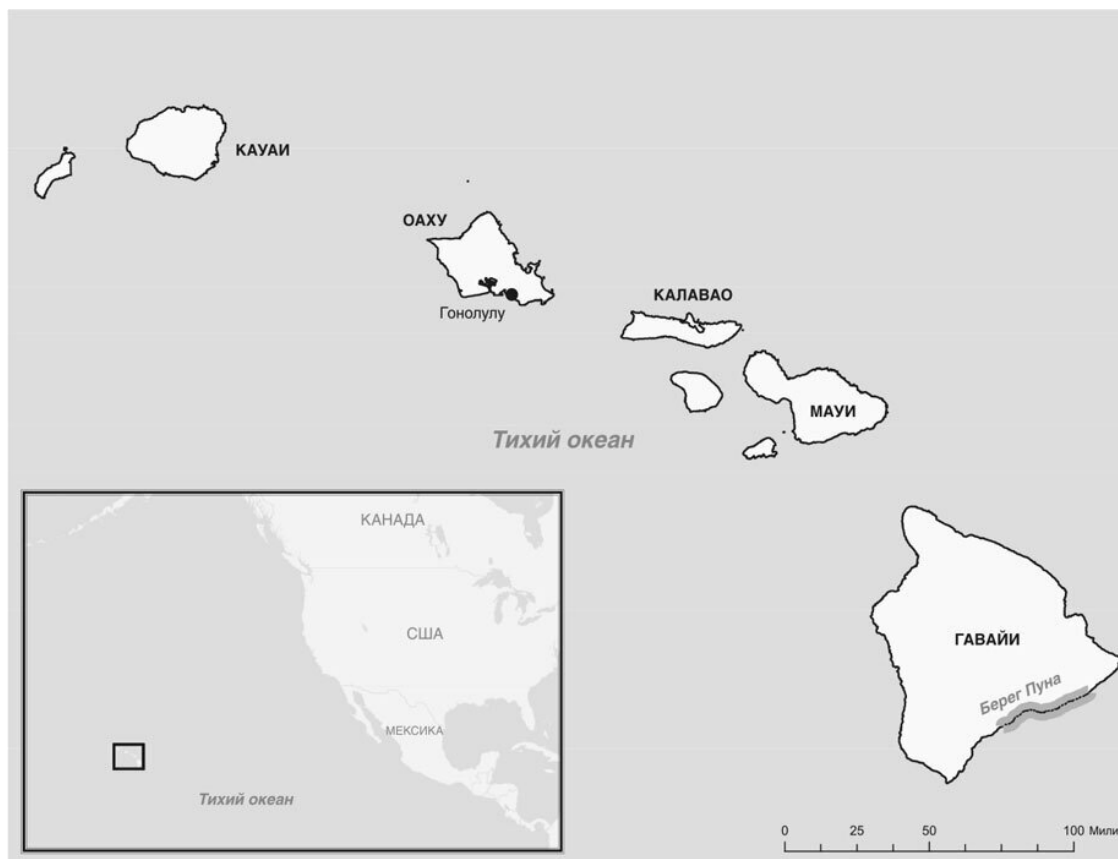
Оружие с красной пастью

В течение нескольких тысяч лет выходцы из Азии расселялись по широко разбросанным островам Полинезии. Одним из последних был колонизирован Гавайский архипелаг – примерно в 800 году н. э. Изначально у обитателей полинезийских островов были общие культура, религия, язык и социально-экономические институты, но со временем, по мере того как появлялись и усваивались различные инновации, эти народы расходились все дальше. Предковое полинезийское общество, каким его сегодня реконструируют археологи и специалисты в области исторической этнографии, не слишком отличалось от тех построенных на родовых связях сообществ, какие мы наблюдали в Зулуленде до Чаки; это были немногочисленные клановые вожества, и, как обычно, у них имелся набор традиционных норм, предназначенных для разрешения конфликтов и ограничения амбиций тех, кто демонстрировал излишнюю волю к власти.

* * *

К январю 1778 года, когда на Гавайские острова случайно наткнулся первый чужеземец, капитан Джеймс Кук, эта традиционная система уже трещала по швам. Острова в эту эпоху были поделены между тремя конкурирующими протогосударствами, уже вышедшими из стадии формирования первичного государства. Даже несмотря на то, что земля не рассматривалась как частная собственность и находилась в коллективном владении и пользовании кланов и родовых групп, вожди уже стали притязать на всю землю. Люди, которые выращивали основные пищевые культуры, такие как таро и саго, получали землю только из рук вождей в обмен на подати и барщину. Гавайский историк Дэвид Мало, один из первых коренных обитателей, получивших западное образование в начале XIX века, писал:

Состояние простолюдинов заключалось в том, что они были подчинены вождям, вынуждены выполнять тяжелую работу, а их угнетали и притесняли, иногда даже до смерти. Жизнь народа представляла собой сплошное мучение в попытках угодить вождям, чтобы заслужить их благорасположение... Но именно от простолюдинов вожди получали еду и одежду для мужчин и женщин, а также свои дома и многие другие вещи. Когда же вожди отправлялись на войну, то некоторые простолюдины также шли сражаться рядом с ними... Также всю работу на земле выполняли *макаайнана* [простые люди, основная масса общества]; но весь урожай, который они получали с земли, принадлежал вождям, и власть изгонять человека с земли и лишать его всего имущества оставалась за вождями.

Карта 6. Гавайские острова и берег Пуна

Три протогосударства Гавайского архипелага того времени располагались на островах Оаху, Мауи и самом острове Гавайи (Большом острове), где правил вождь Каланиопуу (см. карту 6). Первым островом, который посетил капитан Кук, был Кауаи, принадлежавший вождю Оаху. Позже в том же году оба корабля Кука, «Дискавери» и «Резолюшн», вернулись на Гавайи, чтобы исследовать острова более подробно и нанести их на карту. Кук высадился на Мауи, а затем капитан отправился на Большой остров, где его встретил вождь Каланиопуу, который со своим племянником Камеамеа поднялся на палубу одного из английских кораблей, где оба впервые увидели нечто совершенно поразительное – огнестрельное оружие. На вкладке помещена гравюра художника Джона Уэббера, участника экспедиции Кука, изображающая прибытие Каланиопуу в сопровождении его боевых лодок. Эти же лодки присутствовали в бухте 14 февраля 1779 году, когда капитан Кук, возглавивший небольшую вылазку на берег с целью разыскать шлюпку, украденную накануне вечером с флагманского корабля, был убит туземцами.

После отплытия «Дискавери» и «Резолюшн», команды которых продолжали оплакивать капитана Кука, стареющий Каланиопуу решил передать свое королевство одному из сыновей, но при этом назначил своего племянника Камеамеа жрецом бога войны, что считалось великой честью.

Двое молодых людей вскоре поссорились. В битве, состоявшейся в 1782 году, победил Камеамеа. В ходе последовавшей войны за наследство один из братьев Каланиопуу провозгласил независимое государство в восточной части острова Гавайи, в то время как еще один из сыновей покойного вождя объявил о независимости южной части. Таким образом, борьбу за контроль над Большим островом вели теперь три стороны.

Исход борьбы решило преимущество, которое неожиданно получил Камеамеа. Увидев в действии огнестрельное оружие, и Камеамеа, и все другие гавайские вожди теперь мечтали

заполучить его. Но одно дело – купить или выменять ружье, а совсем другое – научиться пользоваться им. Помощь Камеамеа явилась в лице Айзека Дэвиса, матроса со шхуны «Фэйр Американ», пришедшей на Гавайи в начале 1790 года. Шхуна встала на якорь у западного берега Большого острова и была захвачена местным вождем Камеэламоку, который поклялся отомстить за обиду, причиненную ему капитаном другого американского корабля²⁰. В нападении выжил только Дэвис, и Камеамеа взял его под свою защиту. К этому моменту в плену у островитян уже был еще один моряк – боцман «Элеоноры», англичанин по имени Джон Янг.

Дэвису и Янгу устроили поистине королевский прием, и они стали доверенными советниками Камеамеа. А главное – они знали, как обслуживать пушки захваченной шхуны и как стрелять из них. Камеамеа получил свое преимущество.

Теперь, когда пушками и ружьями короля распоряжались Дэвис и Янг, Камеамеа вторгся на остров Мауи и успешно отбил несколько нападений на остров Гавайи, тем самым убедительно показав неоспоримое превосходство «оружия с красной пастью», как местные жители в благоговейном страхе называли невиданные устройства. Камеамеа быстро установил единоличный контроль над островом Гавайи. Затем он несколько лет потратил на упрочение своей власти и развитие институтов своего нового государства. В 1795 году он, захватив с собой Дэвиса и Янга, во главе большого военного флота отправился покорять Мауи, а затем и Оаху.

Самый западный остров архипелага, поначалу устоявший перед вторжением благодаря штормовой погоде и эпидемии в войсках Камеамеа, все-таки сдался в 1810 году, и это было первое в истории политическое объединение всего Гавайского архипелага. Камеамеа продолжил внедрять новые политические институты для управления своим государством, раскинувшимся на удаленных друг от друга островах. На каждый остров был назначен губернатор, а губернатором Большого острова стал Джон Янг.

²⁰ Этим другим кораблем была американская шхуна «Элеонора» под командой Саймона Меткалфа, подошедшая к Большому острову несколькими днями раньше. Капитан Меткалф приказал выпороть вождя Камеэламоку за недостаточно уважительное поведение, а потом обстрелял из пушек гавайские лодки, убив и ранив несколько сот человек. Затем «Элеонора» покинула Гавайи, а Камеэламоку поклялся отомстить следующему кораблю, которым и оказался «Фейр Американ» под командой сына Саймона Меткалфа, восемнадцатилетнего Томаса.

Нарушение табу

Мухаммеду и Чаке пришлось разрушить часть традиционных норм своих обществ, поскольку многие из этих норм ограничивали процесс развития и расширения политической власти. Мухаммед, например, боролся с клановой системой, а Чака корректировал эти отношения и заодно веру в колдовство таким образом, чтобы ослабить конкурирующие источники притязаний на власть. Королю Камеамеа и его последователям тоже пришлось решать сходные задачи и разрушать традиционные нормы, которые им мешали.

Центральным понятием в полинезийских социальных нормах является *тапу*, или табу (как передал это слово капитан Кук, впервые описавший явление); на гавайском языке оно произносится *капу*. Этнограф Эдвард Хэнди, первый выдающийся современный знаток Гавайских островов, писал:

В своем фундаментальном значении слово «тапу» («капу») используется преимущественно как прилагательное и означает нечто физически опасное, а потому запрещенное, нечто, чего следует избегать, поскольку данная вещь либо а) имеет божественное происхождение, а значит, этим самым уже требует изоляции от всего профанного и порочного; либо б) порочна, а потому представляет опасность как для обыденного, так и для божественного, и, следовательно, должна быть удалена и от того, и от другого.

По существу *тапу* означает запрет или ограничение. Различные тапу были широко распространены в полинезийском обществе, где играли важную роль, поскольку предполагалось, что они защищают *ману* – это проявление сверхъестественной силы в человеческом мире. Хэнди пишет:

Мана проявлялась в людях, в их влиянии, силе, престиже, репутации, в навыках человека, в динамизме его характера, в его уме; но также в различных вещах, в эффективности чего-либо, в «везении», то есть в целом в различных достижениях.

Но каким именно образом можно защитить и сохранить ману? Среди многих запретов особенно примечательны пищевые табу, которые, в частности, предписывали раздельную трапезу для мужчин и женщин; даже еду следовало готовить на разных очагах, а некоторые виды пищи были запрещены для женщин (такие как свинина, некоторые виды рыбы и бананы). Существовали также запреты на определенную одежду и многие другие детали быта. Особенно известны «табу простирания ниц», которые требовали, чтобы простолюдин при появлении вождя немедленно обнажал верхнюю часть тела и падал ниц на землю. Гавайский историк XIX века Кепелино писал:

Что касается тапу простирания ниц перед вождем, то, когда вождь желал пройти куда-то, перед ним шел глашатай, восклицающий: «Тапу! Ложитесь!» И тогда все простирались ниц на пути вождя и вождей-тапу, которые следовали за ним, все облаченные в великолепные плащи из перьев и шлемы.

Особенности клетки норм, которые мы описывали до сих пор, позволяют сделать вывод, что господствовавшие в полинезийском обществе нормы необязательно трактовали всех членов общества как равных, поскольку эти нормы отчасти были определены уже сложившимися отношениями власти. Считалось, что у вождей гораздо больше маны, чем у простолюдинов, поэтому последние обязаны простираться ниц перед первыми. Вожди не только были хранителями богов и их маны; их стали считать прямыми наследниками богов, а наличие капу делало легитимным их доминирование.

По сути дела, *мана* гавайцев не так уж отличается от *тсав* народа тив. Вспомним, что наличием *тсав* точно так же объяснялись различные жизненные аспекты – почему некоторые люди более удачливы, чем другие, или люди ведут себя тем или иным образом. Однако успех обладателя *тсав* мог объясняться собственными талантами человека или просто тем, что он колдун. В случае же с *маной* успех человека объяснялся тем, что он избран богами. Несмотря на это существенное различие, система *капу* по-прежнему была опутана множеством правил и ограничений, предписывающих должное поведение представителей элиты. Несмотря на то, что на Гавайях уже давно начала складываться политическая иерархия, ей было далеко до системы, которая появилась при Камеамеа.

Именно в его правление началась эрозия норм, ограничивающих развитие политической иерархии. Камеамеа назначил своим преемником своего сына Лиолио, который после смерти отца в 1819 году был коронован, получив имя Камеамеа II. Став королем, Камеамеа II решил упразднить систему *капу*: он был до такой степени уверен в своей власти, что мог решиться на действия, которые не мог себе позволить ни один другой вождь до него. Он начал с отмены табу на совместную трапезу. Вскоре после коронации король устроил праздник, о котором один современник вспоминал следующее:

После того как гости расселись и приступили к трапезе, король дважды или трижды обошел каждый стол, как будто для того, чтобы посмотреть, что происходит за каждым столом; а затем совершенно неожиданно для всех (кроме тех, кто заранее знал обо всем заранее, но хранил секрет) уселся на свободное кресло за женским столом и принялся с аппетитом есть, но было заметно, что он очень взволнован. Потрясенные гости всплеснули руками и разразились криками: «*Ай Ноа* – тапу нарушено!»

Трудное время

До сих пор мы рассматривали случаи появления политической иерархии там, где ее прежде не было или почти не было. Но воля к власти, преодолевающая сопротивление и подталкивающая общество к скользкому склону, – это не только особенность далекого прошлого. Волю к власти и ее последствия можно наблюдать и сейчас там, где государственные институты формально присутствуют, но неспособны контролировать общество. Именно так и было в Грузии начала 1990-х.

В конце 1980-х годов Советский Союз начал разваливаться. Советские республики, в том числе Эстония, Латвия и Литва, а также Грузия, предпринимали шаги с целью достижения независимости. В 1990 году в Грузии прошли первые по-настоящему свободные многопартийные выборы, на которых коалиция «Круглый стол – Свободная Грузия» победила грузинских коммунистов с перевесом в две трети голосов. В мае 1991 года страна провозгласила независимость от Советского Союза, и лидер «Круглого стола» Звиад Гамсахурдия был избран президентом: за него отдали голоса 85 % избирателей. Новому президенту досталась страна, раздираемая различными политическими фракциями с совершенно различным видением будущего и без всякой надежды на консенсус по поводу дальнейшего развития. Многие национальные меньшинства были обеспокоены перспективой доминирования этнических грузин и начали, в свою очередь, поговаривать об отделении.

В январе 1992 года Гамсахурдия покинул страну, оставив ее столицу Тбилиси фактически в руках двух военных лидеров: главы боевой организации «Мхедриони» Джабы Иоселиани и командира Национальной гвардии Тенгиза Китовани. В какой-то момент в Тбилиси насчитывалось целых 12 вооруженных группировок (с такими красочными названиями, как «Белые орлы» и «Лесные братья»). Грузия формально сохраняла государственность, но по сути ситуация в ней немногим отличалась от «войны всех против всех».

Тенгизу Сигуа, бывшему премьер-министру, отстраненному от должности Звиадом Гамсахурдия, удалось вернуть себе этот пост. Гамсахурдия, находившийся в эмиграции, тем временем продолжал вдохновлять военизированную группировку «звиадистов». В отсутствие эффективного государства Тбилиси пережил вспышку насилия, грабежей, преступлений и изнасилований. Грузия потеряла контроль над Южной Осетией и Абхазией, объявившими о своей независимости, а другие регионы страны, такие как Аджария и Самцхе-Джавахети, оставались полностью автономными. Началась гражданская война. Грузины называют этот период «Трудным временем».

Весной 1993 года лидеры различных группировок попытались найти выход из хаоса. Иоселиани и Китовани контролировали то, что оставалось от грузинского государства, но конфликт продолжался, и им не удавалось восстановить порядок. Кроме того, что немаловажно, полевым командирам требовалось лицо: какой-то уважаемый человек, который имел бы и легитимность в глазах международного сообщества, и доступ к иностранным помощи и ресурсам. Так родился план сделать президентом Эдуарда Шеварднадзе.

Уроженец Грузии Шеварднадзе шесть лет был министром иностранных дел СССР при Михаиле Горбачеве до своего выхода в отставку в 1990 году. В декабре 1992-го он стал председателем грузинского парламента, и было очевидно, что Шеварднадзе, с его обширными связями и огромным международным опытом, представляет собой идеальное лицо новой нации. Идея военных лидеров была проста: Шеварднадзе становится главой государства, а они дергают за ниточки из-за кулис. Сначала они сделали его временно исполняющим обязанности председателя Государственного совета, в который изначально входили четыре человека, включая Иоселиани и Китовани, и который принимал решения только коллегиально. Таким образом можно было наложить вето на любые действия Шеварднадзе. Последний, в свою очередь,

назначил Китовани министром обороны, а Иоселиани – главой сил экстренного реагирования, автономной единицы в составе армии. Один из ставленников Иоселиани был назначен министром внутренних дел, и Шеварднадзе регулярно появлялся на публике вместе со всеми этими людьми. Но затем вступил в действие эффект скользкого склона.

Положение о создании Государственного совета допускало принятие новых членов, если за это высказались две трети действительных членов. Шеварднадзе выступил за расширение совета, и поначалу это выглядело довольно безобидно. Вскоре Совет превратился в более многочисленное собрание военных лидеров и представителей политической элиты, манипулировать которыми Шеварднадзе было легче. Затем Шеварднадзе стал назначать выходцев из вооруженных отрядов на посты в государственном аппарате, заботясь о том, чтобы они были лояльны ему лично, а не Китовани с Иоселиани. Он создал систему новых военных формирований с пересекающимися функциями и юрисдикциями: пограничную службу, отряды особого назначения, тбилисскую службу спасения, правительственную гвардию, внутренние войска МВД, отряд особого назначения «Альфа», а также президентскую гвардию, прошедшую подготовку в ЦРУ. К 1995 году численность МВД насчитывала уже 30 000 человек, многие из которых раньше были членами вооруженных отрядов. Этот процесс сопровождался огромной коррупцией и безнаказанностью бывших боевиков, получивших карт-бланш на неофициальные поборы и взятки.

Положение Шеварднадзе укрепил как раз тот фактор, благодаря которому он и получил власть, – способность придать режиму видимость респектабельности в глазах международного сообщества с целью получения помощи и поддержки. И благодаря Шеварднадзе помощь и в самом деле стала поступать. Подлинную респектабельность обеспечивает рыночная экономика, что означает необходимость приватизации и регулирования, Шеварднадзе манипулировал этим, вознаграждая постоянно растущее число своих сторонников в государственном аппарате. По сути, Шеварднадзе следовал древнему правилу «разделяй и властвуй», причем ставки были весьма высоки.

К сентябрю 1994 года президент сосредоточил в своих руках достаточно власти, чтобы использовать силы «Мхедриони» для ареста Тенгиза Китовани. А на следующий год он направил эту организацию против ее собственного лидера Иоселиани. И наконец, Шеварднадзе воспользовался неудавшимся покушением на него в качестве предлога для того, чтобы провести новую конституцию и официально консолидировать в своих руках прежнее неформальное влияние. Грузинское государство было восстановлено, а лидеры военизированных формирований, рассчитывавшие на то, что будут контролировать этот процесс, съехали по скользкому склону.

Почему нельзя обуздать волю к власти

Мы рассмотрели несколько примеров того, как воля к власти уничтожает нормы, призванные сдерживать Левиафана. Мухаммед и Шеварднадзе были привлечены в качестве внешних акторов для разрешения внутренних конфликтов. Оба сыграли свою роль блестяще, разрешив споры твердой рукой, установив порядок и мир. Но при этом оказалось, что контролировать обоих труднее, чем рассчитывали те, кто их первоначально пригласил.

Чака, заняв трон зулусского вожества, успешно воспользовался своим положением, чтобы построить более мощную армию и увеличить дееспособность государства и свое личное влияние, а попутно искоренить нормы, которые призваны ограничить подобные попытки консолидации власти. Камеамеа удалось использовать технологии огнестрельного оружия для покорения соперников и построения мощного объединенного государства на Гавайях, где ничего подобного ранее не существовало.

Ни в одном из этих случаев (и ни в одном другом из бесчисленных примеров обществ, некогда живших при Отсутствующем Левиафане) мы не наблюдаем непосредственного перехода к Обузданному Левиафану. Целью разрушения норм тоже нигде не был переход к большей свободе; целью всегда было устранение барьеров на пути к еще более сильной политической иерархии. Исключение, конечно, представляют Афины Темных веков, где, как мы видели в предыдущей главе, удалось построить работающее государство, способное разрешать конфликты, контролировать степень взаимной враждебности в обществе и предоставлять общественные услуги, – но при этом росли и возможности общества с точки зрения контроля над государством и преобразования господствующих норм.

Почему другие общества не добились того же результата? Ответ связан с самой природой норм и институтов, имеющих на тот момент, когда общество приступает к строительству государства. Во многих случаях безгосударственное общество подчиняется воле к власти, которой обладает харизматический лидер, имеющий к тому же какое-то дополнительное преимущество. У многих подобных лидеров нет мотивации для строительства Обузданного Левиафана, упрочения свободы или установления баланса между силами элит и простых граждан; они стремятся лишь к увеличению собственной власти и к доминированию над обществом. С этой точки зрения афинский Солон был исключением, потому что он пришел к власти именно с тем, чтобы ограничить влияние богатых семейств и элит, то есть обуздание Левиафана изначально входило в его цели. Но в случае с другими строителями государств все было иначе.

Но, возможно, еще более важной отличительной чертой афинского общества служит тот факт, что к эпохе Солона оно уже создало некоторые формальные институты, регулирующие распределение политической власти и разрешение конфликтов. Пусть эти институты и не были совершенными, но они стали основой, отталкиваясь от которой Солон, а за ним Клисфен и другие архонты стали расширять участие общества в политике, одновременно укрепляя именно те из существующих норм, что ограничивали социальную и политическую иерархию. Именно поэтому удалось провести законы о гордыне и остракизме, направленные на то, чтобы отдельные лица не возвышались слишком уж сильно (и в то же время эти законы ослабляли именно те аспекты существующих норм, что мешали развитию Обузданного Левиафана). Таких институтов не было ни у тив, ни в Медине или Мекке, ни у зулусов или на Гавайских островах эпохи короля Камеамеа. При этом в данных обществах были распространены другие нормы, не позволявшие отдельным лицам сосредоточить в своих руках слишком много власти: угроза обвинения в колдовстве, клановые связи или система капу, регулирующая конфликты и ограничивающая политическую иерархию. И как только воля к власти начинала разрушать эти нормы, ничто уже не могло противостоять силе возникающего государства. Строители государства, как мы видели, быстро реформировали эти нормы в собственных интересах.

Если вернуться к схеме 1 из главы 2, иллюстрирующей в общих чертах нашу концепцию, то мы увидим, что все эти примеры сосредоточены в нижнем левом углу, где в равной степени слабы как государство, так и общество. Без норм и институтов, способных сдерживать начавшийся процесс построения государства, никакого коридора не возникает. Поэтому проявление чьей-либо воли к власти означает, что для общества нет никаких других вариантов, кроме движения в сторону Деспотического Левиафана.

Но не все было так плохо, как можно было ожидать. В некоторых из рассмотренных нами случаев развивающийся Левиафан действительно позволил разрешить конфликты, установил порядок и иногда даже устранял наиболее неприятные аспекты клетки норм – даже если при этом создавал более сильную иерархию, а на смену страху перед насилием в безгосударственном обществе приходил страх перед доминированием только что образовавшегося Деспотического Левиафана. Экономические последствия тоже были неплохими, поскольку улучшалось распределение ресурсов и начинался экономический рост за пределами примитивного типа экономики, как мы увидим в следующей главе, где изучим характер экономики при Отсутствующем Левиафане с его клеткой норм и сравним его с развивающейся экономикой Деспотического Левиафана.

Глава 4. Экономика вне коридора

Дух в амбаре

В 1972 году антрополог Элизабет Колсон изучала обычаи народности гвембе-тонга, населявшей долину Замбези и окрестные территории Южной Замбии и не имевшей государственности до завоевания этого региона англичанами (см. карту 5, стр. 129). Как-то Элизабет сидела во дворе одного из домов, когда в него вошла женщина и попросила у хозяйки дома немного зерна. Обе женщины принадлежали к одному и тому же клану, однако почти не были знакомы. Хозяйка немедленно пошла в амбар и наполнила корзину соседки доверху, так что зерно даже сыпалось через край. Соседка ушла чрезвычайно довольная.

Подобная щедрость в распределении пищи между членами одного клана, рода или другой социальной ячейки характерна для многих безгосударственных обществ. Большинство антропологов и многие экономисты считают это проявлением глубоко укоренившихся обычаев и норм, которые предписывают оказание помощи родственникам. Но у этих обычаев есть и экономическая логика: сегодня ты помог кому-то из своего клана, а завтра, если будешь нуждаться ты сам, кто-то из твоего клана поможет и тебе. Именно так Элизабет Колсон и истолковала подобную демонстративную щедрость.

И лишь позже, когда Колсон увидела, как один молодой мужчина получил очень тревожную весть из дома, она поняла, что в действительности ситуация не такова, как она себе ее представляла. В своих полевых заметках она пишет:

Однажды поздно вечером в его амбаре заметили свет, а потом его жены и брат обнаружили, что на зерно помочились духи. Такое, по убеждению тонга, происходит, только если духи выполняют приказ какого-то колдуна.

Похоже, колдун хочет убить хозяина зерна и членов его семьи. Сам крестьянин жаловался, что у него были большие планы на урожай в этом году, так что он «засеял большое поле и работал на нем с утра до поздней ночи – но пожал лишь урожай ненависти». Хозяйка, щедро отсыпавшая зерно соседке, тут же включилась в обсуждение и стала расспрашивать мужчину, не помнит ли он, чтобы кто-то стоял и рассматривал его хижины и амбары, не просил ли у него зерна и не говорил ли что-нибудь о его запасах. Хозяйка не сомневалась, что кто-то побывал в доме пострадавшего и видел его запасы:

Не стоит им отказывать. Ты же видела, как я отсыпала зерна соседке. Разве я могла отказать ей? Может, она ничего плохого не хотела, но нельзя же знать наверняка. Единственное, что можно тут сделать, – дать ей, чего она просит.

Отказ поделиться зерном означает риск стать жертвой колдовства и насилия. Хозяйка поделилась зерном, потому, что боялась возмездия за нарушение норм, а не потому, что была какой-то особенно щедрой.

Подобная постоянная угроза характерна для общества тонга и даже встроена в структуру их кланов. Например, подгруппа, которая называет себя «тонга, живущими на плато» (*Plateau Tonga*), разделена на четырнадцать кланов, у каждого из которых есть свои тотемы – животные, которых запрещено употреблять в пищу. Тотемами клана баямба были гиена, носорог, свинья, муравей и рыба. Тотемы клана батенда – слон, овца и бегемот. К числу других запретных животных принадлежали леопард (клан бансака), лягушка (клан бафуму) и даже африканский гриф (клан бантанга). Согласно легендам тонга, подобные пищевые запреты возникли в

результате того, что некоторые люди раньше поедали леопардов, но другие люди стали завидовать тому, что у первых много пищи, и поэтому они наслали на них проклятие, и у пожирателей леопардов возникло отвращение к этой пище. Из потомков этих людей и возник клан бансака.

Итак, нормам гостеприимства и щедрости, бытовавшим у тонга, подчинялись не из-за некоего морального императива и не потому, что люди видели в них экономические преимущества, но потому, что тонга боялись насилия и колдовства – не говоря уже о социальном ostracismе и других последствиях, грозивших нарушителям этих норм. Тонга жили в безгосударственном обществе, и поэтому у них не было никаких законов или государственных служащих, которые защищали бы их или помогали им разрешать конфликты. Тем не менее уровень насилия у тонга не был чрезмерным именно благодаря наличию норм, предотвращающих и сдерживающих конфликты. Когда к тебе приходит сосед, надо щедро поделиться с ним едой – и это предотвратит потенциальный конфликт.

Нет места для трудолюбия

Гоббс считал, что без централизованной власти общество погрязнет в «войне всех против всех». Он также предполагал (мы это уже видели в Главе 1), что такая война уничтожит экономические стимулы – ведь «в состоянии войны нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда». Выражаясь языком современной экономики, конфликты и неопределенность означают, что индивиды не обладают гарантированными имущественными правами на результаты своих инвестиций и на произведенный ими продукт, полученный в результате производства, собирательства или охоты, и это сдерживает экономическую активность.

Чтобы осознать экономические последствия войны всех против всех, вернемся ненадолго в Демократическую республику Конго. В начале главы 1 мы уже рассказывали, что Восточные регионы страны, особенно провинция Северное Киву, находится под контролем полевых командиров и их военных формирований. В этих местах война идет не просто между отдельными индивидами, как это представлял себе Гоббс, но между целыми группами. Одна из таких групп в Восточном Конго – Конголезское объединение за демократию – Гома (*Rassemblement Congolais pour la Démocratie – Goma*, РКД – Гома), базирующееся в одноименном городе на берегу озера Киву и возникшее в ходе Первой и Второй конголезских войн (иногда их объединяют под названием Великой африканской войны, 1996–2003).

Несмотря на подписание мирного договора РКД – Гома, как и многие другие военизированные группировки, не сложила оружие и продолжила терроризировать местное население. В декабре 2004 года боевики РКД – Гома подошли к городу Ньябиондо в Северном Киву (см. карту 5, стр. 129), который защищали отряды самообороны Май-Май. 19 декабря РКД атаковала город; бойцы Май-Май, захваченные в плен, были сожжены заживо. Сначала потери среди гражданского населения были невелики, так как жителям под покровом утреннего тумана удалось сбежать из города в поля и в джунгли. Однако РКД начала методичную охоту на них, и всего за несколько дней были хладнокровно убиты 191 человека. Вилли, которому тогда исполнилось лишь пятнадцать, рассказывал расследователю из *Amnesty International*:

Солдаты приезжали на машинах и приходили пешком, убивая и грабя. Некоторые были в форме, но другие носили гражданскую одежду... Жители убежали прямо в лес. Я был в группе из пятнадцати человек с моей мамой, соседями и другими родственниками. Солдаты нашли нас и заставили лечь на землю, после чего нас избили прикладами винтовок. Бароки (местный вождь) тоже был с нами. Солдаты его забрали, я видел это. Потом, неделю спустя, 25 декабря, я увидел его тело. Его убили выстрелом в голову, а до этого связали и избили плетью. Его тело просто валялось на земле.

Боевики насиловали даже восьмилетних девочек, 25 000 человек стали беженцами, их имущество было уничтожено, дома сожжены дотла. Город Ньябиондо был полностью разграблен, сняли даже черепицу с крыши.

Так выглядит пресловутая гоббсовская «война всех против всех» и ее очевидно катастрофические гуманитарные последствия. Экономические последствия тоже вполне очевидны. Экономика провинции Северное Киву (как и большей части ДРК) была разрушена. Результатом стала ужасающая нищета. В настоящее время среднедушевой доход в Демократической Республике Конго составляет около 40 % от показателя 1960 года, когда страна обрела независимость: всего 400 долларов США – это меньше 1 % от уровня США. Таким образом ДРК – одна из беднейших стран мира; здесь полностью оправдались выводы Гоббса о том, что жизнь людей в отсутствие государства «бедна, беспросветна, тупа и кратковременна».

Но жизнь народа тонга не похожа на ситуацию в Северном Киву, и ее не назовешь «беспросветной». Она, скорее, подтверждает мнение о том, что человек – «социальное животное», и что нормы, которые он вырабатывает, нацелены на кооперацию и поощряют гостеприимство и щедрость. Но, как мы уже видели в главе 1, платой за это часто оказывается заключение индивида в клетку норм. А теперь мы начинаем понимать, что эта клетка ограничивает не только социальный выбор, но и экономическое развитие.

Это ясно видно на примере молодого тонга, который усердно работал, но добился лишь того, что в его амбар пробрались духи, а на него самого ополчились колдуны, позавидовавшие его успеху. Но негативное влияние подобных норм на экономическую предприимчивость не сводится только к таким угрозам. Эти нормы также подрывают права собственности в целом, пусть это и не принимает таких крайних форм, как описанные Гоббсом бедствия экономики в безгосударственном обществе.

Представим, например, что вы инвестируете в производство с целью увеличения урожая. Если ваши права собственности защищены, то вы не только увеличите урожай, но и вольны распорядиться им так, как вам заблагорассудится. И если вы человек, щедрый по природе, то ваша щедрость и помощь соседям будут для вас источником дополнительной удовлетворенности от работы. Но в обществе тонга, как и во многих других обществах, которые регулируются клеткой норм, люди проявляют щедрость не потому, что это доставляет им удовольствие, а потому что боятся социальных последствий (в том числе даже насилия) в случае нарушения норм. Это означает, между прочим, что все излишки вашего урожая будут у вас отняты, даже если такой отъем и происходит в форме якобы добровольного и освященного обычаем проявления щедрости. Последствия всего этого будут не так уж сильно отличаться от описанного Гоббсом; в таком обществе уж точно не будет «места для трудолюбия».

Общество тонга демонстрирует это самым очевидным образом: тонга постоянно живут под угрозой голода, и с этим связано постоянное попрошайничество. Элизабет Колсон описывает эту жизнь на грани выживания:

Когда в домохозяйстве полностью или почти заканчиваются припасы, то члены семьи сначала пытаются выпросить пищу у живущих рядом родственников или друзей. К более дальним родственникам, живущим в тех краях, где еще есть пища, посылают детей и инвалидов. Мужчины отправляются на работу, чтобы раздобыть побольше еды для тех, кто остается дома, но не перестают беспокоиться, что им самим не удастся поесть досыта, когда они вернутся домой, ведь домашние тоже голодают. Когда запасы у всех соседей истощаются, тонга, живущие в долине, отправляются за много миль, на плато, чтобы попросить еды у более дальних родственников, но их встречают там примерно с тем же энтузиазмом, с каким встретили бы полчища саранчи.

Отец-основатель экономической науки Адам Смит утверждал, что люди обладают врожденной склонностью к «мене, торговле, к обмену одного предмета на другой». У тонга попрошайничество, пожалуй, было более распространенным явлением, чем торговля или обмен предметами. Элизабет Колсон писала, что «в долине Замбези не было никаких посредников или рынков для организации локальной торговли. Также не было никакого общепринятой меры обмена». Нечто вроде обмена существовало, однако

большинство случаев обмена были обязательными сделками, вытекавшими из институционализированных отношений между сторонами: один участник обмена имел право получить, а другой был обязан отдать.

В результате общество оказалось в западне натурального сельского хозяйства, уязвимо перед любыми экономическими невзгодами и трудностями. Технологии этого хозяйства также были крайне отсталыми: в доколониальный период тонга не знали ни колеса, ни гончарного

круга. Земледелие, основное занятие в регионе, было малопродуктивным – не столько из-за неплодородной почвы, сколько потому, что земледельцы использовали не плуг, а палки-копалки.

Как мы уже видели, причины возникновения клетки норм у тонга все же имеют некоторое отношение к наблюдениям Гоббса. Такие нормы появляются отчасти потому, что во многих местах эгалитаризм имеет ясную политическую логику. Нормы эгалитаризма призваны поддержать статус-кво. Если такие нормы слабы или их вообще не существует, появляется иерархия, включается эффект скользкого склона и безгосударственный период заканчивается. Таким образом, сохранившиеся до нашего времени безгосударственные общества – это, как правило, общества с сильными и глубоко укорененными эгалитарными нормами. Эти же нормы позволяют разрешать конфликты. Если конфликт рискует перерасти в насилие и запустить кровную месть, то лучше следовать строгим правилам уже имеющейся экономической схемы. Новые виды экономической деятельности, новые экономические возможности и новые виды неравенства грозят породить новые конфликты, справиться с которыми с помощью существующих норм будет уже труднее. Лучше не рисковать и не погружаться в состояние войны всех против всех. Лучше поддерживать статус-кво.

Экономика клетки

Все это уже знакомо нам на примере народа тив. Как вы помните из главы 2, тив разработали набор норм, не дававших вступить на скользкий склон. Любой, кто пытается сконцентрировать в своих руках власть над другими, будет обвинен в колдовстве и поставлен на свое место. Но выясняется, что те же нормы и построенная на их основе клетка имеют и экономические последствия, эффективно формируя «экономику клетки».

Общество тив опиралось на родовые связи и происхождение. Как мы уже знаем, важной социальной ячейкой у тив был *тар* – нечто вроде расширенной семьи, состоящей из потомков одного и того же предка (так же называлась и территория, занятая этой группой). Старейшины *тар* обладали верховной властью в традиционном обществе тив – какой бы незначительной ни была в принципе эта власть. Именно старейшины распределяли между членами *тар* участки земли, достаточные для того, чтобы они могли прокормить семьи. Достаточные – но не более того. Как замечают антропологи Пол и Лора Боханнан, если человек

хочет посадить намного больше ямса, чем требуется его женам и детям, чтобы продать его и получить больше денег и товаров, чем у других жителей деревни, то ему, скорее всего, не разрешат.

У тив, как и у тонга, также не было рынка, на котором можно было бы продать свой и купить чужой труд, не было и рынков земли или капитала. Единственным способом обработки земли был личный труд членов семьи или членов *тар*. Земледелием занимались как мужчины, так и женщины, но они выращивали разные виды культур, и только женщины могли возделывать основной продукт питания – ямс. Мужья были обязаны предоставить своим женам землю для обработки, но не могли автоматически присвоить урожай. У тив имелись рынки для обмена кое-каких товаров, но, пишут Боханнаны,

самой, возможно, характерной чертой рынка тив была его чрезвычайная ограниченность и почти полное отсутствие влияния на другие общественные институты.

И в самом деле, рынок тив не был свободным, это был «рынок клетки», построенный не с тем, чтобы упростить обмен, а чтобы не дать обществу выйти на скользкий склон.

Возможно, наиболее ярко это проявлялось в строгих правилах и ограничениях, которые регулировали обмен товаров. Экономика была поделена на различные сферы. Человек мог торговать в одной из сфер, но не мог совершать сделок между сферами. Наиболее гибкой областью был рынок продуктов питания и товаров первой необходимости, таких как куры, козы, овцы, домашняя утварь и ремесленные инструменты (ступки, точильные камни, бутылки-калабаши из тыквы-горлянки, горшки и корзины). Сюда же включалось сырье, необходимое для производства всех этих вещей.

Подобными товарами обменивались на периодически открывавшихся временных рынках, курс обмена был гибким и позволял торговаться. Поэтому такие рынки были хорошо адаптированы и к денежным расчетам, которые постепенно становились все более доступными.

Однако эта сфера была полностью закрыта для престижных предметов, которыми нельзя было обмениваться на рынке. К таким товарам относились крупный рогатый скот, лошади, особый вид белой ткани *тугунду*, лекарства, магическая утварь и латунные прутья (когда-то в эту категорию включались также и рабы). В этой сфере деньги не использовались, однако были известны эквивалентные соответствия между различными товарами. Например, исторически раб стоил определенное число коров и латунных прутьев, а корова – какое-то количество таких прутьев и отрезов ткани *тугунду*.

Старейшина тив по имени Акига, с которым мы уже познакомились в главе 2, таким образом объясняет правила обмена различными престижными товарами:

Один слиток железа можно обменять на один отрез *тугунду*. Пять отрезков равны стоимости быка. Корова стоит десять отрезков *тугунду*. Один латунный прут стоил примерно столько же, сколько один отрез ткани; таким образом пять латунных прутьев можно обменять на быка.

Хотя этот обмен в определенной степени напоминает современную торговлю, условия обмена были строго фиксированными и никогда не менялись. И даже если престижные товары можно было выменять таким образом, то это еще не значило, что они продаются или покупаются. Или, согласно формулировке Пола и Лоры Бохханан, «тив не станут покупать корову или лошадь на рынке».

Как же тогда приобрести престижные товары? Переход от товаров первой необходимости к престижным товарам Пол и Лора Бохханан называют «конверсией». Тив осознавали, что предметы первой необходимости можно заполучить с помощью тяжелого труда, однако с престижными товарами дело обстояло иначе: для обладания ими требовалась не только тяжелая работа, но и «сильное сердце». Конверсия снизу вверх была возможна только в том случае, если какой-то обладатель престижного предмета готов отказаться от него и совершить конверсию сверху вниз. Однако тив «стараятся удержать подобного человека от конверсии», поскольку таких людей

одновременно боятся и уважают. Если человек достаточно силен, чтобы устоять перед чрезмерными требованиями своих родичей... значит, у него есть особые и потенциально опасные способности – то есть *тсав*.

Итак, мы снова возвращаемся к *тсав*! Нормы народности тив затолкали экономику в клетку, искоренили фактор рынка и сделали родственные связи основным фактором производства. Этой ценой тив добились баланса между различными клановыми группами, избежали скользкого склона и укрепили статус-кво.

Как и принудительная щедрость тонга, экономика клетки у тив имела очевидные негативные последствия. Рынок критически важен для эффективной организации экономики и для ее процветания. Но у тив рынку не было позволено функционировать. При той ограниченной степени, в которой вообще была возможна торговля, относительные цены часто были фиксированными. В результате у тив, как и у тонга, распространилась крайняя нищета. Общественные институты тив создавали мало стимулов для накопления капитальных средств – разве что самых простых орудий труда, таких как палки-копалки и утварь для приготовления пищи. И сам факт накопления мог повлечь обвинения в обладании неправильным *тсав*, поэтому страх возмездия не позволял человеку накопить слишком много вещей. В результате ко времени прихода британцев доходы местного населения находились почти на уровне простого выживания, а средняя продолжительность жизни составляла примерно тридцать лет.

Ибн Хальдун и цикл деспотизма

Наши рассуждения о тонга и тив позволяют предположить, что проделанный Гоббсом анализ экономических последствий безгосударственности был не совсем верным. Общества тонга и тив не погрязли в бесконечном насилии и конфликтах, разрушающих все экономические стимулы, – пусть даже провинция Северное Киву в ДРК и напоминает нам, что подобные конфликты и раздирают некоторые общества в отсутствие централизованной власти. И все же выводы Гоббса не лишены своих оснований, потому что нормы, разработанные в этих обществах ради контролирования конфликтов, породили крайне искаженные стимулы.

Прав ли был Гоббс и в том, что Деспотический Левиафан более благоприятен для экономической активности, поскольку обеспечивает безопасность, предсказуемость и порядок? Получается, что и в этом случае Гоббс был прав только отчасти – и нет более удобной отправной точки для исследования двойной природы экономики Деспотического Левиафана, чем работы великого арабского мыслителя Ибн Хальдуна.

Ибн Хальдун, родившийся в Тунисе в 1332 году, возводил свою родословную к пророку Мухаммеду через своих предков, живших в Йемене. В жизни Ибн Хальдуна было немало примечательных событий, в том числе даже встреча со среднеазиатским завоевателем Тамерланом. Наиболее прославленный труд Ибн Хальдуна носит название *Китаб аль-Ибар* («Книга наставлений»), а ее первый том называется *Мукаддима*, то есть «Введение». Эта часть книги Ибн Хальдуна особенно полезна для понимания экономических последствий деспотизма.

Во «Введении» много ярких мыслей. Описав экономические последствия образования государства на Аравийском полуострове, Ибн Хальдун излагает собственную теорию динамики политических институтов, основанную на том, что он считал двумя фундаментальными конфликтами в арабском обществе. Во-первых, это конфликт между кочевыми обитателями пустыни и оседлым населением городов. Во-вторых – конфликт между правителями и управляемыми.

Ибн Хальдун утверждает, что преимущество в первом конфликте на стороне кочевников – благодаря особому типу их общества, возникшего в суровых и скудных условиях жизни в пустыне. Для этого общества характерно явление, которое Ибн Хальдун называет *асабийя*, что можно перевести как «социальная солидарность» или «спаянность». Концепция *асабийи* нам уже кажется знакомой – это обычная часть клетки норм в безгосударственном обществе. Однако Ибн Хальдун рассматривает эти нормы под новым углом: если с нашей точки зрения *асабийя* представляется инструментом, который помогает регулировать конфликты и сохранять политический эгалитаризм в кочевых популяциях, то автор «Книги наставлений» указывает, что *асабийя* – это еще и оружие, очень хорошо помогающее подчинять себе соседние оседлые сообщества.

В предыдущей главе мы видели, как Мухаммед благодаря исламу получил преимущество в процессе построения государства. Для бедуинских племен, на которые Мухаммед опирался в этом процессе, была характерна очень мощная *асабийя*, и это стало для пророка и его последователей еще одним преимуществом в деле расширения халифата и превращения его в обширную империю. Согласно Ибн Хальдуну, феномен *асабийи* возник не только под влиянием экономических трудностей пустыни, но также благодаря плотной сети родственных связей, помогавшей выживать в суровом окружении. Отныне и навсегда пустыня будет покорять оседлый мир и образовывать новые государства и династии.

Вместе с тем Ибн Хальдун утверждал, что, хотя *асабийя* и помогает обитателям пустыни завоевывать «цивилизованные земли» и устанавливать в них свою власть, внутренняя динамика такой власти неизбежно влечет ослабление *асабийи* и в конце концов приводит к краху государства, основанного бедуинами или подобными группами. Затем цикл повторяется бла-

годаря какой-то новой группе, вышедшей из пустыни и основавшей новое государство на месте распавшегося. Говоря словами Ибн Хальдуна,

что до сроков жизни государств, то... в большинстве своем не превышают срок жизни трех поколений... Первое поколение все еще имеет нравы жизни на открытом пространстве: эти люди испытывают лишения, отважны, хищны, участвуют в общей славе. В силу этого спаянность (*асабийя*) остается в неприкосновенности...

Второе поколение благодаря владению и благополучию живет не на открытом, а на обнесенном стеной пространстве, не в лишениях, а в роскоши и изобилии, оно не соучаствует в общей славе, поскольку ее единолично забрал один из них... Прежние были надменны и высокомерны – эти унижены и смиренны.

А третье поколение забывает эпоху жизни на открытом пространстве, как будто той и не было. Им уже не сладки могущество и спаянность, ибо подчиняться принуждению стало их свойством. Приди кто по их душу, они не способны дать отпор²¹.

Столь же прозорливо Ибн Хальдун анализирует конфликт между правителем и управляемыми. Через какое-то время после выхода из пустыни какой-то человек «единолично забирает общую славу», тогда как свойством остальных становится «подчинение принуждению». Ибн Хальдун отводил каждой новой династии («государству») примерно 120 лет.

* * *

Приступая к более подробному описанию этой политической динамики и ее экономических последствий, стоит продолжить историю с того места, на котором мы остановились в предыдущей главе, и рассказать, что происходило после смерти Мухаммеда. Арабскими завоеваниями, начало которым положил пророк, в дальнейшем руководили четыре последовательно сменивших друг друга лидера, которых называли халифами и чье право на власть опиралось на их близость к Мухаммеду и родственные связи с ним. Этих первых четырех «праведных халифов» звали Абу Бакр, Умар, Усман и Али, и значительную часть их правления мусульманская община была поглощена спорами о том, каким образом следует управлять новым государством ислама.

Усман агрессивно пытался усилить централизованный контроль в новорожденной империи и был убит взбунтовавшимися воинами. После этого о претензиях на власть заявил Али, двоюродный брат и зять Мухаммеда, однако его право на власть оспаривал Муавия, двоюродный брат Усмана и наместник Сирии. Это привело к длительной гражданской войне, и в конце концов Али был убит (661), а Муавия – провозглашен халифом и стал основателем династии Омейядов, которая будет править халифатом почти сотню лет.

Ко времени установления династии мусульмане уже успели завоевать Персию, Ирак, Сирию и Египет, активно шло завоевание Северной Африки, завершившееся в 711 году. К середине VIII века была покорена большая часть Испании, а на востоке к Халифату добавились огромные просторы внутренней Азии.

Первоначально Омейяды, устанавливая на покоренных землях власть класса арабских завоевателей, как бы накладывали ее на уже существующие институты двух империй – Византийской (в Сирии, Палестине, Ливане и Египте) и Сасанидской (в Ираке и Персии). И лишь в 685 году, когда на престол вззошел халиф Абд аль-Малик, Омейяды приступили к стро-

²¹ Здесь и далее цитаты из «Введения» Ибн Хальдуна даны в адаптированном переводе А. В. Смирнова.

ительству более четкой административной структуры, управлявшейся из их новой столицы – Дамаска.

Однако Омейядам так не удалось создать по-настоящему эффективное централизованное государство; не смогли этого сделать и преемники Омейядов – династия Аббасидов, получившая имя в честь своего родоначальника Аббаса, дяди пророка Мухаммеда, и пришедшая к власти в Халифате в 750 году.

Хотя арабские армии, продемонстрировав чрезвычайную эффективность, захватили огромные территории, превратить оккупацию в реально действующую систему гражданского управления и завоевать лояльность местного населения оказалось значительно труднее. И Омейядам, и Аббасидам приходилось все больше опираться на местные элиты в деле управления провинциями, взимания налогов и охраны порядка. Чтобы получить поддержку этих элит, халифы практиковали откупа – то есть продавали право сбора налогов в провинции с условием перечисления в центр некоей фиксированной суммы.

Как только вы получали от Дамаска (а впоследствии от аббасидского Багдада) право собирать налоги, то вы тем самым получали и полную свободу в определении того, какими налогами и в каком размере будут обложены местные общины.

Для элит это был, похоже, готовый рецепт запредельного налогообложения и накопления земель, потому что у тех, кто не мог заплатить эти налоги, землю отбирали. Подобная политическая структура была поистине самоубийственной для империи. Местные элиты требовали, чтобы их власть сделали наследственной, и набирали свои собственные армии для поддержания порядка. Вскоре Багдад лишился контроля над провинциями, империя трещала по швам, и в 945 году единый Халифат распался на части.

Для Ибн Хальдуна во всем этом не было ничего удивительного. Он твердо верил в волю к власти, указывая, что

люди, устраивая общежитие, нуждаются в умирителе и правителе, который удерживал бы их друг от друга. Вот почему в силу той же спаянности (*асабийя*) он должен преобладать над ними, иначе не будет к этому способен. Такое преобладание и есть владение.

Как только такой человек добивается признания со стороны окружающих, как было с Мухаммедом в Медине, он может стать их главой, а

главенство – это господство; его носителю люди покорны без принуждения с его стороны. Владение же – это преобладание и правление благодаря принуждению.

Но Ибн Хальдун понимал, что уже само наличие подобного лидера, скорее всего, начнет быстро подталкивать общество в сторону скользкого склона. И в самом деле:

Достигнув определенной ступени, носитель спаянности стремится к чему-то большему. Так, достигнув господства и покорности и имея возможность добиться преобладания и принуждения, он от этого не откажется, так как душа его стремится к этому.

Поскольку асабийя свойственна не всем людям в равной степени, то дело неизбежно кончается установлением единоличной власти, означающей «преобладание и правление благодаря принуждению». Однако как только правитель из новой династии пришел к власти,

ему уже не нужно слишком много спаянности, чтобы удержать эту власть, – словно бы подчинение власти было предписано в некой книге

божественного откровения, которую нельзя изменять и против которой нельзя возражать²².

А затем, в полном соответствии с теорией поколений Ибн Хальдуна, правители новой династии начинают отстранять от себя тех, кто помог им прийти к власти, и начинают устанавливать новые отношения с новыми группами внутри их империи. Это важнейшая проблема, которая встает перед вами в процессе строительства империи после завоевания новых земель. Эти земли обычно уже заняты и часто контролируются местными элитами и знатью, так что новой династии приходится как-то договариваться с ними и заручаться их верностью – или смириться с постоянной угрозой мятежа. По мере того как династия меняет свою природу, а спаянность размывается, происходит упрочение деспотизма. По словам Ибн Хальдуна, «с исчезновением арабской асабийя, с рассеянием арабской расы и с полным уничтожением всего арабского халифат потерял свою идентичность. Форма правления теперь стала чистым самодержавием, откровенным и простым». Последствия этого тоже оказались весьма простыми:

Сдерживающее влияние религии ослабло. Возникла необходимость в чем-то, что ограничит влияние правительства. Царская власть требует превосходства и силы... Следовательно, решения правителя, как правило, будут отклоняться от того, что правильно. Они будут разрушительны для мирских дел людей, находящихся под контролем царя, поскольку, как правило, он заставляет их исполнять его собственные намерения и желания, а это часто может оказаться за пределами их возможностей... Становится все более заметным неповиновение, а оно ведет к волнениям и кровопролитию.

Здесь Ибн Хальдун дает ключи к пониманию некоторых экономических последствий воцарения новой династии. На раннем этапе, когда власть опирается на чувство спаянности и «сдерживающее влияние религии», экономическое процветание потенциально возможно. Но позже, с укреплением «царской власти», экономическая политика может стать «разрушительной для мирских дел» подданных.

Нигде экономические последствия теории поколений Ибн Хальдуна не видны столь наглядно, как в его размышлениях о налогообложении, к которым мы сейчас и обратимся.

²² Эта и следующая цитата из трудов Ибн Хальдуна даются в адаптированном изложении Аджемоглу и Робинсона.

Ибн Хальдун открывает кривую Лаффера

Знай, что [статьи] налогов в начале существования государства невелики по своим долям, а сумма налогов велика, тогда как в конце существования государства доли велики, а сумма мала²³.

Этим высказыванием Ибн Хальдун предвосхитил рейганомику – экономическую доктрину, провозглашенную американским президентом Рональдом Рейганом в начале 1980-х. Экономист Артур Лаффер, пытаясь объяснить одну из ключевых идей рейганомики Дональду Рамсфелду и Дику Чейни (двум восходящим звездам Республиканской партии), а также журналисту Джуду Ванниски, набросал схему на салфетке в вашингтонском ресторане «Два континента». Схема графически отображала основной, по мнению Лаффера, принцип фискальной политики: зависимость между налоговой ставкой и налоговыми поступлениями. При низкой налоговой ставке любое ее увеличение приводит к увеличению поступлений по той простой причине, что государство начинает забирать себе большую долю доходов граждан. Но как только ставка становится слишком высокой, она начинает душить инициативу и подавлять стимулы для эффективного труда и инвестиций – поскольку доход от труда и инвестиций все равно заберет себе государство. Когда же ставка становится запредельно высокой, приобретает, в сущности, карательную функцию, то страдают не только экономические агенты, но и сами налоговые поступления. Это ясно видно, если довести эту логику до экстрима: если ставка налога достигнет 100 % (то есть государство забирает себе вообще всё), то в экономике практически не останется стимулов для генерирования дохода – и несмотря на очень высокую ставку все налоговые поступления прекратятся. Дугообразная линия на салфетке (Джуд Ванниски назвал ее «кривой Лаффера») выглядела в глазах Рамсфелда и Чейни весьма волнующе: она означала, что можно сократить налоговые ставки и при этом налоговые поступления начнут быстро расти по мере того, как люди будут реагировать на более благоприятные возможности, возникающие при более низких налогах. Это была крупнейшая ситуация взаимного выигрыша (*win-win situation*) в истории, и она быстро стала частью экономической политики президента Рейгана.

Нечего и говорить, что в мире, где реальные налоговые ставки гораздо ниже, чем 100 % (в том числе и в США к моменту прихода к власти президента Рейгана), вопрос о том, действительно ли сокращение ставки увеличивает налоговые поступления, остается открытым.

Впрочем, анализ экономической динамики на Ближнем Востоке, проделанный Ибн Хальдуном, покоился на более прочных эмпирических основаниях и его идея кривой Лаффера несколько отличалась от картинки, нарисованной Лаффером для Рамсфелда и Чейни. Идея Ибн Хальдуна была основана на его теории поколений. Сначала новая династия, все еще обладающая чувством спаянности (*асабийя*),

не требует ничего, кроме установленных сборов: садаки (добровольных пожертвований), хараджа (поземельного налога), джизьи (подушной подати), а размер их невелик²⁴.

Это оказывает благоприятное воздействие на экономику, поскольку

если доли невелики и статьи немногочисленны, то подданные стремятся к труду и желают его, и увеличивается освоение мира, и умножается оно на радость людям по причине малого количества податей. А если увеличивается

²³ Перевод А. А. Игнатенко.

²⁴ Перевод А. А. Игнатенко.

освоение людьми мира, увеличиваются количества, приходящиеся на каждую статью, и растет каждая доля, а из-за всего этого увеличивается сбор налогов, их сумма.

Здесь Ибн Хальдун указывает на то, что низкие налоги стимулируют экономическую деятельность, которую он называет «освоением мира», а это, в соответствии с кривой Лаффера, приводит к повышению налоговых поступлений.

Исторические данные говорят о том, что именно это и происходило после арабского завоевания. Омейяды объединили огромные территории под эгидой одного языка, одной религии и под управлением единой центральной администрации, при этом распространив на весь халифат единую правовую систему, основанную на учении Мухаммеда. Первым и самым очевидным экономическим последствием возникновения этого мегагосударства стало расширение торговли и коммерческой деятельности. В конце концов сам Мухаммед когда-то был купцом!

Географ аль-Мукаддаси в X веке составил список товаров, которыми обменивались на торговом пути от Багдада до Хорасана (Восточного Ирана) и далее до Мавераннахра (или Трансоксианы; примерно соответствует территории современного Узбекистана). Вот начало этого списка:

В Нишапуре производятся тканые белые одежды, тканые шахиджанские чалмы, одежды рахтадж и тахтадж, покрывала, плащи (вышитые шелком и одноцветные), аттабские, одежды из шерсти, выделанная пряжа, железо и другие вещи. В Несе и Абиверде – шелк, одежды из него, кунжут и масло из него. В Несе – хлопчатобумажные одежды, меха лисиц и соколы. В Тусе – превосходный камень, из которого делаются горшки, цыновки и хлеб. В волостях Нишапура много грубых одежд...

В конце списка Мукаддаси описывает

сладости, сладкие корни и дыни Мерва; ты не увидишь подобного мясу Бухары и сорту дынь ее, называемому ат-так, лукам Хорезма, глиняным изделиям Шаша, бумаге Самарканда, баклажанам Несы и винограду Герата...

В Хорасане много рудников. В Нишапуре, в волости Риванд рудник бирюзы, в волости Бейхак рудник гагата и мрамора, в Тусе – камень, из которого делаются горшки...²⁵

Такая торговля была невозможна без многочисленных дальних путешествий, самым ярким примером которых может служить *хадж* – ежегодное паломничество в Мекку, собиравшее сотни тысяч верующих со всех концов мусульманской империи и дававшее огромные возможности не только для проявления благочестия, но и для торговли.

Другим благоприятным для экономики эффектом создания халифата была революция в сельском хозяйстве. В какой-то степени сама эта революция стала следствием расцвета торговли, в результате чего возникли гораздо более обширные рынки, чем раньше. За арабскими армиями следовали различные сельскохозяйственные культуры, новые для многих завоеванных регионов, в том числе рис, сорго, твердые сорта пшеницы, сахарный тростник, хлопок, арбуз, ананас, шпинат, артишок, померанец, лимон, лайм, банан, плантан, манго и кокосовая пальма. Многие из этих исконно тропических культур было нелегко возделывать в более прохладных или более засушливых регионах, и это потребовало новых форм хозяйствования.

Ранее сезоном роста на Ближнем Востоке была зима, а урожай собирали весной. В жаркие летние месяцы земля лежала под паром. Однако новые культуры, пришедшие из тропиков, прекрасно себя чувствовали летом, поэтому они изменили структуру сельского хозяйства и

²⁵ Перевод С. Л. Волина.

сделали его более интенсивным. До арабского завоевания поля в этом регионе, согласно византийской практике, засевали раз в два года. Теперь же на одном и том же поле выращивали две культуры в год, например, зимой пшеницу, а летом сорго, хлопок или рис. Все эти инновации документировались в арабских наставлениях по сельскому хозяйству, помогавших распространять новые приемы и способы по всей империи.

Интенсификация сельского хозяйства требовала также удобрений и ирригации. На Ближнем и Среднем Востоке с древности существовали различные типы ирригации, однако византийские и сассанидские системы орошения ко времени арабского завоевания уже пришли в упадок. Арабы восстановили их и построили новую обширную общественную инфраструктуру, включавшую новые типы плотин, подземные каналы, собиравшие грунтовые воды, и водохранилища. Подобные инфраструктурные инвестиции не основывались на каких-то новых технологиях, но были, по сути, адаптацией и развитием уже существующих технологических приемов. Тем не менее, эти меры значительно увеличили продуктивность экономики.

Государство, развившееся из общины под политическим руководством Мухаммеда, сыграло решающую роль в строительстве и поддержании этих обновленных систем ирригации. Оно также поощряло частных лиц делать дополнительные инвестиции в эту инфраструктуру, и не только тем, что с установлением халифата воцарилась относительная политическая стабильность. Дело в том, что город Ясриб (позднее Медина) представлял собой оазис в пустыне и Мухаммеду, в его роли арбитра, приходилось постоянно разрешать конфликты из-за доступа к воде и системам орошения. Множество прецедентов в этой области легли в основу юридической системы, поощрявшей инвестиции в ирригационную инфраструктуру. Особенно важен был тот факт, что новые нормы индивидуализировали право на воду, а не делали ее коллективной собственностью племени или клана. Это облегчило разрешение конфликтов между отдельными лицами. Другие законы напрямую поощряли производительность, включая и норму, которая позволяла получить в частную собственность впервые обработанный участок целины и ограничивала налоги с такого участка одной десятой урожая.

Однако эти первоначальные преимущества вскоре исчезли, по мере того как налоги на продукцию стали стремительно расти. Ибн Хальдун ясно дает понять, что подобные экономические преимущества в принципе недолговечны:

При длительном существовании государства, когда государи и государственные люди приобретают нрав изощренности и умножаются ее привычки, то умножаются и нужды государственных людей... И тогда они умножают статьи и увеличивают доли налогов на имущество подданных, на землепашцев и земледельцев и на всех налогоплательщиков... Они устанавливают подати на торговые сделки и въезд в город... И ложатся поборы бременем на подданных и гнетут их... Подданные теряют надежду, так как малой становится польза, которую дает освоение мира. И если кто-то сравнит пользу и поборы, а также плоды труда и выгоду, то многие вообще отвернутся от труда, осваивающего мир. Сумма сборов становится тогда недостаточной из-за недостаточности размеров долевых частей²⁶.

По мере того как налоговые поступления сокращаются, правителям приходится придумывать всё новые виды налогов. Постепенно торговля приходит в упадок, и ситуация продолжает ухудшаться, пока династия не разлагается окончательно. Нечто подобное, замечает Ибн Хальдун, «происходило в городах Востока на закате правления Аббасидов и Фатимидов» (династия Фатимидов, возводившая свою родословную к Фатиме, дочери Мухаммеда, правила в Северной Африке с начала X до конца XII веков).

²⁶ Перевод А. А. Игнатенко.

Дошедшие до нас исторические свидетельства подтверждают рассказ Ибн Хальдуна. После арабского завоевания налоговые ставки на землю, похоже, неуклонно повышались, а доходы от налогов падали. Налоговые поступления из региона современного Ирака, например, упали с 12,8 миллиона динаров сразу после завоевания, до 8,3 миллиона к концу династии Омейядов, до пяти миллионов к 819 году и до трех миллионов с небольшим к 870-му. Данные Египта и Месопотамии говорят о том же.

Одним из распространенных подходов был следующий: правитель «сам может заниматься торговлей и сельским хозяйством, из желания увеличить [свои] доходы». Но Ибн Хальдун считал, что это может быть очень вредным для рядовых членов общества, потому что

когда правитель, имеющий гораздо больше денег, чем они, соревнуется с ними, вряд ли кто-то из них будет получать после этого то, что хочет, и все будут обеспокоены и несчастливы. Кроме того, правитель может присваивать себе культурные продукты и доступные товары... Он может делать это силой или скупая их по самой дешевой доступной цене. И может не оказаться никого, кто посмел бы предложить цену против него. Так он сможет убедить продавца снизить свою цену.

С другой стороны, когда правитель что-то продает, то он заставляет всех платить высокую цену. Конкуренция с правителем приводит к тому, что «крестьянин оставляет хозяйство, а купец уходит из торговли».

Когда распадались государства Омейядов и Аббасидов, влияние откупщиков и неспособность халифов построить эффективное бюрократическое управление также привели к разрушению инфраструктуры и сокращению инвестиций, поскольку земледельцы оказались в зависимости от произвола местных элит. Рядовые крестьяне не могли свести концы с концами и отправлялись в города. Приход представителей элиты в экономику привел именно к тем результатам, о которых и писал Ибн Хальдун. Вот как он объясняет развал империи Аббасидов:

Так произошло с Аббасидами, когда в этом государстве во время правления Муатасима и сына его Васика разрушилась асабийя арабов и государство прибегло к помощи чужаков – персов, тюрков, дайламитов, сельджуков и других...²⁷

В результате реальная власть Аббасидов сократилась и не простиралась дальше Багдада и его окрестностей.

²⁷ Перевод А. А. Игнатенко.

Деспотический рост Янусоликого

Теория Ибн Хальдуна блестяще иллюстрирует влияние деспотического государства на экономику – не потому что тип циклического развития, о котором рассуждал Ибн Хальдун (когда на смеху хорошему приходит плохое), представляет собой какой-то «исторический закон», а потому что это влияние высвечивает как хорошие, так и плохие черты экономики (последние всегда проявляются при деспотизме).

Государство может предоставлять подданным преимущества в виде общественного порядка, безопасности и мира. Оно насаждает законы, делает ясным и предсказуемым разрешение конфликтов, неизбежно случающихся в процессе экономической деятельности. Оно помогает расширению рынков и торговли. Государство и контролирующие его строители государства бывают заинтересованы в поддержании прав собственности в соответствии с эффектом кривой Лаффера – поскольку без защиты этих прав и без предсказуемости государственной политики возникает ситуация, схожая со стопроцентной налоговой ставкой: отсутствуют стимулы к работе, торговле и инвестициям, а в результате сокращаются и налоговые поступления. Поскольку этого не хочет ни один правитель, лучше сохранять налоги на низкой ставке. В таком случае экономика потенциально может процветать, и общество – а заодно и Деспотический Левиафан – будут пользоваться всеми благами этого процветания. Та же логика объясняет, почему предоставление общественных услуг, инфраструктуры и даже образования, увеличивающих производительность и экономическую активность, всегда в интересах строителей государства.

Все это подразумевает, что Деспотический Левиафан способен создавать больше экономических возможностей и стимулов в сравнении с войной всех против всех и клеткой норм. Он даже способен организовывать общество, упорядочивать законы и самостоятельно инвестировать в экономику, чтобы непосредственно стимулировать экономический рост. Такова суть того, что мы называем «деспотическим ростом».

История халифата Омейядов и Аббасидов наглядно иллюстрирует этот тип роста. Способность Мухаммеда разрешить конфликты враждующих кланов, которые определяли общественную жизнь в Медине до прибытия пророка, благотворно повлияла и на экономическую активность. Мединцы получили более надежные права собственности, государство, построенное Мухаммедом, сдерживало конфликты и не давало им разрастаться, а после объединения арабских племен под эгидой ислама прекратились и набеги на караваны. Эти же факторы облегчили торговлю. Как мы только что видели, такое протогосударство осуществляло новые общественные инвестиции в инфраструктуру, включая строительство дамб, подземных каналов и других ирригационных сооружений. В результате значительно увеличился объем сельскохозяйственного производства. Теперь ситуация значительно отличалась от того, что наблюдалось в Медине до появления Мухаммеда.

И все же как, подобно Янусу, двулик Левиафан, так же двулик и деспотический рост, и Ибн Хальдун оказался очень проницательным также и в этом отношении. Он признавал, что деспотическое государство, не ограниченное инструментами общественного контроля или механизмами подотчетности, обречено концентрировать все больше и больше политической власти в собственных руках. А чем больше власти, тем больше монополизируются экономические преимущества, тем больше соблазнов нарушать права собственности – которые власть по идее должна защищать – и тем ближе государство приближается по кривой Лаффера к той точке, где налоговые ставки и риски экспроприации настолько велики, что начинают уменьшаться не только средства к существованию граждан, но и государственные налоговые поступления. Это означает, что в конечном итоге не только увянут плоды деспотического роста, но и

угроза явления яростного лица Левиафана перечеркнет все преимущества, которые он создавал до сих пор. Выражаясь поэтическим языком Ибн Хальдуна,

Как шелковичный червь, вращаясь,
Находит свой конец среди нитей, что он свил.

Вторая причина, по которой деспотический рост неизбежно ограничен, столь же фундаментальна. Как мы подчеркивали в нашей предыдущей книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные», стабильный экономический рост требует не только защиты прав собственности, торговли и инвестиций, но и, что более важно, инноваций и постоянного повышения производительности. А этого уже труднее добиться под суровым взглядом Деспотического Левиафана. Для инноваций нужна креативность, а для креативности нужна свобода – индивиды должны без страха действовать, экспериментировать и прокладывать свои собственные пути согласно своим собственным идеям, даже если эти идеи не нравятся кому-то другому. В условиях Деспотического Левиафана обеспечить такую среду трудно. Там, где одна группа доминирует над остальным обществом, открывается не так уж много возможностей, как и не бывает в обществе без свободы особой терпимости к разным путям и экспериментам.

И в самом деле, это причины, по которым, как мы утверждали в нашей предыдущей книге, «экстрактивный рост», близкий родственник того, что мы здесь называем деспотическим ростом, ограничен и вряд ли может стать основанием стабильного и продолжительного благосостояния. Мы в свое время проиллюстрировали такую ограниченную природу экстрактивного роста несколькими примерами, простейший из которых – взлет и падение «советского экономического чуда». Советскому Союзу удалось организовать экономику таким образом, чтобы у государства была возможность вливать людские ресурсы и огромные материальные и финансовые инвестиции в тяжелую промышленность и военные технологии, а впоследствии и в космическую гонку. И все же СССР не смог создать достаточно инноваций и повысить производительность настолько, чтобы удержать экономику от стагнации и в конце концов от развала. Этим примером иллюстрируется тот факт, что экстрактивный рост происходит тогда, когда правительство, не ограниченное ни институтами, ни обществом, поддерживает этот рост из каких-то собственных интересов. Но даже в таком случае правительство неспособно организовать или в приказном порядке обеспечить инновации. Не может оно и добиться распределения возможностей, которые помогли бы подданным проявить креативность. То же самое можно сказать в отношении деспотического роста, вызванного к жизни Деспотическим Левиафаном в отсутствие общественного контроля и подлинной свободы, без активного участия общества.

Закон треснувшего весла

Преимущества деспотического роста для государства хорошо осознавал Камеамеа, объединивший Гавайские острова. Первым законом, который он принял после заключительной завоевательной кампании, был так называемый «Закон треснувшего весла». Он гласил:

О мой народ, почитай богов твоих;
Уважай в равной степени [права] людей великих и низких;
Следи за тем, чтобы наши старики, женщины и дети
Лежали и спокойно спали у дорог без страха.
Неподчинение карается смертью.

Этот закон приобрел настолько важное значение для истории Гавайев, что его включили в конституцию штата в 1978 году. Десятый раздел Конституции гласит:

Общественная безопасность. Закон треснувшего весла (*мамала-хоэ канавай*), провозглашенный Камеамеа I и позволяющий каждому пожилому человеку, женщине и ребенку безопасно возлежать у обочины дороги, останется уникальным и живым символом заботы Штата об общественной безопасности.

Штат обязан предоставлять людям защиту от преступлений против личности и собственности.

Изначальный смысл закона заключался в том, что вновь образованное государство не потерпит неспровоцированного нападения на людей или их имущество. Название закона напоминает об инциденте, который случился, когда Камеамеа, в ту пору молодой воин, участвовал в набеге на побережье Пуна в восточной части острова Гавайи (см. карту 6, стр. 137) и решил заодно отобрать улов у местных рыбаков. Спрыгнув из каноэ в воду, он угодил ногой прямо в узкую расщелину в застывшей лаве, покрывавшей берег, и застрял в ней. Увидев это, один из рыбаков осмелел, подбежал к грабителю и огрел его веслом. Удар был такой силы, что весло треснуло. Позже Камеамеа раскаялся в нападении и решил издать закон, запрещающий подобную агрессию.

При этом его беспокоили не только неспровоцированные нападения на коренных гавайцев и их собственность, но также нападения на чужеземцев и их собственность. Камеамеа понимал, что благосостояние его нового островного государства зависит от коммерческих связей с внешним миром. В эпоху, когда он объединял острова, европейские и особенно американские корабли уже вели активную торговлю на Гавайях, но этой торговле постоянно угрожали враждебные действия местных жителей. Особенно гавайцы любили воровать якоря с иностранных судов. В предыдущей главе мы видели, как цепь событий, начавшаяся с кражи шлюпки с флагманского корабля Джеймса Кука, в конце концов привела к гибели капитана. Еще в 1793 году Камеамеа говорил некоему мистеру Беллу, участнику экспедиции Джорджа Ванкувера, прибывшей на Гавайи, что

его самое твердое решение – никогда не досаждать и не вредить даже слабейшему из судов, что приходят к Келакекуа, или туда, где он находится, и, напротив, делать все возможное, чтобы их пребывание среди местных жителей было самое удобное.

Камеамеа в самом деле серьезно следил за этим – и столь же серьезно намеревался ускорить деспотический рост. Вскоре ему удалось убедить иностранных торговцев, что посещать Гавайи достаточно безопасно. Потенциальные экономические преимущества были огромными, и Камеамеа умело воспользовался ими. Он монополизировал внешнюю торговлю, уста-

новив новые «тапу», чтобы этой торговлей не занимались простолюдины. Он установил полный контроль над рынком, так что мог диктовать условия обмена с чужеземцами, устанавливая высокие цены на необходимые им припасы. Торговля продовольствием и другими товарами первой необходимости сама по себе была чрезвычайно выгодной, но вскоре Камеаеа понял, что сандаловое дерево принесет еще больше прибыли. В 1812 году он подписал с американскими предпринимателями (бостонскими судовладельцами братьями Уиншип и калифорнийским бизнесменом Уильямом Хитом Дэвисом) договор, согласно которому Камеаеа становился монополистом в экспорте гавайского сандалового дерева. Договор был заключен сроком на десять лет, и в течение этого времени Камеаеа получал в свое личное распоряжение четверть всей прибыли от экспорта. Ибн Хальдун заметил бы тут, что подобное соглашение не может обеспечить длительного благосостояния. Оно и не обеспечило – и именно таким образом, каким и предсказывал Ибн Хальдун.

Акула, идущая вглубь земли

Одним из великих историков Гавайев был швед Абрахам Форнандер, прибывший на острова в 1838 году, выучивший местный язык, взявший в жены местную женщину и полюбивший местный народ. В 1887 году Форнандер скончался, и его записки Британский музей опубликовал только в 1920-х. Вот одна из гавайских песен, записанных Форнандером:

Акула, идущая вглубь земли, – мой вождь,
Очень сильная акула, способная поглотить всю землю;
Акула с очень красными жабрами – мой вождь;
У него такое горло, что он проглотит весь остров и не задохнется.

Песня сравнивает гавайских вождей (до Камеамеа), с «акулами, идущими вглубь земли». Вполне подходящая аналогия, подчеркивающая хищническую суть этих вождей.

Как и в других примерах деспотического роста, созданное при Камеамеа объединенное гавайское государство вскоре свернуло на путь, проторенный предыдущими вождями, – то есть стало такой же «акулой, идущей вглубь земли». Это, процесс описал Сэмюел Камакау, еще один представитель первого поколения гавайских историографов. Как и Дэвид Мало, свидетеля которого мы обсуждали в предыдущей главе, Камакау лично наблюдал многие из упомянутых им событий или разговаривал с их очевидцами. В своем описании он затрагивает благоприятные аспекты предпринятого Камеамеа строительства государства, но также не умалчивает о бросающихся в глаза отрицательных последствиях:

Страна в целом выиграла от объединения под властью одного правителя, но большинство вождей и землевладельцев при Камеамеа по-прежнему притесняли простолюдинов и забирали их земли, таким образом превращая обладающих землей в рабов... Налогами облагались все владения, будь то большие или мелкие, и количество налогов постоянно увеличивалось, ибо землевладельцев было много, а под их началом тех, кто требовал дань... Объединение земли принесло чрезмерные налоги... «Налоги требуют даже с малейших клочков»... так говорили повсеместно.

Продвижение акулы – или акул, поскольку второстепенные вожди при Камеамеа и его преемниках быстро включились в этот процесс, – ярко иллюстрирует сохранившийся документ 1846 года, описывающий попытку короля Камеамеа III рационализировать и перераспределить права на землю. Совет из трех человек, одного гавайца и двух иностранцев, разработал ряд «принципов», согласно которым предполагалось формализовать права собственности. В этих принципах отмечалось, что

король, представляя власть и изначально являясь единственным владельцем земли... должен восприниматься как таковой и впредь.

Конечно, как мы увидим, король «владел» землей не в западном смысле слова. Тем не менее, далее в документе говорилось:

Когда Камеамеа I завоевал острова, он последовал примеру своих предшественников и разделил земли между своими основными военными вождями, сохранив при этом часть в своих руках, чтобы обрабатывать или непосредственно управлять ею с помощью своих слуг или помощников. Каждый основной вождь также разделил свои земли и раздал их более мелким вождям, которые продолжили их делить снова и снова; так земли проходили

через четыре, пять или шесть рук, до самого нижнего класса владельцев. Считалось, что всем этим людям принадлежат права на землю или на ее продукцию.

Все люди... должны был, не только платить земельный налог королю, который тот охотно взимал, но и оказывать услуги, о которых тот просил по своему усмотрению, на всех ступенях с самой высшей. Также они, помимо ежегодных налогов, должны были делиться частью продукции с земли. Во всякое время они должны были подчиняться ему.

Стоит особо отметить слова, которые использует историк. Платить дань и отрабатывать повинности теперь должны были не только рядовые люди (*макаанинана*), но и те, кто находился «на всех ступенях с самой высшей». На землях короля широко использовался принудительный труд. Русский купец Федор Иванович Шемелин из Российско-американской компании, которая часто вела дела с Гавайскими островами, писал, что король

не только не платит ничего им за их труд, но даже отказывается их кормить.

Сэмюел Камакау тоже отмечал, что рубщики сандалового дерева были вынуждены есть «травы и стебли папоротника».

Принудительный труд обрел особо важное значение, когда после смерти Камеамеа в 1820-х годах спрос на сандаловое дерево резко повысился. Эти деревья обычно росли далеко от деревень, на склонах гор, и король с вождями отправляли большие экспедиции в сотни и даже тысячи человек, которые должны были отыскивать сандаловые деревья, валить их и доставлять древесину на побережье. Весь процесс занимал несколько недель. Английские миссионеры Тайерман и Беннет видели, как две тысячи человек в 1822 году доставляли сандаловое дерево на королевские склады в Каиула на острове Гавайи. Этим людям не платили, и их не кормили, предоставляя им самим кормиться, чем придется. Принудительный труд и связанное с ним перемещение рабочей силы привели к резкому падению сельскохозяйственного производства и к постоянному проживанию на грани голода. Один из путешественников того времени, побывавший на островах, писал, что

причина, по которой продовольствие на острове столь скудно, заключается в том, что народ на протяжении нескольких последних месяцев был занят добычей сандалового дерева и, разумеется, вынужден был забросить обработку земли.

Особенно хорошо задокументировано поведение одного вождя по имени Кокс на севере Оаху. В начале 1820-х он организовывал большие экспедиции по доставке сандалового дерева из горных лесов, окружающих долину реки Анахулу на севере острова. Свидетелем этого масштабного предприятия с широким использованием принудительного труда стал торговец Гилберт Мэтисон, писавший:

Кокс отдал приказы сотням своих подданным в назначенный день отправиться в лес на заготовку сандалового дерева. Все они подчинились, за исключением одного мужчины, который имел глупость упрямо отказаться. Поэтому в тот же день его дом сожгли до основания; и все же он отказывался идти. Следующим делом у него отобрали все имущество и выгнали жену с семьей из владений вождя.

Наблюдения Мэтисона о том, как Кокс управлял своей территорией, многое говорят и о том, каким стало государство Камеамеа после смерти основателя. Например, один американский матрос, которому Кокс подарил участок земли, рассказывал, что его жена боится делать какие-либо улучшения по хозяйству, потому что это может привлечь внимание Кокса и тот

заберет землю обратно. Один местный житель в 1824 году жаловался проповеднику Джеймсу Элаю:

Мы погружаемся в пучину разочарования. У нас нет стимулов к труду, но многое отвращает нас от него. Если мы занимаемся каким-то делом, это замечают вожди, которые забирают наше добытое имущество. Если мы откармливаем свиней или овец, коз или птиц, их отбирают и уносят ради удовольствия вождей. Если мы продаем свою продукцию, полученные деньги или вещи у нас тоже отбирают. Чем больше мы делаем, тем сильнее нас притесняют.

К концу 1820-х обязательные отработки («барщина») на короля увеличились с одного дня до трех дней в неделю, а принудительный труд по добыче сандалового дерева стал еще тяжелее. В 1830-х годах сандаловые леса иссякли, но король с вождями стали использовать принудительный труд в сельском хозяйстве. В 1840-х годах, по оценкам миссионера Уильяма Робертса, помимо обязательной барщины, среднестатистический крестьянин должен был отдавать королю и различным вождям целых две трети своей продукции.

Кульминацией этой экстрактивной системы стала реформа 1848 года, получившая название «Великий Махеле»; в ходе этой реформы король Камеамеа III решил на радикальное перераспределение упомянутых выше земель. В итоге 24 процента территории островов стали личной собственностью короля. Еще 36 процентов отошло государству – по сути, опять же королю. Другие 39 процентов достались 252 вождям, и только 1 процент – остальному населению.

Акулы к этому моменту прочно обосновались на земле и принялись пожирать ее.

Птица, пожирающая других

Экономические последствия образования зулусского государства были схожими. В 1820-х годах многие мелкие вожества, которые позже вошли в состав Квазулу-Натала, занимались выращиванием кукурузы и проса и разведением скота. Особо развитой торговли не было, а международные работорговцы до этого региона Африки не добирались. Как и в большинстве африканских доколониальных обществ, право пользования землей на определенных участках имели семьи и родовые группы. Скот и сельскохозяйственные культуры считались собственностью семьи. Хотя экономика зулусов во многих отношениях отличалась от экономики Тивленда, где скот был мало распространен из-за мухи цеце, свидетельства говорят о том, что она так же находилась в клетке норм. Скот, например, считался престижным товаром, и его могли продавать только при отдельных и нетипичных обстоятельствах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.